

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.85

О. А. НИКИФОРОВ

Омский государственный
университет путей сообщения

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ РОССИЙСКОЙ САМОБЫТНОСТИ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

«Национальные традиции могут либо способствовать экономическому успеху нации, либо, если они не учитываются, способствовать ее застою». В статье автор пытается обобщить факторы, способствовавшие формированию национальных традиций русского народа и показать, какое влияние они оказали на содержание деловой среды и облика российского предпринимателя.

Ключевые слова: традиция, деловая жизнь, предприниматель, нация.

Нельзя раскрыть сущность российского, как и предпринимательства любой другой страны, не вскрыв и не уяснив истоки его возникновения, не поняв ту материальную и духовную среду, в которой оно зарождалось, а потом и развивалось. Носителями (субъектами) деловой жизни, как правило, выступают наиболее активные, предприимчивые представители того или иного народа, имеющие свой менталитет, свою трудовую и хозяйственную этику. Поэтому, по признанию ведущих ученых и практиков, нельзя не учитывать и тем более игнорировать национальные особенности и традиции в сфере бизнеса. В противном случае предпринимательство будет носить зависимый, ограниченный характер, действовать без должной эффективности и результативности. «Национальные традиции могут либо способствовать

экономическому успеху нации, — пишут авторы книги «Идеология и конкурентоспособность наций», — либо, если они не учитываются, способствовать ее застою» [1].

Национальная самобытность, деловая активность нации формируется под воздействием различных факторов как материального, так и духовного порядка. Особое место среди факторов первой группы занимает природно-климатическая, географическая и геополитическая среда проживания того или иного народа, которая оказывает существенное влияние на характер трудовой и деловой жизни, а в известной мере и на формирование ментальности его.

Русский этнос сформировался на огромной лесостепной территории, которая находилась в зоне резко континентального климата, где зима была продолжи-

тельной, а лето — коротким. «Россия, — писал великий русский философ И. А. Ильин, — поставила нас лицом к лицу с природой, с безнадежной осенью и бурною, страстною весной» [2].

Капризы природы весьма отрицательно сказывались на урожайности русских полей. Сбор зерна на Руси, в дореволюционной России, был в 2–3 раза ниже, чем в странах Запада. А это, в свою очередь, не могло не сказываться отрицательно на накоплении прибавочного продукта. Более того, значительная его часть изымалась государством в виде многочисленных налогов, которые использовались для ведения войн, защиты территорий, для содержания чиновников и обогащения знати. Лишившись и без того скудного прибавочного продукта, население страны имело крайне ограниченные возможности для развития свободной предпринимательской деятельности.

Другим сдерживающим фактором национальной деловой жизни можно считать автаркию, т.е. хозяйственную замкнутость страны, ограниченные возможности выхода к морским торговым путям. Несмотря на большие экспортные сырьевые ресурсы, выгодное геополитическое положение России, до XVIII в. страна находилась в стороне от активной международной морской торговли. Сопредельные страны обогащались и развивались за счет морской торговли, накапливали опыт предпринимательской деятельности, постигали основы рыночной экономики. Русский народ довольно длительное время был лишен таковых возможностей. Он вынужден был расходовать огромные финансовые и материальные ресурсы, вести кровопролитные войны, чтобы завоевать выход к морским берегам и принимать стабильное и действенное участие в международной торговле.

Скудность почвы, низкая плотность населения, с одной стороны, потребность и заинтересованность государства в принудительном, бесплатном труде — с другой, в известной мере, не только породили крепостное право, но и предопределили длительность его существования. В таких условиях, когда подавляющее большинство населения страны было зависимым и бесправным, разумеется, свободное предпринимательство не могло развиваться в широких масштабах и в тех цивилизованных формах классического капитализма, в которых оно развивалось на Западе. В России того периода предпринимательство имело не только ограниченную сферу деятельности, но и приобретало специфические формы, характерные для традиционного общества, российской действительности. Носителями этих форм выступали не только купцы, дворяне, но и даже крепостные крестьяне. Так, в конце XVIII в. в селе Иваново Владимирской губернии действовало 188 набоечных изб по производству тканей, которыми владели 20 крепостных крестьян [3]. Преобладали среди таких крестьян, как правило, старообрядцы, которые отличались большим трудолюбием, порядочностью, предприимчивостью. В их среде зарождались будущие предпринимательские династии Прохоровых, Рябушинских, Третьяковых, ставшие затем национальной гордостью российского делового мира.

Однако наряду с этими сдерживающими факторами материального порядка действовали позитивные факторы, которые содействовали становлению, а затем развитию национального предпринимательства. К ним, вероятно, можно отнести такие факторы, как геополитическое положение страны, создававшее благоприятные условия для сухопутной внешней торговли как с Востоком, так и с Западом, наличие богатой сырьевой базы и интерес к ней со стороны

иностраных деловых кругов, наличие различных видов ремесел и промыслов.

Особо важную роль в становлении и развитии торгового предпринимательства играли российские реки. В отличие от многих европейских рек они были полноводными, текли спокойно, имели многочисленные разветвления и представляли большую значимость как для зимней, так и для летней торговли. До XIX в., т.е. до появления железных дорог, реки являлись основными торговыми артериями страны. В. О. Ключевский писал «... никогда в Европе не встретим такой сложной системы рек со столь разносторонним разветвлением и с такой взаимной близостью бассейнов» [4]. По его же мнению, реки воспитывали в русском этносе дух предприимчивости, привычку к совместному действию, приучали обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, обмениваться товаром и опытом.

Огромное влияние на деловую и хозяйственную жизнь страны оказывала колонизация. Как и во всем мире, она открывала широкие возможности для первоначального накопления капитала, проявления предприимчивости. В процессе колонизации выковался новый тип предпринимателя, отличавшийся отвагой, упорством и умением рисковать. Однако в российской «колонизации» как и в ее воздействии на деловую жизнь, были некоторые отличительные черты. Во-первых, здесь колонизация не сопровождалась экспансией и захватом отдаленных заморских территорий. Она осуществлялась, в основном, путем вовлечения в процесс хозяйственного развития слабозаселенных и экономически не развитых территорий Сибири и Дальнего Востока. Во-вторых, в качестве первопроходцев частью выступали люди, которые обживали территорию, налаживали товарообмен или сами заводили промысел, а уже вслед за ними продвигались служащие и другие переселенцы. В-третьих, результатом российской «колонизации» становилось насыщение внутреннего и международного рынка мехами, рыбой, лесом. В-четвертых, вновь открытые территории и их народы вовлекались в сферу единого экономического пространства России, приобщались к деловой жизни.

Весьма сложной и противоречивой была духовная сфера формирования и развития отечественного предпринимательства. Она отличалась, прежде всего, разнообразием конфессий, а следовательно, и естественностью их влияния на деловую активность различных национальностей, населявших территорию Российской империи. Подавляющее большинство населения было русским, исповедовавшим православное христианство. В отличие от протестантизма Запада, которое призывало к активной деловой жизни, к обогащению, православное христианство не ориентировало на предпринимательство, на достижения коммерческого успеха. Так, если на Западе богатство рассматривалось как успех, как знак Божьего благословения, то в России все это расценивалось иначе. Здесь стремление к богатству и предприимчивость не рассматривались в качестве угодной Богу деятельности, а богатство — в качестве благодатности.

Однако это не говорит о том, что русскому менталитету, имевшему христианские основы, свойственно отрицание собственности, предприимчивости, деловой активности. В России, как и во всем православном мире, собственность рассматривалась не как абсолютное (вечное), а временное (земное) благо, которое требовалось использовать не только и не столько для себя, сколько для окружающих. Православие оказывало существенное влияние на

формирование хозяйственной и предпринимательской этики, на характер деловых отношений. Под его влиянием зародились не только благотворительность, меценатство, но и сформировались ценные качества личности отечественного предпринимателя.

Совершенно очевидно, что российское предпринимательство в дореволюционный период зарождалось и развивалось в сложной материальной и духовной среде, отличавшейся разнообразием и противоречивостью своего воздействия. Одни факторы ограничивали предпринимательскую деятельность, а другие — напротив, стимулировали активную деловую жизнь. Противоречивость воздействия среды порожила определенную уникальность, специфику российской деловой жизни, которая отличалась масштабностью своего распространения, разнообразием форм, преобладанием семейного капитала, тесной связью с государством.

Библиографический список

1. Платонов, О. А. Русский путь в экономике / О. А. Платонов // Русский путь в развитии экономики. — М. : АКИРН, 1993. — 186 с.
2. Ильин, И. А. О России / И. А. Ильин. — М. : ТРИТЭ, 1991. — 235 с.
3. Сущенко, В. И. История российского предпринимательства / В. И. Сущенко. — Ростов н/Д : Феникс, 1997 — 759 с.
4. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1 / В. О. Ключевский. — М. : ИНФРА-М, 1993. — 568 с.

НИКИФОРОВ Олег Александрович, доктор исторических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг».

Адрес для переписки: nikifrv-oleg@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.12.2011 г.

© О. А. Никифоров

УДК 947 (571.1)

А. В. СУШКО

Омский государственный
технический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛЧАКОВСКИМ РЕЖИМОМ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются религиозные аспекты идеологического обеспечения деятельности колчаковского режима в годы Гражданской войны, освещается вопрос использования властями религиозных чувств населения для борьбы с большевиками — попытка объявления религиозной войны большевикам, исходившая от представителей населения, которая была поддержана колчаковскими властями.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, колчаковский режим, идеологическое обеспечение, дружины Святого Креста.

В годы Гражданской войны в России наибольшая угроза для большевиков исходила из Сибири, где к власти 18 ноября 1918 г. пришел адмирал А. В. Колчак, признанный всеми белогвардейскими властями Верховным правителем России. Колчаковский военно-политический режим водрузил на свои знамена идеологию русского национализма. В интерпретации его апологетов русская нация строилась на единстве культуры, стержневым элементом которой являлось православие. Поэтому отличительным качеством национализма колчаковцев являлся его религиозный характер. Одним из направлений идеологической борьбы между белыми и красными в Сибири стало противопоставление религиозных ценностей белыми безбожью красных и, соответственно, национализма — интернационализму.

Данный аспект идеологического обеспечения вооруженной борьбы в годы Гражданской войны не нашел адекватного отражения в исторических трудах. Советские историки квалифицировали колчаковщину как кадетский буржуазно-монархический режим. Современные специалисты, по-прежнему не уделяя должного внимания национализму в идеологии белогвардейцев, определяют колчаковщину, как военный или либеральный режим. Цель данной

работы — рассмотреть деятельность колчаковского режима, направленную на использование религиозных чувств населения в интересах борьбы с большевиками.

Верховный правитель России, вождь белого дела — адмирал А. В. Колчак, рассматривал войну с большевизмом как религиозную борьбу. По воспоминаниям его личного адъютанта ротмистра В. В. Князева, после того, как в первых числах января 1919 г. к адмиралу приехал священник, передавший адмиралу благословение патриарха Тихона на борьбу с большевиками, письмо и фотографию образа святого Николая Чудотворца с Никольских ворот Кремля, адмирал, прочитав письмо патриарха, воскликнул: «Я знаю, что есть меч государства, пинцет — хирурга, нож — бандита... А теперь я знаю!! Я чувствую, что самый сильный меч духовный, который и будет непобедимой силой в крестовом походе — против чудовища насилия!» [1].

Колчаковский политический режим особое значение придавал религиозному вероисповеданию граждан. Для людей, поступавших на государственную службу, были разработаны тексты присяги на основании их религиозной принадлежности. Существовали присяги для православных и католиков,

мусульман, иудеев, старообрядцев, лютеран и для лиц внеконфессионального состояния [2]. Клятву верующие давали на своих святых книгах: христиане — на Священном Писании, а мусульмане — на Коране.

Религиозная пропаганда стала одним из основных аспектов пропаганды русского национализма в проправительственной периодике. Газета «Народная свобода» писала: «Одной из главнейших, если не единственной, причиной всех переживаемых нами бедствий является во всех слоях населения отсутствие национального чувства. Чувство это главным образом покоилось на религиозной почве, на защите веры православной, святых икон и храмов Божьих» [3]. Слово «русский» для большинства сибирских кадетов было равнозначно слову «православный». На партийной конференции проходившей в мае 1919 г. в Омске, сибирские организации партии Народной свободы о значении православия в жизни государства заявили: «Принимая во внимание, что одной из основных создающих сил национальной русской культуры является православие, конференция считает обязательной бережную заботливость русского государства о православной церкви, исконной, верной хранительницы исторического бытия, духовного лика России» [4].

Религиозный национализм был близок офицерству, составлявшему социальную базу режима, ударную силу его армии на полях гражданской войны. Офицерство было воспитано на триединой формуле «За Веру, Царя и Отечество», где первым элементом был религиозный. Поэтому особая роль придавалась пропаганде религиозного национализма в военной среде. Рождественский номер «Военных ведомостей» за 1919 г. — яркий пример религиозной пропаганды русского национализма. Газета писала: «Москва встретит Рождество Христово под властью насильников. Великий Кремль, хранитель традиций Православной России, сейчас занят Советом комиссаров, наполовину состоящим из нерусских людей. А вокруг него посты иноземцев, для которых нет в Кремле ничего святого» [4, 7 января]. Так война против большевиков преподносилась прессой как «война священная, в которой русский народ защищает свою веру, свою религиозную свободу» [5].

Проводя воспитательную работу, офицеры старались внушить своим солдатам религиозные чувства. Например, приказом командира Прифронтовой кадровой бригады I Средне-Сибирского корпуса от 3 апреля 1919 г. предписывалось: «Обращать внимание на религиозную сторону воспитания, внушать солдату, что он прежде всего православный солдат, который не должен допускать издевательства над его верой и храмами, которые большевики превратили в театры. Несомненную пользу принесут беседы полковых священников на духовно-нравственные темы» [6]. Подобного рода пропаганда имела определенный успех среди солдатских масс на фронте. В обзоре печати Информационного отделения Осведомительного отдела главного штаба за 11 — 17 мая 1919 г. отмечались религиозные настроения среди солдат. Как сообщал полковой священник Романовский: «Разграбление церквей и убийство священников очень озлобляют наших солдат и лучшей агитацией побуждают в них ненависть к гнусным кощунникам. Религиозный подъем на фронте велик. Борьбу с большевиками наши солдаты начинают рассматривать все более и более как борьбу за поруганную веру» [7].

Однако по целому ряду причин к осени 1919 г. военное положение Белой Сибири становилось

угрожающим. В критические для колчаковской власти дни особенно ярко выглядела попытка спасения режима посредством широкого добровольческого движения и объявления большевикам «религиозной войны». Наиболее активно эту идею лоббировал генерал М. К. Дитерихс, призывавший население записываться в дружины Святого креста Зеленого знамени. Следует подчеркнуть, что создание религиозного добровольческого движения было инициировано не правительством, а общественными активистами из разных слоев населения, людьми, связывавшими национальное дело с религиозной идеей. У участников этого движения богоборческий атеизм большевиков вызывал ненависть. К причинам возникновения сибирского движения «крестоносцев» следует в первую очередь отнести борьбу большевиков с религией, вызывавшую ответную реакцию верующих людей, а также пропагандистскую кампанию, проводимую правительством и его сторонниками, нацеленную на дескридитацію большевизма, на обострение в населении национальных, религиозных чувств.

Вопрос о религиозном добровольческом движении в колчаковском лагере исследован мало и необъективно. Советские историки квалифицировали его как «раздувание религиозного фанатизма». В. А. Демидов писал, что «вся эта шумиха закончилась полнейшим провалом. Удалось создать лишь одну малочисленную дружину Святого Креста» [8]. Это объяснимая для своего времени, но неверная оценка чрезвычайно интересного для отечественной истории явления, сделанная в основном на основе дневника А. Будберга, весьма субъективно отражавшего события тех дней.

Движение «крестоносцев» в Белую Сибирь пришло с Урала. Его в критический для Уральского казачьего войска дни инициировали пожилые казаки. Сообщения о движении в виде беседы сотрудника газеты «Русь» с представителем Уральского казачьего войска при Верховном правителе Е. Д. Коноваловым было растиражировано сибирской прессой [9]. Коновалов рассказал сотруднику газеты о зарождении движения «крестоносцев» в войске: «Уральские казаки, среди которых значительное число старообрядцев, испытывали со стороны красноармейцев гонения на религию, пришли к мысли составить из казаков-стариков, людей непризывного возраста, дружину которая шла бы на противника в казачьих рядах. На одно из первых заседаний съезда явилась особая делегация во главе со стариком-казаким Кабаевым, которая рассказала депутатам об этом своем желании. Съезд дал разрешение на формирование дружины. Тогда же на заседание было принесено много старинных больших медных крестов и старинные иконы. Были пожертвованы и куски малиновых материй, чтобы прикрепить к каждой иконе особый киот. На следующий день иконы и кресты были прикреплены к древкам пик, и вскоре же крестоносцы отправились на фронт». Далее Коновалов заявил: «Я бы не хотел, чтобы здесь, в Сибири, представляли дружину уральцев-крестоносцев чем-то очень значительным количественно. Она численно невелика. Она имеет большое моральное значение качественно». Омск, в первую очередь, рассчитывал на моральное значение движения дружин Святого Креста, на добровольных основаниях обеспечивающих пополнение армии непримиримыми идейными противниками большевизма, для поднятия морально-психологического состояния войск.

Омское правительство и общественность решили развернуть идею уральских казаков в масштабе Си-

бири. Военные власти разработали и утвердили специальное Положение, регламентировавшее жизнедеятельность дружин «Святого Креста». Этот документ интересен и ценен тем, что является практическим примером внедрения государством основ религиозной жизни в воинскую жизнь, воспитания в военнослужащих и населении религиозно-национальных чувств. Документ определял, что «дружины Святого Креста есть воинская добровольческая часть, рота, батальон, борющаяся с большевиками как с богоотступниками за Веру и Родину. Каждый вступающий в дружину Святого Креста дает перед крестом и Евангелием обет верности Христу и друг другу, в знак служения делу Христову полагает поверх платья восьмиконечный крест» [10]. Вступавшие в крестonosцы подчинялись не только воинской дисциплине, но и особым религиозным моральным нормам. В положении говорилось: «Подчиняясь обычной воинской дисциплине, дружине Святого Креста, должно следовать особым правилам, исключаящим пьянство, нечестность, сквернословие, распущенность, притеснение мирных жителей и. т. д. Нарушающие обеты и правила подвергаются, кроме обычных дисциплинарных взысканий, извержению из дружин Святого Креста, а в особенно частых случаях — и отлучению от церкви, как предателей дела Христова» [10]. Правительство надеялось, что движение приобретет широкий размах, поэтому в Положении предусматривалось, что «каждая дружина Святого Креста, будучи воинской частью, есть в то же время и религиозное братство, имеющее своего небесного покровителя, имя которого носит (например, дружины Святого Гермогена, Святого Александра Невского, Святого Сергия Радонежского и. т. д.) и свои особые правила или братский устав, а все дружины образуют единое Братство Святого Креста» [10].

Традиционная для русской культуры и государственности веротерпимость при создании дружин Святого Креста проявилась в том, что Положением предусматривалось и то, что «в дружины Святого Креста могут вступать лица всех христианских исповеданий. При дружинах Святого Креста могут существовать и нехристианские отряды (например, мусульмане), сражающиеся за веру в Единого Бога, подчиняющиеся своим уставам» [10].

Видный деятель колчаковского правительства Г. К. Гинс в главе своих воспоминаний названной «Надвигающиеся тучи», красноречиво описал атмосферу появления крестonosцев в столице терпящей поражение Белой Сибири: «Иногда казалось, что Омск в осаде и вокруг него расположены военные лагеря. На площади у собора служили всенародные молебны. В Омске собралось около пяти архиереев-беженцев. Молебны проходили торжественно и усиливали впечатление грозной опасности положения. По улицам ходили крестonosцы, поступившие в ряды армии для защиты веры православной. Рядом с ними маршировали мусульмане со знаком полумесяца. Это было движение «святого креста» и «зеленого знамени», развивавшееся под руководством энергичного и смелого идеалиста профессора Болдырева и религиозного генерала Дитерихса. Верховный правитель на собрании беженцев сказал им: «Бежать больше некуда, надо защищаться». Но все жаждали помощи извне» [11].

Иркутская газета «Великая Русь» много внимания уделяла формированию дружин «Святого Креста». По сообщению газеты, «по примеру уральской крестonosной дружины во второй половине нынешнего лета

начинают формироваться дружины Святого Креста в Омске, Новониколаевске, Красноярске и других городах Сибири. В конце сентября месяца этого года закончилось формирование в Омске уже второго батальона добровольческих дружин Святого Креста. В состав его вошли преимущественно крестьяне и рабочие. Лошади и телеги для обоза были доставлены самими добровольцами. В начале октября в городе Новониколаевске состоялось многочисленное собрание для пропаганды формирования дружин Святого Креста, а также учреждения братства Святого Гермогена. Была открыта запись добровольцев, прошедшая весьма успешно. Крестьянское добровольческое движение, начавшееся в Омске и Новониколаевске, проникло в Барнаул. В праздник Воздвижения из всех храмов этого города были совершены крестные ходы на Соборную площадь, где православные, старообрядцы и мусульмане вознесли моления о даровании победы над большевиками. Пред молебствием произнесены были речи, призывающие всех встать на защиту Веры и Родины под стягом Креста. Мусульмане призывались в отряд Зеленого знамени Пророка. Вечером в переполненном публикой театре города Барнаула состоялись доклады о значении начавшегося религиозно-национального возрождения России и добровольческого движения. На собрании Союза приходских советов единогласно принято постановление об открытии в Барнауле отделения Братства Святого Гермогена, мученика за веру и Русь Православную! Началась запись в дружины Святого Креста. Затем это религиозно-добровольческое движение докатилось до Иркутска» [10, 11 ноября].

Следует подчеркнуть, что религиозную войну большевикам объявили не только православные христиане — добровольцы, но и добровольцы мусульмане под Зеленым знаменем Пророка. Пресса активно пропагандировала, по выражению газеты «Русское дело», участие «русских мусульман» в борьбе с большевизмом: «Поднимаются мусульманские дружины Зеленого знамени, одушевляемые теми же великими идеями религии, государственности и национальности, которые светят нам на путях нашего возрождения» [5, 26 октября.].

Адмирал А. В. Колчак, в силу своих религиозных убеждений, придавал движению крестonosцев важное значение и, несмотря на колоссальную занятость, нашел время на встречу с омскими крестonosцами, состоявшуюся в здании местного театра. Адмирал, напутствуя добровольцев дружины Святого Креста и Зеленого знамени, заявил: «Ныне добровольческое движение народилось среди сибирского населения под более определенным лозунгом религии. Это и понятно. Большевизм в той практической форме, в которой он проявился в России, отрицает религию, которая в вековой истории России была тесно связана с ее государственным и национальным бытием. Вот почему возникло под религиозным лозунгом добровольческое движение. Оно глубоко национально и объединяет в себе самые разнородные элементы. Мы присутствуем при великом событии, когда в одном порыве слились христиане и мусульмане для общей борьбы против нашего врага — большевиков» [10, 19 ноября].

У очевидцев сложилось высокое мнение о боеготовности личного состава дружин. В. Н. Пепелев 20 сентября 1919 г. сделал в дневнике запись: «Вчера ушли первые отряды Святого Креста и мусульман — всего 506 штыков и 100 сабель. 18-го им был сделан генералом Дитерихсом смотр... Были министры. Всем понравились дружины, а раньше некоторые

министры советовали мне не связывать своего имени с этими «черносотенцами» и их движением» [12]. Даже относившийся крайне скептически к движению «крестоносцев» А. Будберг, в своем дневнике, явно преуменьшавший масштаб движения, 9 сентября 1919 г. отразил впечатление о крестоносцах: «Пока что эта шумиха собрала около 200 человек добровольцев; они расположены около здания, занятого военным министерством; большинство из них производит очень благоприятное впечатление: видно, что пришли по убеждению; если бы таких были десятки тысяч, то песня красных была бы спета; все горе в том, что это все, что могла дать ближайшая к Омску Сибирь; больше таких уже нет и не будет» [13]. Сохранившееся в архиве «Обращение к служащим Алтайского губернского управления об оказании помощи дружинам Святого Креста позволяет говорить о том, что в сентябре 1919 г. движение крестоносцев в Барнауле было уже достаточно развито и их подразделения успешно принимали участие в вооруженной борьбе с красными партизанами, воевавшими под большевистскими лозунгами. Две роты крестьян-добровольцев принимали участие в борьбе с отрядами Рогова, каковые ими успешно ликвидировались [14].

Таким образом, движение дружин Святого Креста по своей сущности было воинственным национально-религиозным ответом части сибиряков на воинственный атеизм и интернационализм большевиков. Религиозно-национальное движение пришло с Урала и распространилось в большинстве крупных сибирских городов: Омске, Новониколаевске, Барнауле, Красноярске, Иркутске. Не следует недооценивать размах движения крестоносцев и их моральные качества. Движение имело бы гораздо больший успех, начнись оно раньше, а не в условиях, когда дни режима были уже сочтены. Отсутствие единства во взглядах в высших эшелонах власти по поводу будущей формы правления и государственного устройства России препятствовало росту движения. Даже из высших должностных лиц многие относились к движению негативно и смотрели на «крестоносцев» как на черносотенцев и реакционеров. Движение «крестоносцев» в идеологическом отношении не было законченным. Выдвигая на первый план ценности православной веры, активисты движения не могли выдвинуть лозунга «реставрации монархии», который в совокупности с лозунгом «защиты веры» соответствовал традиционному русскому мировоззрению. Не случайно активист движения генерал Дитерихс в 1922 г. во Владивостоке на Земском собрании избирается «единоличным правителем и воеводой земской рати», создаваемой для возрождения законной монархии. Но тогда белое движение уже было обречено.

Колчаковский военно-политический режим во-друзил на свои знамена идеологию русского национализма. Отличительным качеством национализма колчаковцев являлся его религиозный характер. На этой основе властями была предпринята попытка мобилизации масс на борьбу с большевиками в дружины Святого Креста и Зеленого знамени. Провал движения «крестоносцев» связан с общим крахом колчаковщины (движение начало формироваться слишком поздно) и с традиционно более слабым, по

сравнению с Европейской Россией, религиозным чувством сибиряков, которое, как реакция на атеизм красных, начало расти, но не успело вырасти до значительных масштабов.

Участие «крестоносцев» в боевых действиях против большевиков показало их гораздо более высокие боевые качества по сравнению с большинством подразделений терпевших поражение колчаковцев. Это объяснялось высокой идейной мотивацией добровольцев-дружинников, жизнь которых строилась не только на основе военных уставов, но и на основе специально разработанного положения, закреплявшего религиозные ценности и нормы в жизнедеятельности личного состава. Положение, регламентировавшее жизнедеятельность дружин Святого Креста и Зеленого знамени, представляет большой практический интерес для Вооруженных сил Российской Федерации, активно опирающихся на возрождающиеся традиции народов поликонфессиональной и полиэтнической России при осуществлении воспитательной работы. В этой связи может быть особенно полезен опыт совместного воинского служения возрождению России христиан и мусульман в дружинах Святого Креста и Зеленого знамени в годы Гражданской войны на территории Сибири.

Библиографический список

1. Ротмистр, В. В. Князев. Жизнь для всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А. В. Колчака // Окрест Колчака: Документы и материалы / сост. А. В. Квакина. — М.: Аграф, 2007. — С. 129.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф-176. Оп. 6. Д. 19.
3. Народная свобода. — 1918. — 1 декабря.
4. Военные ведомости. — 1919. — 3 июня.
5. Русское дело. — 1919. — 9 октября.
6. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 3. Л. 108.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 5. Оп. 6. Д. 126. Л. 168.
8. Демидов, В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917—1923 гг. / В. А. Демидов. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 177.
9. Свободный край. — 1919. — 6 сентября (24 августа).
10. Великая Русь. — 1919. — 25 октября.
11. Гинс, Г. К. Сибирь. Союзники и Колчак / Г. К. Гинс. — М.: Айрис-пресс, 2008. — С. 472.
12. Дневник В. Н. Пепеляева. // Окрест Колчака: Документы и материалы; сост. А. В. Квакина. — М.: Аграф, 2007. — С. 104.
13. Будберг, А. Дневник белогвардейца: воспоминания, мемуары. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. — С. 286.
14. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917—1922: Хрестоматия. — Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001. — С. 379—380.

СУШКО Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: AlexSushko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 13.12.2011 г.

© А. В. Сушко

ЖЕНЩИНЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

В годы Великой Отечественной войны женщины служили во всех видах Вооруженных Сил. Мобилизация женщин в Красную Армию была объективной необходимостью. В наиболее тяжелых условиях находились женщины, служившие в боевых частях. Опыт Великой Отечественной войны показал, что женщины в армии необходимы, но использование их труда следует ограничить теми специальностями, которые позволяют создать для них соответствующие условия.

Ключевые слова: женщины, Вооруженные Силы, боевые войска, Великая Отечественная война.

Проблема участия женщин в обороне Отечества в составе его Вооруженных Сил имела место на протяжении всей истории Российского государства. Вспомнить хотя бы Н. Дурову, В. Кожину. В течение длительного времени участие женщин в боевых действиях носило эпизодический характер, и только в годы Великой Отечественной войны оно получило массовый характер и стало социальным явлением, которое требует специального изучения.

Наряду с интересом к этой теме в историческом плане актуальность темы диктуется ростом масштабов привлечения женщин к воинской службе в современной Российской армии.

Отечественная историография накопила значительный опыт изучения проблемы участия женщин в обороне Родины в составе Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны. Достаточно хорошо исследованы такие аспекты проблемы, как причины привлечения государством женщин на защиту Отечества, масштабы мобилизации и порядок прохождения ими службы во всех видах Вооруженных Сил и родах войск. Однако недостаточно раскрыты бытовой и морально-психологический аспекты исследуемой проблемы (характер обустройства женщин в армии, их чувства, эмоциональные переживания, взаимоотношения с мужчинами, отношение к службе женщин в армии как со стороны мужчин, так и прошедших войну женщин). Многие публикации по этим вопросам представлены лишь в виде тезисов и небольших статей, к тому же преобладает односторонняя подача материала.

СССР значительно превосходил остальные государства по масштабам мобилизации женского контингента в ряды Вооруженных Сил. По данным Главного Организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (ГОМУ ГШ) всего в годы Великой Отечественной войны было призвано на военную службу 490 235 женщин [1]. Пик призыва женщин в армию пришелся на 1942 год. В самый тяжелый год войны было мобилизовано на военную службу 235 025 женщин, что составило 47,9 % от общей численности женского контингента, призванного в годы войны [1]. Причинами этого явления стали значительное увели-

чение численности армий и усложнение их организационной структуры (увеличилось количество специальностей, которые не требовали непосредственного участия в боевых действиях и большой физической силы). Такой порядок привлечения женщин к военной службе позволил высвободить мужчин для боевых специальностей.

Зачисление женщин в Вооруженные Силы осуществлялось, прежде всего, из числа добровольцев. Исключение составляли женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную и специальную техническую подготовку [2]. Однако в целях выполнения мобилизационного плана военкоматы нередко нарушали это требование. Успешному осуществлению мобилизации женского контингента содействовало изменение в сознании советских людей представлений о назначении женщины в обществе. Многие женщины были готовы к вступлению в ряды армии, так как еще до войны они активно участвовали в сдаче норм ГТО, занимались военно-прикладными видами спорта и др.

В годы Великой Отечественной войны для женщин в армии открылось широкое поле деятельности. Женщины-солдаты и офицеры находились в боевых войсках (в авиации, на флоте, в танковых и стрелковых войсках). Но большая часть их служила в специальных войсках боевого обеспечения (в частях и подразделениях связи, автомобильных, топогеодезических, гидрометеорологических войсках и др.), в войсках тылового обеспечения и обслуживания (в военно-медицинских частях и др.), а также в боевых формированиях, находившихся достаточно далеко от линии фронта (зенитной артиллерии, частях и подразделениях службы воздушного наблюдения, оповещения и связи, прожекторных частях, подразделениях аэростатов воздушного заграждения).

Несмотря на то, что привлечение женщин в армию было целиком поставлено на государственную основу, организация их военной службы была в целом неудовлетворительной. Государство не всегда учитывало, что для службы в армии женщинам нужны несколько иные условия, чем мужчинам. В наиболее тяжелых бытовых условиях оказались женщины, служившие в боевых войсках, а также в частях и подразделениях специальных войск боевого

и тылового обслуживания, дислоцировавшихся на линии фронта. Женщины нуждались в специальной женской военной одежде, средствах гигиены, отдельном помещении, где они могли бы помыться, постирать, переодеться. Однако в начале войны не удалось создать систему материально-бытового снабжения женщин-военнослужащих, отвечавшую их потребностям. «Бывало и так, что спать было негде, — вспоминает бывший командир взвода связистов Серафима Елизарьевна Петухова, — тогда приходилось на земле, прогретой костром. Все время на мне был автомат за плечом, телефонный аппарат на боку — 4 кг 800 г, поэтому бок всегда был синий. Шинели не надевала. Только телогрейку и брюки (зимой ватные): не ходить приходилось, а бегать, падать да прыгать через рвы и воронки. Еще мучили меня кирзухи. Поноси-ка при 35-м размере 40-й. Широленные голенища зачерпывали всю грязь и воду. Портянки шпигивали, а к вечеру дубенели от мороза» [3]. В то же время такое положение дел было обусловлено объективными причинами: тяжелой обстановкой на фронтах, кризисным экономическим положением, незапланированным увеличением численности женского контингента в армии. И только на втором этапе войны государство получило возможность создать необходимые для женщин-военнослужащих бытовые условия, учитывающие особенности их физиологии. В соответствии с приказом НКО СССР от 12 августа 1942 г. № 244 некурящим женщинам выдавали шоколад или конфеты взамен табачного довольствия [4]. 11 апреля 1943 г. НКО СССР издал приказ № 164 о выдаче женщинам-военнослужащим 100 граммов дополнительного мыла в месяц [4].

На фронте женщины столкнулись с проблемами, связанными с личностными взаимоотношениями между военнослужащими обоего пола: негативным отношением мужчин к военной службе женщин и сексуальными домогательствами. «Несмотря на хорошее отношение ко мне солдат, — отмечала Серафима Елизарьевна, — они все же считали, что не бабье это дело быть командиром» [3]. Здоровая обстановка в воинском коллективе во многом зависела от позиции командира, но также и от поведения самих женщин. В то же время имел место и обратный процесс — женщины-военнослужащие влияли на улучшение форм общения и социального климата в армейском коллективе. Так, Герой Советского Союза Б. И. Гарин с восхищением и благодарностью вспоминал о женщинах-фронтовичках, которые ухитрялись вносить уют даже в землянки и разрушенные здания, где они размещались, которые заботились о «беспомощных мужчинах» [5]. Наиболее благоприятные в моральном отношении условия складывались в частях и подразделениях, укомплектованных в основном женщинами. Изолированные от мужчин, они в меньшей степени сталкивались с сексуальными домогательствами, грубым и неуважительным поведением военнослужащих мужского пола.

Несмотря на тяготы военной службы, женщины справлялись с поставленными задачами наравне с мужчинами. Они так же, как и мужчины, совершали марш-броски, сидели неделями в обледеневших окопах, ремонтировали самолеты, устанавливали бомбы на них, строили мосты, восстанавливали железнодорожные пути. «Мы знали любую солдатскую работу, — вспоминала бывший пехотинец М. Т. Борисова. — Нам приходилось и толкать машины на болотах, и совершать марши под дождем, и долбить мерзлую землю, и сидеть неделями в обледеневших

окопах. Уставали так, что спали на ходу» [6]. Героизму и милосердию женщин обязаны сотни тысяч воинов. За подвиги, проявленные в период войны, 96 женщин получили звание Героя Советского Союза, свыше 150 тыс. женщин награждены боевыми орденами и медалями. Многие удостоились наград не единожды, 200 женщин отмечены 1–2 орденами солдатской славы, а четыре — стали полными кавалерами ордена Славы [7]. Хорошую работу их отмечал маршал Советского Союза В. И. Чуйков: «Боеспособность женских расчетов и батарей была ничуть не ниже боеспособности тех зенитных подразделений, расчеты которых были укомплектованы преимущественно мужчинами» [2, с. 181]. Такую же характеристику маршал дал службе женщин-связисток: «Если их посылали на промежуточный пункт связи, то можно было быть уверенным, что связь будет обеспечена. Пусть по этому пункту бьют артиллерия и минометы, пусть на него сыплются бомбы с самолетов, пусть этот пункт окружают враги — женщины без приказа не уйдут, даже если им угрожает смерть» [4, с. 48]. Однако женщины сильнее ощущали физические перегрузки войны. В отличие от мужчин, они исполняли служебные обязанности на грани своих возможностей, поскольку существенно уступали в физической силе.

Помимо тяжелых физических нагрузок, женщины, служившие в боевых войсках, испытывали большое психологическое напряжение. Находясь в наиболее близком контакте с противником, они чаще сталкивались со смертью (и своих товарищей, и неприятеля, которого женщина-боец вынуждена была убивать). Л. И. Авдеевой пришлось сменить солдатскую профессию, так как врачи в госпитале констатировали у нее сильное нервное расстройство. Это случилось тогда, когда она увидела то, что осталось от ее любимой подруги, смешливой радистки. Когда Люба вернулась после демобилизации домой, мать ночами даже к кровати её привязывала: она кричала во сне, плакала и, не помня себя, выбегала на улицу [5, с. 34–35].

Женщины, служившие на передовой, подвергались смертельной опасности. Причем особенно высока была доля раненых женщин, служивших в небоевых войсках. Так, из числа всех раненых женского госпиталя Ленинградского фронта связисток было 24,7 %, минеров — 13,8 %, поваров — 7,4 %, разведчиц — 1,5 %, регулировщиц — 1,3 %. Для сравнения: ранения рядовых стрелков составляли — 4,3 %, снайперов — 1,8 %, зенитчиц — 1,2 % [8].

Таким образом, на фронте женщины оказались в более тяжелом положении, чем их сослуживцы мужчины: помимо общих для всех военнослужащих проблем, они испытывали дополнительные трудности. В наиболее тяжелых бытовых условиях находились женщины, служившие в боевых войсках, а также в частях и подразделениях специальных войск боевого и тылового обслуживания, дислоцировавшихся на линии фронта. Здесь наиболее полно проявился моральный аспект проблемы. Кроме того, служба в этих войсках была связана с большими физическими нагрузками, а также эмоциональными стрессами. Привлечение женщин в Вооруженные Силы решило проблему дефицита людских ресурсов в армии, и в то же время это создало немало проблем — как для армии, так и для самих женщин.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что женщины в армии необходимы, но использование их труда следует ограничить теми специальностями, которые в большей степени позволяют создать для

них соответствующие бытовые условия, ограничить физические и эмоциональные нагрузки. Такой порядок привлечения женщин к военной службе позволяет высвободить значительное число мужчин, чтобы поставить их в строй боевых частей.

Библиографический список

1. ИВИ МО. Документы и материалы. Инв. № 7811. — С. 2.
2. Мурманцева, В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне / В. С. Мурманцева. — М. : Мысль, 1974. — С. 119.
3. Из интервью с Петуховой С. Е. от 20.11.2000 г. // Личный архив.
4. Иванова, Ю. Н. Женщины на фронтах Великой Отечественной войны (документы и материалы) / Ю. Н. Иванова. — М., 1991. — С. 77.
5. Боевые подруги: Женщины Красноярского края на фронтах Великой Отечественной войны / Сост. В. Ф. Патрушев,

И. Т. Рева. — Красноярск : Книжное издательство, 1989. — С. 128 — 129.

6. Из интервью с Борисовой М. Т. от 20.01.2002 г. // Личный архив.
7. Иванова, Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах / Ю. Н. Иванова. — М. : РОССПЭН, 2002. — С. 172.
8. Будко, А. А. Женщина — воин, женщина — жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины / А. А. Будко, Г. А. Грибовская // Военно-исторический журнал. — 2004. — № 3. — С. 15.

БАРСУКОВА Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры истории России.

Адрес для переписки: natasha-barsukova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.11.2011 г.

© Н. В. Барсукова

УДК 947 (С) 18

С. А. ВЕЛИЧКО

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ» В СИБИРИ (1985—1991 гг.)

В статье показан процесс прохождения «демократического транзита» в Сибири в годы перестройки (1985—1991 гг.). Раскрыты основные составляющие этого процесса: внедрение выборов с заранее неизвестным результатом, многопартийности и демократических свобод. Охарактеризованы особенности «демократического транзита» в Сибири. Большое внимание уделено анализу деятельности местных партийных органов КПСС в этот период и коллапсу Коммунистической партии. В статье рассмотрены успехи и недостатки «демократического транзита» в Сибири.

Ключевые слова: «демократический транзит», перестройка, социальные движения.

Основным содержанием периода перестройки (1985—1991 гг.) был переход от тоталитарной модели развития к демократической. Не во всем он завершился успешно и привел к олигархическому периоду (90-е гг.), но в то же время именно в годы перестройки в России были окончательно признаны демократические права и свободы человека, выборы с заранее неизвестным результатом и многопартийность. Не во всех странах мира, перешедших к демократии в последней четверти XX в., «демократический транзит» был успешен сразу, так случилось и с Россией, где всегда были сильны традиции сильной власти. Поэтому, чтобы успешно завершить в России период перехода демократии и не допустить возвращения к авторитаризму, необходимо изучать общественно-политические процессы времен перестройки.

«Демократизация», «демократический транзит» — одни из тех понятий, которые в последнее время особенно актуальны в связи с переходом к демократии в последней четверти XX — начале XXI века большинства стран мира. Интерес к феномену демократических процессов в обществе проявился еще во времена Сократа и Платона, но на современном этапе он особенно повысился. Однако употребляется термин «демократизация» в различных смыслах. Историки, праведы, политологи, философы толкуют по-разному этот термин, высказывая зачастую

противоположные точки зрения. И это объяснимо, так как история перехода к демократии российской общественно-политической системы представляет собой довольно-таки противоречивый процесс и сложную проблему для исследователей. В данной статье под термином демократизация будут пониматься изменения в избирательной системе: введение свободных, соревновательных выборов законодательных органов власти, а также в полной мере осуществление гражданских и политических свобод — свободы слова, печати, собраний и организаций, в том числе и провозглашение многопартийности.

Особенности российского варианта демократизации определяются своеобразием многовекового общественно-политического развития России: отсутствием традиций демократического управления, сильной центральной властью с тенденцией к установлению формы правления самодержавного типа, подавлением государством всяческих народных стремлений к демократии, идеологическим диктатом. Глобальные процессы и явления отхода от авторитаризма и демократизации изучены в отечественной исторической литературе еще не в полной мере. Если демократизация, как мировой глобальный процесс, изучена довольно успешно, то конкретные случаи демократического транзита изучены недостаточно. Слабо исследованы процессы демократи-

зации в Сибирском регионе, который занимает 1/3 от территории России, и успешный «демократический транзит» здесь во многом предопределял переход к демократии в целом по стране.

До сих пор в анализе политических процессов в годы перестройки (1985–1991 гг.) преобладали либо политизированные оценки, либо просто популистский подход. Популистский подход к перестройке связан с тяжелым экономическим состоянием современного общества. Большинство российских граждан, ощутив на себе последствия «шоковой терапии», либерализации цен, относятся к перестройке резко негативно. Кризисная компонента перестройки выходит на первый план, реформы М. С. Горбачева воспринимаются как время утраты завоеваний советского времени и катастрофического падения уровня жизни. Бывшие граждане СССР забывают тот факт, что сама перестройка была инициирована как антикризисная программа. Однако кризисные явления конца 70 — начала 80-х тускнеют перед кризисными явлениями переходного периода 90-х годов, в начале XXI в. появился феномен ностальгии по СССР. Все противоречия и трудности советского периода забываются, население тоскует по относительной социальной защищенности того времени, по стабильной жизни. Социологические опросы подтверждают это. В январе 2005 г. Аналитический центр Ю. Левады провел репрезентативный опрос 1 600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны. Ответы на вопрос «Согласны ли вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до начала перестройки?» распределились так: совершенно согласен, скорее согласен — 48 %; скорее не согласен, совершенно не согласен — 40 %; затрудняюсь ответить — 12 % [1]. Таким образом, значительная часть россиян считает, что тогда, в СССР, жизнь была лучше. В понятие «лучше» они вкладывают былую, как им кажется, уверенность в будущем, наличие, опять же, как им кажется, нравственных идеалов, утраченных за годы перестройки. Ностальгия по СССР является достоянием мифологизированного сознания, реакцией на трудности постперестроечного времени и не может адекватно отражать настоящее положение вещей.

Политизированные оценки перестройки можно разделить на левые и правые. Теоретики как левой, так и правой ориентации в своих рассуждениях исходят из того, что в XX веке Россия стала жертвой социальных экспериментов. Причем правые под ними понимают Октябрьскую революцию и попытку построения социализма в СССР, а левые — либеральные преобразования 90-х годов. В коммунистических и националистических кругах широко распространены различные теории заговора, в которых перестройка представлена как заговор первых лиц государства и партии, подпавших под влияние мирового империализма или ЦРУ США. В обоих случаях подразумевается, что названные события прервали ход естественного развития России и навязали ей надуманные сценарии. При научном анализе данной проблемы необходимо отказаться от крайностей как левых, так и правых, критически взвешивая их позиции, и дать объективную оценку событиям недавнего российского прошлого.

Наиболее оправданным будет оценивать события времен перестройки с точки зрения теории «демократического транзита». Большинство ученых, изучающих политические процессы второй половины XX в., считают, что перестройка в СССР является составной частью третьей волны демократизации,

которая во всем мире начинается с государственного переворота в столице Португалии Лиссабоне 25 апреля 1974 г., когда была свергнута военная диктатура Марселу Каэтану [2]. Переворот 25 апреля стал началом мирового движения к демократии, в последующую четверть века более 30 стран начали движение от авторитаризма к демократии. В конце 80-х годов модернизация началась в СССР и странах Восточной Европы. Основной чертой этого перехода стало распространение основной процедуры демократии — соревновательных выборов с заранее неизвестным результатом.

Волна демократизации — это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период [2]. Первая и вторая волны демократизации имели место соответственно после Великой французской революции и войны английских колоний за независимость; и после Второй мировой войны (деколонизация стран третьего мира и демократизация бывших фашистских или милитаристских государств).

В начале 80-х годов наша страна продолжала оставаться тоталитарной (от лат. *totalitas* — всеобщий, полный), т.е. страной с таким государственным строем, который осуществлял абсолютный контроль над всеми областями общественной жизни. Для тоталитарного режима было характерно: существование единственной партии (КПСС), чрезвычайно развитая идеология, мобилизующая массы на построение коммунистического общества, власть и контроль государства над средствами массовой информации и всеми общественно-политическими организациями.

Однако в последней четверти XX в. годами ослаженный государственный механизм столкнулся с системным кризисом. Советская система не могла далее прогрессивно развиваться. Она исчерпала еще в 30–40-е гг. присущий ей потенциал саморазвития, а кризисные явления в экономике, политике, социальной сфере из года в год нарастали начиная с 50-х годов. Назрела необходимость коренных изменений во всех сферах жизни советского общества. Расшатывание советской социально-политической системы началось еще со смерти Сталина, как отмечают некоторые исследователи [3–5]. Хотя часть историков считает, что кризис советской системы начался в годы застоя — во времена правления Л. И. Брежнева. Хотелось бы с этим не согласиться — после смерти И. В. Сталина практически ни одна реформа, проводимая Н. С. Хрущевым и его последователями, до конца успешной не была. Провал потерпели попытки 60-х годов перевода ряда предприятий на хозрасчет. Централизованная плановая экономика не обеспечивала удовлетворения возросших потребностей советского человека. Система перестала адекватно реагировать на практические запросы жизни. Политическая жизнь становилась все более формальной. Выросший до 18 млн человек к 1985 г. слой советской номенклатуры приспосабливался к меняющимся условиям и определял для себя свои собственные интересы в большинстве своем своекорыстные и все более расхопившиеся с марксистско-ленинскими идеалами.

В верхах партийного руководства страны уже к 1985 г. была осознана необходимость перемен. При этом причинами преобразований стали не только социально-экономические трудности, хотя именно они

сыграли главную роль в зарождении идей перестройки, но и целый спектр следующих предпосылок:

1. Годовой среднедушевой доход в СССР уже в 70-е гг. составлял свыше 2000 \$ США, с точки зрения теории модернизации и транзитологии страны именно с такими доходами попадают в зону «демократического транзита» [2, 6].

2. Рост образовательного уровня населения, появление относительно многочисленного слоя интеллектуалов, осознающих свое бесправное политическое положение.

3. Ускоренные темпы урбанизации — уже в 1958 г. более 50 % населения СССР проживало в городе (в Сибири в 1959 г. городское население превысило сельское, в 1979 г. в Западной Сибири удельный вес городского населения составил 67,7 %, в 1989 г. — 72,8 % [7]).

4. Появление латентного среднего класса: все большую роль в обществе стали играть специалисты с высшим образованием, государственные служащие, учителя, врачи, торговые и канцелярские работники.

5. Международные коммуникационные связи и туризм, несмотря на политику железного занавеса, развивались, особенно в 70–80-е годы, что способствовало распространению в СССР демократических идей, преваляющих во всем мире, и давало возможность сопоставить уровень жизни в СССР и развитых западных странах.

Именно по этим причинам в СССР начинаются преобразования, правящая элита берет на себя инициативу в проведении реформ. На апрельском 1985 г. Пленуме ЦК КПСС был взят курс на перестройку. Причем в первое время (1985 — начало 1988 гг.) перестройка рассматривалась лишь как преобразования в социально-экономической сфере.

Однако меры по выводу экономики из кризиса своего эффекта не дали. Попытки перевода предприятий на хозрасчет оказались неудачными из-за отсутствия рыночной инфраструктуры в СССР. Кооператоры стали заниматься не производством, а перепродажей, что приводило к вымыванию из государственной торговой сети дешевых товаров и еще большему росту дефицита. Антиалкогольная кампания нанесла серьезный ущерб экономике страны, возрос дефицит государственного бюджета. Нарастали скрытые инфляционные процессы, которые проявлялись в увеличении денежной массы на руках у населения, вклады на сберегательных книжках в 80-е гг. выросли в 2,5 раза. Ухудшалась криминальная обстановка и в стране, и в регионе, росла коррупция. Все эти явления подталкивали правящие круги на дальнейшие реформы. Руководством страны был сделан вывод о необходимости преобразований в политической системе советского общества, которые бы привели к необходимым изменениям в сфере управления экономикой. На XIX Всесоюзной партийной конференции (1988 г.) был официально провозглашен курс на проведение реформы политической системы СССР. Было выделено основное ее направление — обеспечение полновластия Советов. Признавалось, что статья 2 Конституции СССР о том, что вся власть в СССР принадлежит народу, не действует: «Приведенное конституционное положение ... пока еще является идеалом, программой, а не реальностью» [8]. Делегаты партийного форума приняли решение о разграничении функций партийных и государственных органов. С трибуны XIX партийной конференции впервые прозвучал тезис о формировании на основе последовательной демократизации советского общества социалистического пра-

вового государства. Здесь же впервые было заявлено и о необходимости разделения властей. Некоторые исследователи считают, что именно с этой конференции начался распад КПСС [9]. Действительно, доклад М. С. Горбачева на XIX партийной конференции стал рубежным в истории партии. Впервые доклад был сделан без предварительного обсуждения в ЦК, но конференция одобрила положения доклада. По сути, правящая партия отказывалась от руководства, передавала всю власть Советам, сохраняя за собой лишь идеологическую, просветительскую функции.

Провозглашенные изменения стали толчком к оживлению общественно-политической жизни в регионе. Население активно стало включаться в перестроечные процессы. Во всех областях, краях, республиках Сибири были созданы союзы или общества содействия перестройке. Эти организации называли неформальными или самодеятельными, были они немногочисленны (нигде в Сибири численность не превышала 500 человек) не имели фиксированного членства (кроме Томского Союза содействия революционной перестройке), но оказывали сильное влияние на общественное мнение благодаря активности их членов. На основе Союзов содействия перестройке во многих крупных городах Сибири были образованы дискуссионные и политические клубы. Численность их также была не велика, на организованные клубами дискуссии собиралось от 100 до 300 человек. По социальному составу в неформальных организациях Сибири преобладали представители интеллигенции, рабочие, студенческая молодежь.

По мере того как в обществе зрело недовольство от провалов перестроечных преобразований, многие общественно-политические движения Сибири в 1989 г. перешли в оппозицию к КПСС. В Сибири активизировались организации антикоммунистической направленности. Во всех крупных городах были созданы отделения Демократического Союза. В Новосибирске была создана Сибирская правозащитная организация «Вена-89» и Сибирское информационное агентство, получившие известность во всем регионе благодаря «Пресс-бюллетеню СиБИА». Издание изначально заняло антикоммунистические позиции. По всей Сибири была создана корреспондентская сеть СиБИА, оперативно поставлявшая информацию обо всех митингах, манифестациях и других активных действиях сибирских неформалов.

Новым явлением для общественно-политической жизни Сибири стало растущее рабочее движение, впервые заявившее о себе в ходе июльской 1989 г. забастовки шахтеров Кузбасса. Забастовки в СССР были и раньше, но нигде в их ходе не было создано организационных структур рабочего движения. Региональный забастовочный комитет шахтеров Кузбасса, после забастовки переименованный в Совет рабочих комитетов Кузбасса, стал первой неформальной рабочей организацией в СССР.

В 1990 г. были созданы первые протопартии, т.е. организации, в которых еще не произошла дифференциация социально-классовых интересов, не было выработано четкой программы. Крупнейшими из протопартий антикоммунистической направленности стали: Демократическая партия России (ДПР), Социал-демократическая партия России (СДПР) и Республиканская партия Российской Федерации (РПРФ). В Сибири были сформированы их местные отделения. Осенью 1990 г., как и по всей стране, в Сибири произошла консолидация антикоммунистических сил: отделения протопартий региона вошли в движение «Демократическая Россия».

Организации КПСС в Сибири с середины 80-х годов переживали глубокий кризис. Он был вызван утратой рядовыми коммунистами и возможным партийным пополнением веры в идеалы коммунизма и распространением демократических идей. Проявления кризиса в КПСС — это в первую очередь сокращение приема в КПСС и уменьшение удельного веса рабочих в партийном пополнении. Уже в 1986 г. снизился прием в КПСС в Алтайском крае, Тувинской АССР, Кемеровской и Читинской областях. В 1988 г. прием сократился во всех регионах Сибири на 43 % по сравнению с 1986 г. и на 30,4 % по сравнению с 1987 г. В 1989 г. прием в КПСС в Сибири сократился в 2 раза, а в 1990 г. — в 10 раз по сравнению с 1988 г.

В Сибири доля рабочих в партийном пополнении традиционно была выше, чем в среднем по России. Так, в 1986 г. рабочие составили 60,2 % среди принятых кандидатами в КПСС в РСФСР, а в Сибири — 62,4 %. В 1988 г. темпы сокращения доли рабочих в партийном пополнении Сибири обогнали общероссийские на 3,1 %. Удельный вес рабочих среди принятых в КПСС в Сибири в 1988 г. составил только 44,7 % от количества вступивших в КПСС, в 1990 г. — всего 31,2 % (по сравн. с 1986 г. сокращение в 2 раза). КПСС фактически перестала быть партией рабочего класса.

В годы перестройки появилось новое явление — добровольный выход из рядов КПСС. После Великой Отечественной войны КПСС постоянно росла. В 1988 г. впервые было допущено сокращение Алтайской краевой и Читинской областной партийных организаций. В других регионах Сибири темпы роста партийных организаций в этом году уменьшились. В 1989 г. все партийные организации численно сократились в среднем по Сибири на 3 %. Выход из КПСС после XXVIII съезда КПСС (1990 г.) стал массовым. Покидали КПСС в первую очередь рабочие, затем служащие и колхозники. В среднем партийные организации Сибири за 1990 г. сократились на 19,79 %. Это гораздо больше, чем в целом по стране. По СССР численность коммунистов в 1990 г. сократилась на 14 %.

Расшатыванию КПСС изнутри способствовало повсеместное появление партийных клубов, идеологическим ориентиром для которых стал Московский партийный клуб «Коммунисты за перестройку». К 1991 г. организации КПСС в Сибири оказались на грани распада.

Избирательные кампании, проходившие в годы перестройки, были первыми свободными выборами в истории СССР. Выборы народных депутатов СССР 1989 г. называют «ошеломляющими», они вызвали всплеск политической активности населения. Впервые в СССР избирательный процесс проходил на альтернативной основе, в обстановке острой борьбы между кандидатами. В 1989 г. выборы народных депутатов СССР не удалось взять под партийный контроль. В результате чего из 11 первых секретарей организаций КПСС Сибири народными депутатами СССР стали только семь человек. На выборах 1989 г. были провалены первые лица партийных организаций Кемеровской, Томской, Тюменской и Читинской областей. Их поражению способствовали: неумение КПСС вести аргументированную дискуссию с неформальными движениями, желание подчинить их силой, недостаточное количество подготовленных к работе с массами кадров, а также общественные настроения, которые отразились в популярном предвыборном лозунге «Вся власть Советам!» Победили

на выборах 1989 г. представители интеллигенции. Их среди народных депутатов СССР в Сибири было 29,33 %. И лишь на втором месте по количественному соотношению шли представители властных структур (26,66 %). Меньше среди народных депутатов СССР было рабочих (21,33 %) и крестьян (16 %).

На выборах народных депутатов РСФСР и местных Советов 1990 г. также проявилась возросшая активность избирателей. 25 февраля 1990 г. по всей Сибири прошла волна демократических митингов и манифестаций, лозунгом которых стал: «От демократического меньшинства на съезде народных депутатов СССР к демократическому большинству в парламенте России и местных Советах!» В предвыборных платформах большинства неформальных движений о социализме уже не упоминалось. С открытой антикоммунистической платформой вышел на выборы блок «Новая волна» г. Новосибирска. Несмотря на активность «антикоммунистической оппозиции», в результате выборов 1990 г. в парламент России (87 %) и местные Советы в большинстве своем были избраны коммунисты, но в их рядах уже не было единства взглядов, влияние демократического меньшинства в Советах было велико благодаря активности последних.

Первые выборы Президента России тоже стали одним из этапов «демократического транзита». Демократы сплотились вокруг одной кандидатуры — Б. Н. Ельцина. Партийные организации не сумели противопоставить ему ни одной пользующейся народной поддержкой альтернативы. Четыре кандидата-коммуниста лишь распылили голоса коммунистов. В Сибири за всех кандидатов-коммунистов проголосовало 37,9 % избирателей, принявших участие в голосовании. За Н. И. Рыжкова — 17,4 %. За Б. Н. Ельцина в Сибири проголосовало 48,6 % избирателей (по РСФСР — 57,3 %) [10].

Приход к власти ГКЧП был последней попыткой союзного руководства сохранить существующую общественно-политическую систему, власть КПСС и предотвратить распад Советского Союза. Реакция на приход к власти ГКЧП в Сибири была неоднозначной. Против ГКЧП в первый день его существования выступили Томский, Кемеровский, Тюменский областные Советы, Новосибирский, Новокузнецкий городские Советы. 20 августа против ГКЧП высказался Иркутский областной Совет. Выжидательную позицию заняли Новосибирский, Омский, Читинский областные Советы. Алтайский, Красноярский краевые Советы ГКЧП признали. Бурятский Верховный Совет признал ГКЧП и даже стал склоняться к созданию своего ГКЧП в составе 12 человек. Большинство партийных организаций КПСС региона в сложившейся ситуации проявили растерянность, ждали указаний из ЦК КПСС. Против ГКЧП в первый же день выступил только Кировский райком КПСС г. Томска. На путь открытого сопротивления ГКЧП встали демократические организации, но нигде в Сибири за три дня его существования не состоялось ни одной политической забастовки, митинга протеста во всех городах Сибири, за исключением Барнаула и Новосибирска, были немногочисленны. Государственный переворот, предпринятый ГКЧП, провалился раньше, чем демократические движения Сибири успели скоординироваться и приступить к акциям гражданского неповиновения [11].

Таким образом, в 1991 г. «демократический транзит» в нашей стране в основном завершился. Произошли кардинальные изменения в избирательной системе: введены свободные, соревновательные вы-

боры законодательных органов власти. Были приняты шаги по осуществлению гражданских и политических свобод — свободы слова, печати, собраний и организаций. И после долгого времени господства однопартийной системы и идеологического диктата была провозглашена многопартийность.

Библиографический список

1. Двадцать лет перестройке: Эволюция гуманитарного знания в России : материалы Междунар. науч.-образ. форума, 27–28 апреля 2005 г. — М., 2005. — С. 409.
2. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. — М., 2003. — С. 13, 26, 72–75.
3. Косолапов, Н. А. Что это было? (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) / Н. А. Косолапов // Общественные науки и современность. — 2005. — № 1. — С. 12.
4. Сорос, Дж. Советская система: к открытому обществу / Дж. Сорос. — М., 1991. — С. 118.
5. Смирнов, В. С. Экономические причины краха социализма в СССР / В. С. Смирнов // Отечественная история. 2002. — № 6. — С. 105.
6. Карл, Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических транс-

формаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. — 2004. — № 4. — С. 6–27.

7. Подсчитано по: Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. — С. 35.
8. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. — М., 1988. — С. 44.
9. Маслов, Н. Н. Вокруг августовского путча 1991 г.: попытка систематизации источников [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://liber/rsuh.ru/Conf/istochnik/maslov.html> (дата обращения: 11.11.2011).
10. Новиков, С. В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: Проблемы взаимодействия. 1988–1996 гг. : моногр. / С. В. Новиков. — Омск : ОмГАУ, 2002. — С. 171.
11. Величко, С. А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991 гг.) : моногр. / С. А. Величко. — Омск, 2004. — С. 274.

ВЕЛИЧКО Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры истории и социально-педагогических дисциплин. Адрес для переписки: velichko01@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.09.2012 г.

© С. А. Величко

Книжная полка

Античность. Средневековье. Возрождение : энциклопедия. В 2 кн. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. — 1280 с. — ISBN 978-5-373-01024-5.

Кн. 1. Средневековье и Возрождение.

Кн. 2. Истоки цивилизации.

В комплект «Античность. Средневековье. Возрождение» входят две книги — энциклопедии «Истоки цивилизации» и «Средневековье и Возрождение». Древний мир — это период в истории человечества между доисторическим периодом и началом Средних веков в Европе. За этим сухим определением скрывается таинственная культура Древнего Египта с ее величественными пирамидами и всемогущими фараонами, знакомство с высокоразвитыми цивилизациями Малой Азии, погружение в пропитанную мифами и легендами атмосферу Древней Греции и блеск победоносной Римской империи. Средние века — это эпоха уникальной культуры, когда главной движущей силой становится религия. Средневековье подарило нам готическую архитектуру, замки, песни трубадуров и, наконец, куртуазную рыцарскую культуру. Именно в Средние века возникло большинство современных государств, сформировались современные языки. Именно в эту эпоху христианство распространилось по всей Европе. Эпоха Возрождения принесла с собой светский характер культуры и стремление к антропоцентризму. Возрождение — это отказ от догматизма теоцентричного мира, прославление гуманизма и натурфилософии, это небывалый расцвет искусства и науки, претерпевших революционные изменения.

Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? : сб. ст. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — 408 с. — ISBN 978-5-4448-0006-5.

Тема сборника лишь отчасти пересекается с традиционными объектами документоведения и архивоведения. Вводя неологизм «документность», по аналогии с термином Романа Jakobsona «литературность», авторы — известные социологи, антропологи, историки, политологи, культурологи, философы, филологи — задаются вопросами о месте документа в современной культуре, о социальных конвенциях, стоящих за понятием «документ», и смыслах, вкладываемых в это понятие. Способы постановки подобных вопросов соединяют теоретическую рефлексию и анализ актуальных, в первую очередь российских, практик. В книге рассматриваются самые различные ситуации, в которых статус документа признается высоким или, напротив, подвергается сомнению, — речь идет о политической власти и бюрократических институтах, памяти о прошлом и исторической науке, визуальных медиа и литературных текстах.

Военный учебно-научный центр
Сухопутных войск
«Общевойсковая академия
Вооруженных сил
Российской Федерации»
(филиал, г. Омск)

ФЕНОМЕН «ФАШИЗМА» НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ В РОССИИ И ЕГО РАЗВИТИЕ В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ЧАСТЬ II

Представлена проблема развития практики элементов «фашизма» в Сибири периода социальных катаклизмов 1917–1920 гг.; рассмотрены особенности данного социально-политического явления в период диктатуры А.В. Колчака.

Ключевые слова: черносотенцы, белое движение, военно-фашистская диктатура.

Ч. I. опубликована в журнале «Омский научный вестник». — 2012. — 4(111). — С. 16–20.

Черносотенное движение, возникшее в начале XX века как система самозащиты части мелкобуржуазных слоев российского общества в борьбе с наступлением крупного капитала и как средство борьбы с социалистическими тенденциями в общественной жизни страны, поскольку социалисты отвергали «священный» принцип неприкосновенности частной собственности, очень быстро приобрело ряд черт классического фашизма. Первая русская революция и период начала функционирования системы Третьеиюньской монархии явились наивысшим этапом развития «народного патриархального фашизма» в России.

Протест против разорения мелкой буржуазии и угроза распада империи на национальные кварталы привели к возникновению двух течений, которые можно условно квалифицировать как «русский фашизм»: народного, консервативно-клерикального, и государственного, связанного с именем П. А. Столыпина. Каждое из этих направлений «русского фашизма» имело свою идеологию, на которую ориентировались различные группировки буржуазии. При всей внешней не схожести оба течения имели общую цель — модернизировать российское общество для преодоления отставания России от передовых стран Запада. Однако уже к 1916 г. черносотенство практически себя полностью исчерпало, так как начавшаяся империалистическая война «отрезвила» широкие народные массы от идей великодержавного национализма и шовинизма, которые наблюдались в начале войны. Полностью себя исчерпал и потенциал «государственного фашизма», поскольку он мог полноценно функционировать, только имея своим вождем такую личность, как П. А. Столыпин. Уже в середине войны носители фашистской идеологии, как в консервативных «верхах», так и в маргинальных слоях русского общества, во всех бедах России винили всю систему государства во главе с императором [1, с. 269–275]. Об этом свидетельствует речь депутата фракции правых В. М. Пуриш-

кевича 19 ноября 1916 г. на заседании Государственной думы [2, с. 432].

К началу 1917 г. в стране под влиянием общегосударственного кризиса движение черносотенцев полностью распалось [3, с. 82], а часть его рядовых участников стала носителями идей интернационализма и анархизма, что проявилось после Февральской революции. Свою роль в распаде этой формы «русского фашизма» в ходе событий революции 1917 г. сыграло и отречение императора Николая II, который не захотел бороться и погибнуть, как подобает «помазаннику божьему», что вызвало среди черносотенцев глубокое разочарование в институте самодержавной власти [4, с. 448].

Территориальный распад бывшей Российской империи осенью 1917 г. и начавшаяся Гражданская война оживили фашистские тенденции в общественно-политической жизни России. Вождем возрождения идеологии и практики «государственного фашизма» выступил генерал Л. Г. Корнилов, который 27 августа 1917 г. опубликовал свой манифест под красноречивым названием «Русские люди!». Основные идеи манифеста он изложил в телеграмме, разосланной во все государственные и общественные учреждения страны: «Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого в груди бьется русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, молитесь Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасения Родной Земли. Русский народ! В твоих руках жизнь твоей Родины! Генерал Корнилов» [5, с. 161].

После Октябрьского переворота 1917 г. в России, который передал государственную власть социалистам-интернационалистам во главе с партией большевиков, косвенными носителями философии фашизма, выступили лидеры ряда белых движений. Наиболее ярко это проявилось в идеологических установках Верховного правителя России А. В. Колчака и правителя Юга России П. Н. Врангеля. В их лице национа-

листические и великодержавные силы в составе анти-советских группировок искали человека «сильной воли и крепкой руки» [6, с. 12], вспоминая покойного премьера империи П. А. Столыпина. Так, в «Обращении блока общественных и политических объединений Сибири» на имя адмирала А. В. Колчака от 19 ноября 1918 г. было заявлено, что подписавшиеся «просят Верховного Правителя принять от них внушенные любовью к России, глубоко искренние выражения бесповоротной решимости всемерно поддерживать власть Российского Правительства, возглавляемого единолично Верховным Правителем адмиралом Александром Васильевичем Колчаком» [7, Оп. 1. Д. 14. Л. 1].

Сами участники белого движения уже после Гражданской войны считали, что в полном объеме сформировать фашистскую идеологию им не удалось. Колчаковский генерал К. В. Сахаров заявил в своих воспоминаниях, что стремление белой идеи приобрести форму фашизма в Сибири эпохи Гражданской войны «было лишь первым робким опытом его». Далее он продолжал: «Белое движение в самой сущности своей являлось первым проявлением фашизма. Белое движение было даже не предтечей, а чистым проявлением его» [8, с. 314]. Основной тезис белой идеи сторонников «государственного фашизма» был определен формулой «Единая и неделимая Россия» как «государство демократическое, правовое и национальное» [7, Оп. 2. Д. 26. Л. 1]. Четко был обозначен и великодержавный шовинистический лозунг белого движения в Сибири, озвученный генералом А. Ф. Магковским: «Пора всем Русским вспомнить, что они дети Великой Руси, которая не может не быть Великой Государством. Мы Русские, и этим должны гордиться» [7, Оп. 2. Д. 52. Л. 1].

Под флагом белой идеи было определено экономическое содержание практики фашистского движения в годы Гражданской войны, которая во многом повторяла установки П. А. Столыпина. Как заметил один из идеологов русского фашизма И. А. Ильин, «Мы были правы, последовательно отвергая социализм и коммунизм, ибо вот всюду, где проводится такой режим, люди начинают догадываться, что у них не просто отнято имущество, но что у них экспроприрована творческая инициатива труда и заработка, что этот режим противоестественен, насильствен и неизбежно тоталитарен; прозревать, что частная собственность присуща человеку так, как его собственное тело, и необходима ему, как основа его трудовой самостоятельности» [9, с. 34].

Особое место в экономической программе восточной контрреволюции эпохи белого движения заняло продолжение аграрной политики П. А. Столыпина, имевшей целью, как указывалось выше, создать слой «крепких хозяев» с правом частной собственности на землю. Это можно проследить по тексту «Декларации Российского правительства», опубликованной 8 апреля 1919 г., где было заявлено, что «земли хуторян, отрубников, укрепленцев подлежат возвращению их законным владельцам» [7, Оп. 1. Д. 21. Л. 2]. Одновременно декларировалась генеральная линия Российского правительства А. В. Колчака на распространение института частной собственности на земли казенного и общинного землевладения, для чего, «содействуя переходу земель в руки трудовых крестьянских хозяйств, правительство будет широко открывать возможности приобретения этих земель в полную собственность» [7, Оп. 1. Д. 21. Л. 2]. Министрство Земледелия и колонизации в развитии этой декларации строило планы «сосредоточить в руках

правительственных органов и подготовить к дальнейшей передаче сельскохозяйственному населению на началах мелкой единоличной собственности государственный земельный фонд» [10, Оп. 1. Д. 2. Л. 31].

Составной частью формирующейся фашистской идеологии в Сибири стало отношение колчаковцев к системе самодержавия в России предшествующего периода. Оно было четко изложено Верховным правителем: «Я сам был свидетелем того, как губительно сказался старый режим на России, не сумевший в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И, конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным» [7, Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об]. Поэтому нет оснований упрекать Верховного правителя России в монархизме, в стремлении восстановить самодержавие в России, как это заявляли советские политики в годы Гражданской войны [11, с. 234] и писали позже отечественные историки советского периода В. В. Гармиза [12, с. 114], Г. З. Иоффе [13, с. 179], А. И. Крушанов [14, с. 10], А. Г. Липкина [15, с. 49] и др. Можно говорить только о стремлении адмирала установить в стране военную диктатуру фашистского типа, которая позволила бы в тех политических условиях продолжить процесс модернизации страны на путях создания индустриального общества западного типа.

Говоря о социальной политике, необходимо отметить и предполагаемое введение в белой Сибири государственных гарантий для рабочих. В листовке «За что борется наша армия?» были обозначены приоритеты в области рабочей политики Российского Правительства А. В. Колчака в Сибири, «чтобы рабочих, трудясь по восемь часов в день, был обеспечен страхованием во время болезней при неспособности к труду и на старость» [7, Оп. 2. Д. 25. Л. 1].

Оценивая сущность нового политического режима в регионе, необходимо указать, что белое движение в Сибири, вся структура управления регионом и правительственные мероприятия Всероссийского правительства А. В. Колчака полностью соответствовали принципам государственной системы П. А. Столыпина. Об этом Верховный правитель 28 ноября 1918 г. в завуалированной форме заявил в беседе с иностранными корреспондентами, обозначив их принципы как «Задачи Верховной Власти» [7, Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об].

Но эта система в Сибири была доведена до последней крайности, что не могло не вызвать массового протеста местного населения. Уже тот факт, что местные черносотенцы, которых перед революцией 1917 г. по подсчетам сибирских историков в регионе насчитывалось от пяти [3, с. 31] до десяти тысяч человек [2, с. 247–264], фактически саботировали мероприятия белых властей. Например, они отказались вступать в военизированные организации дружины Святого Креста и дружины Крестоносцев [16, с. 243]. Так, представитель Антанты при ставке Верховного правителя, английский генерал Альфред Нокс считал, что при соответствующей пропагандистской работе в Сибири под знамена дружин Святого Креста можно было собрать не менее 600 тыс. добровольцев, но за сентябрь – октябрь 1919 г. удалось вовлечь не более 400 человек [17, с. 193–194]. Это говорит о недоверии населения края к возрожденной в Сибири системе столыпинского бонапартизма. Одной из причин провала кампании по вовлечению консервативных слоев сибирского населения в ряды военизированных религиозных отрядов являлся отказ Верховного правителя адмирала А. В. Колчака

от традиционной триады «доктрины официальной народности». На знаменах зеленого цвета дружин Святого Креста» значились только два лозунга: «За веру! За Отечество!» [18].

Необходимо отметить, что формирующаяся фашистская идеология белого движения встретила непонимание и неприятие других участников антисоветского движения. Это относится, в первую очередь, к политическим партиям эсеров и меньшевиков, которые, несмотря на значительный слой «оборонцев» в их среде, например влиятельной группы Н. Д. Авксентьева [19, с. 88, 290], оставались убежденными интернационалистами и федералистами [20, с. 725–734], в противовес шовинизму и унитаризму носителей белой идеи.

Один из лидеров сибирской организации эсеров Е. Е. Колосов указал на ряд отличий феномена «русского фашизма», который, по его мнению, сложился на востоке России, от формирующегося в это же историческое время его аналога в европейских странах: «Для меня лично, впрочем, тут не возникало никаких колебаний. На ту власть, которая царила, я смотрел, как на организацию «сибирских фашистов», употребляя современные термины и аналогии. И если она чем-либо отличалась в моих глазах от европейского фашизма, то лишь в невыгодную для себя сторону. Это были фашисты на чисто сибирский манер, насквозь пропитанные специфически-уголовным элементом, в такой форме невозможным в европейской обстановке. Эта власть совершенно не искала для себя той по возможности широкой базы, какую все-таки стараются найти европейские фашисты, прекрасно знающие, что без народа управлять теперь не принято. Европейские фашисты стараются, поэтому привлечь к себе народные массы так, как у нас привлекали их когда-то «зубатовцы», но для сибирских фашистов, при их государственной бездарности, даже зубатовская политика оказывалась недоступной. Да они, впрочем, и помимо этого в ней не нуждались. Сибирские фашисты во главе с адмиралом Колчаком представляли собою чисто **кастовую власть**, узко ограниченную и замкнутую, власть верхней прослойки военных кругов. Европейские фашисты сохраняют все-таки гражданскую структуру власти и не посягают на ее полную ломку, но сибирские фашисты власть гражданскую всецело подчинили власти военной, сведя первую на нет» [21, с. 144].

Когда среди местного населения наступило разочарование во внутренней политике Верховного правителя России А. В. Колчака, социальной опорой белого режима в Сибири, а значит, и опосредованным носителем идеологии «государственного фашизма», выступила интеллигенция из числа беженцев из Европейской России. На это прямо указал сам адмирал А. В. Колчак: «Интеллигенция является мозгом страны» [7, Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об]. Именно в этом факте представлена вторая сторона кастовости формирующегося «сибирского фашизма», который можно квалифицировать как «философия фашизма» русской интеллигенции.

В период военных поражений и политического кризиса в Сибири белые власти прибегли к силовому давлению в отношении недовольных социальных групп региона. Об этом пишут руководители партии эсеров Е. Е. Колосов, Н. И. Ракитников, Д. Ф. Раков, которые указали на тактику политического терроризма носителей фашистской идеологии в Сибири в борьбе со своими идейными оппонентами по антисоветскому движению. Так, Д. Ф. Ракитников привел примеры политических убийств деятелей эсеровской

партии из лагеря сибирской контрреволюции. Эту практику он обозначил понятием «мексиканские нравы» [22, с. 18–19]. Другой сибирский эсер Е. Е. Колосов обвинил колчаковского министра И. А. Михайлова в организации убийства знаменитого сибирского эсера А. Е. Новоселова. По мнению Е. Е. Колосова, Михайлов «являлся самым талантливым человеком среди тех государственно-бездарных людей, которые окружали Колчака, но он обладал всего только талантом интригана, виртуоза в этой области, не останавливавшегося перед чисто фашистскими методами устранения своих противников» [21, с. 144]. Механизм психического и физического подавления противников колчаковской «военно-фашистской диктатуры» раскрыл Д. Ф. Раков [23, с. 18–45]. Эта политическая практика белого режима ориентировалась на действия П. А. Столыпина, о которых С. Ю. Витте сказал: «Столыпин... дал приказ, чтобы все те убийства, которые будут на политическую почву, признавать, что эти убийства есть простые убийства. Соответственно этому было дано распоряжение, и это распоряжение и практикуется» [24, с. 551].

На период апогея влияния сторонников фашизма в Сибири на общую обстановку в регионе указывает Е. Е. Колосов: «Весной 1919 г. вся эта **банда** — ибо это была действительно банда — достигала кульминационных пунктов своего влияния, и одно время казалось, что она вот-вот получит всероссийское значение, к чему она так стремилась. Если бы это случилось тогда, «сибирские фашисты» приобрели бы право требовать себе места на международной арене и, быть может, положили бы начало для создания союза мировой реакции. Такую перспективу я считал возможной не только весной 1919 г., но и позже, осенью того же года, во время наступления Деникина» [21, с. 145].

Идеологический раскол на шовинистов, правых интернационалистов и либералов в лагере антисоветских сил в значительной мере предопределил победу пролетарской революции в России. Ход сражений на фронтах Гражданской войны, антибелогвардейское массовое крестьянское движение в Сибири и на юге страны выявили исключительно узкую социальную базу сторонников столыпинского варианта модернизации страны. Поэтому разгром антисоветского движения привел к торжеству как антибелогвардейских, так и антифашистских сил в России и началу социалистического (большевистского) варианта модернизации страны.

Подводя итоги анализа истории «русского фашизма» начала XX столетия, можно констатировать, что общенациональный кризис Российской империи начала XX века, вступление страны в стадию монополистического капитализма и формирование индустриального общества в России стали основными причинами возникновения «русского фашизма» различных направлений, отражавших вероятные варианты буржуазного реформирования общественной структуры. Политическое крушение русского самодержавия в 1917 г. было одновременно крахом «черносотенного фашизма» консервативных слоев русского общества. Дальнейшее развитие феномена, который можно назвать как «русский фашизм», в годы революции и Гражданской войны в России было связано с белым движением антисоветских сил в некоторых регионах страны, которые стремились реализовать столыпинскую программу модернизации страны. В борьбе с вновь возникшей структурой прямой демократии Советской власти и формирующейся социалистической социально-экономической системой

это движение потерпело сокрушительное военно-политическое поражение.

Библиографический список

1. Кирьянов, Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 / Ю. И. Кирьянов. — М. : РОССПЭН, 2001. — 464 с.
2. Степанов, С. А. Черная сотня / С. А. Степанов. — М. : Эксмо-Яуза, 2005. — 544 с.
3. Толочко, А. П. Черносотенцы в Сибири / А. П. Толочко. — Омск : ОмГУ, 1999. — 123 с.
4. Богоявленский, Д. Д. Союз русского народа: лидеры и партия / Д. Д. Богоявленский // Политические партии в российских революциях в начале XX века. — М. : Наука, 2005. — С. 444–449.
5. Сверчков, Д. Ф. А. Ф. Керенский / Д. Ф. Сверчков // Красная новь. — 1925. — № 2. — С. 156–169.
6. Акулов, М. Р. 16 ноября 1920 / М. Р. Акулов, В. П. Петров — М. : Молодая гвардия, 1989. — 235 с.
7. Бюджетное учреждение Исторический архив Омской области (БУ ИсаОО). Ф. Р-1015.
8. Сахаров, К. В. Белая Сибирь / К. В. Сахаров. — Мюнхен, 1923. — 325 с.
9. Ильин, И. А. Мы были правы / И. А. Ильин // Белое дело. — 2010. — № 11. — С. 33–35.
10. Бюджетное учреждение Исторический архив Омской области (БУ ИсаОО). Ф. 947.
11. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 38. Обращение к Красной Армии / В. И. Ленин. — 5-е изд. — М. : Политиздат, 1969. — Т. 38. — 580 с.
12. Гармиза, В. В. Крушение эсеровских правительств / В. В. Гармиза. — М. : Мысль, 1970. — 294 с.
13. Иоффе, Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г. З. Иоффе. — М. : Мысль, 1983. — 294 с.
14. Крушанов, А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. В 2 кн. Кн. 2 / А. И. Крушанов. — Влади-

восток : Дальневосточ. кн. изд-во, 1984. — 324 с.

15. Липкина, А. Г. 1919 год в Сибири / А. Г. Липкина. — М. : Воениздат, 1962. — 235 с.
16. Цветков, В. Ж. Генерал Дитерихс / В. Ж. Цветков. — М. : Посев, 2004. — 634 с.
17. С Колчаком — против Колчака: Краткий биографический словарь по истории Гражданской войны в Сибири // Сост. и науч. ред. А. В. Квакин. — М. : Аграф, 2007. — 448 с.
18. Дружины Святого Креста [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дружины_Святого_Креста (дата обращения: 14.10.2011).
19. Гусев, В. К. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции / В. К. Гусев. — М. : Мысль, 1975. — 383 с.
20. Права и свободы в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век / Под ред. А. Н. Арина. — М. : РОССПЭН, 2002. — 496 с.
21. Колосов, Е. Е. Сибирь при Колчаке / Е. Е. Колосов. — Петроград : Былое, 1923. — 193 с.
22. Ракитников, Н. И. Сибирская реакция и Колчак / Н. И. Ракитников. — М. : Народ, 1920. — 38 с.
23. Раков, Д. Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири / Д. Ф. Раков. — Париж, 1920. — 47 с.
24. Витте, С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 3 / С. Ю. Витте. — М. : Изд-во социально-эконом. лит., 1960. — 723 с.

ВТОРУШИН Михаил Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВУНЦ Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных сил Российской Федерации».

Адрес для переписки: SELENA_m.81@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.10.2011 г.

© М. И. Вторушин

Книжная полка

Пеньковский, Д. Д. Казачество: исход и возрождение (1920–2011 гг.) : моногр. / Д. Д. Пеньковский. — М. : Национальный институт бизнеса, 2011. — 556 с. — ISBN 978-5-8309-0370-7.

Монография посвящена одной из актуальных проблем отечественной истории. Посредством использования методологии комплексного исследования рассматриваются основные аспекты эмиграции казачества из европейской и азиатской частей России и ее последствия в 1920–1945 годах. Рассмотрены также некоторые вопросы возрождения казачества на современном этапе в России и за рубежом. В отечественной историографии многие вопросы эмиграции казаков за границу, а также возрождения казачества на современном этапе рассматриваются впервые. Книга предназначена не только для потомков славного российского казачества, но и для научных работников, преподавателей и аспирантов, изучающих отечественную историю, а также для казачьих объединений страны и зарубежья.

Шатье, Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шатье ; пер. с франц. — М. : Изд. дом «Искусство», 2012. — 256 с. — ISBN 5-85200-160-0.

Роже Шатье (р. 1945) — один из виднейших представителей современной французской исторической науки, руководитель исследований в Высшей школе социальных наук в Париже. Его обобщающие работы вносят ценный вклад в изучение истории XVIII века, обозначая новые пути развития знания о прошлом. В настоящей книге прослеживается формирование общественного сознания, сделавшего возможным Великую французскую революцию 1789 года.

ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ МЕТОДОВ И РЕПРЕССИЙ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В 1930—1932 гг. (НА ПРИМЕРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Статья посвящена проблеме коллективизации среди тюркских народов Западной Сибири в период 1930—1932 гг. Рассматривается механизм построения коллективных хозяйств в период сплошной коллективизации насильственными методами, роль партийных и советских организаций в деле построения колхозов и ликвидации кулачества как класса, сопротивление крестьян методам насильственной коллективизации.

Ключевые слова: коллективизация, коллективное хозяйство, колхоз, раскулачивание, экспроприация, репрессии.

По указанию ЦК ВКП(б) в начале осени 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) начал массированное наступление на кулаков, что явилось подготовкой к сплошной коллективизации насильственными методами. Для этой цели в округах Западной Сибири райкомы партии усилили работу по разжиганию классово-борьбы среди беднейших слоев населения по отношению к зажиточным крестьянам. Также недовольство к ним продолжало нарастать и среди колхозников. Прежде всего это объяснялось тем, что, вступив в колхоз, обещанных благ они не получили и продолжали владеть нищенским существованием, в то время, как хозяйства зажиточных крестьян продолжали развиваться. Дополнительно разжигали вражду идеологические отделы райкомов партии, внушавшие колхозникам, что кулаки — злейшие враги Советской власти. Политический настрой колхозников и беднейших слоев села ЦК ВКП(б) решил использовать в своих целях.

Призывом к окончательному уничтожению крепких единоличных хозяйств и к началу насильственной коллективизации не только в Западной Сибири, но и во всей стране стала речь И. В. Сталина 27 декабря 1927 г. на конференции аграрников-марксистов: «Мы перешли в последнее время от политики ограничения... к политике ликвидации кулачества, как класса» [1]. Он потребовал ускорить темпы строительства колхозов на базе ликвидации кулачества как класса, тем самым нарушив один из принципов ленинской концепции: постепенного перехода единоличных хозяйств в коллективные. Сталин и его единомышленники приняли постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». 5 января 1930 г. его единодушно утвердил ЦК ВКП(б). 6 января оно было опубликовано в газете «Правда». Постановление было поддержано и Сибкрайком ВКП(б). Таким образом, строительство колхозов на добровольной основе закончилось. 2 февраля 1930 г. бюро Сибкрайисполкома совместно с Сибкрайком партии, выполняя

решения ЦК ВКП(б), изменило ранее установленные сроки коллективизации в крае, назначив новые. 12 февраля 1930 г. вышло их совместное постановление, в котором определялся порядок экспроприации кулацких хозяйств и передачи имущества колхозам, участие в этом бедняков, батраков и середняков [2, с. 12].

Механизм раскулачивания выглядел следующим образом. На первом этапе Сибкрайком партии совместно с Сибкрайисполкомом утверждали в крае и по округам общее количество хозяйств. Исходя из этого, средний показатель хозяйств кулаков был определен в 5,6 процента. На втором этапе под 5,6 процента подводилось количество крепких хозяйств, предназначенных к раскулачиванию. Цифры распределялись по округам для исполнения. Руководство же округов распределяло их по районам. Так, в Хакасском округе, в Боградском и Чарковском районах раскулачиванию подлежало 180 хозяйств, в Аскизском — 100, Таштышском — 70 и Чебаковском — 150 [3, с. 21]. На третьем этапе судьбу зажиточных крестьян решали комитеты бедноты. Например, в Хакасии на общих бедняцких собраниях были приняты решения о раскулачивании 338 хозяйств [3, с. 13]. На общем собрании аулсовета № 4 Черлакского района Омского округа беднотой было заявлено, что необходимо всех кулаков выслать из аула в тайгу [4].

Во второй половине января 1930 г. в Западной Сибири развернулось соревнование за создание колхозов. Так, Бийский окружком ВКП(б) принял решение «закончить сплошную коллективизацию округа не позднее 1 марта», а в постановлении Барабинского окружкома партии говорилось, что «пятилетний план в области коллективизации сельского хозяйства полностью будет выполнен к весне 1930 г.» [5]. К этому же сроку обязался закончить сплошную коллективизацию Петропавловский ОК ВКП(б) (Казахстан) [6]. Омский ОК ВКП(б) пересмотрел свои прежние планы и взял новые обязательства о завершении коллективизации в округе к 1 июня 1930 г. [7]. На основании принятых обязательств окружкомы

ВКП(б) потребовали от райкомов партии ускоренных темпов строительства колхозов в районах. В связи с этим бюро Маслянинского райкома партии Новосибирского округа было вынуждено внести предложение всем сельсоветам и партячейкам «обеспечить стопроцентную коллективизацию бедняцко-средняцких масс к 1-му марта 1930 г.» [8]. К этому же сроку завершить коллективизацию в районе обязался Муромцевский РК ВКП(б) (Барабинский округ) [9, с. 838].

Против темпов и методов насильственной коллективизации выступили оппозиционно настроенные коммунисты и беспартийные практически всех национальностей [10]. В докладной записке в ОГПУ указывалось, что среди партийно-комсомольской части существует уверенность, что проводимый советской властью нажим на кулака способствует созданию недовольства среди членов ВКП(б) [11]. 12 февраля 1930 г. в Сибкрайком ВКП(б) из Барнаульского окружкома партии поступила следующая информация: «Мы еще имеем отдельных коммунистов, а иногда и целые партячейки...которые не согласны с теми темпами, которые взяла партия по коллективизации и уничтожению кулачества как класса...» [10]. Так, в докладной Бийского ОК ВКП(б) сообщалось о несогласии с темпами коллективизации и раскулачиванием в районе секретаря райкома партии Степина [5, л. 4].

Однако просталинский Сибкрайком не только игнорировал многочисленные высказывания коммунистов и беспартийных против темпов в строительстве колхозов, но и продолжал их увеличивать. Партийное руководство округов не осмелилось выступить против его решений. Даже в слабо развитых сельских районах Сибкрая, Хакасии и Ойротии оно не отказалось от ускоренных темпов колхозного строительства. Так, Ойротский обком партии 8 февраля (1930 г.) постановил «закончить коллективизацию в Ойротии к весне 1930 г.», хотя она была отнесена к третьей группе округов и ей были определены сроки сплошной коллективизации к октябрю 1933 г. [12, с. 90].

В южных районах Омского округа, где совместно с русскими проживали казахи, насильственная коллективизация началась в январе 1930 г. В аулах сроки ее были сдвинуты. Чтобы избежать насильственной записи в колхозы, часть казахского населения из аулов была вынуждена откочевать в степь. Повсеместно к сельским труженикам, отказывающимся вступать в колхозы, партийные и советские органы стали применять все дозволенные и даже недозволенные методы, несмотря на резолюцию XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), в которой было вновь подчеркнуто, что колхозы могут быть построены только на основе добровольности [13, с. 52]. Например, к тем, кто отказывался вступать в них, применялись прямые угрозы: «сошлем за пределы округа», «загоним в Соловки», «пошлем на лесозаготовки», «раскулачим», «арестуем», «расстреляем» [14]. Так, в Омском округе кратковременному заключению подверглись казахи Ибраев Эмин (аул Ефимский, Тюкалинский район) [15, с. 379], Султанов Айдархан (аул Большой Баранкуль, Шербакульский район) [16, с. 378], Аипов Таш Мухаммед (аул Аип, Саргатский район) [17, с. 57] и Аяпанов Кама (аул Саманкуль, Большереченский район) [17, с. 143]. Уполномоченным райисполкома Елисеевым был арестован крестьянин-середняк из татарской деревни Тоскино (Н-Колосовского района, Омский округ) [18]. Выступивший на V Сибирской краевой партийной конференции (май – июнь

1930 г.) председатель Сибкрайисполкома И. Е. Клименко (через несколько месяцев он будет смещен с поста) рассказал, как в действительности проходила запись в колхозы в деревнях и аулах: «У нас часто бывало так, что начинали коллективизацию с кулака: раскулачивали, арестовывали, очень часто в 24 часа (иногда в 3 часа). Потом собирали собрание, на котором докладчик говорил о двух путях развития сельского хозяйства — путь капиталистический — это с кулаком, пожалуйста, и путь социалистический — это с колхозами, и тут проясляется полная «добровольность», выбирай, куда хочешь» [19, с. 524]. В поселке Бергамак Муромцевского района Барабинского округа, в котором проживала значительная часть татарского населения, в течение двух-трех недель было коллективизировано 90 процентов хозяйств [9, с. 838].

Насильственные меры, предпринимаемые в отношении крестьян-единоличников для вовлечения их в колхоз, вызвали у них ответное противодействие. Из районов Омского округа в окружком партии и ОГПУ сообщалось, что крестьяне ломают сельхозинвентарь, чтобы он не попал в колхозы, сдают части его в качестве лома по две копейки за кило [20], режут скот, чтобы не вести его на колхозный двор [21]. В связи с этим последовали аресты и наказания. В Омском округе были арестованы и по решению Особой тройки ОГПУ приговорены к пяти годам лишения свободы крестьяне-единоличники Султанов Гарей (деревня Шеваны, Усть-Ишимский район) [16, с. 378], Ильтаков Агс (аул № 3, Омский район) [15, с. 418], Бектасов Моноспай (аул № 4, Иконниковский район) [17, с. 239], Турсумбаев Темир (Саргатский район) [22, с. 142]. В деревне Тебендя Усть-Ишимского района по обвинению в проведении агитации, направленной на «свержение, подрыв и ослабление Советской власти», был арестован Сайтов Сарын, посланный по решению особой тройки при ПП ОГПУ по Сибкараю в Туруханский край [16, с. 178]. Были арестованы Мусин Сомогул и Такпаев Рахим, жители аула № 2 Иконниковского района (ныне Горьковский район Омской области), которых приговорили к высшей мере наказания — расстрелу, а их семьи выслали на север [23, с. 386]. В Муромцевском районе (Омский округ) доведенные до отчаяния насильственными методами записи в коллективные хозяйства и раскулачиванием, крестьяне взяли даже за оружие. В результате этого 1 марта 1930 г. вспыхнуло вооруженное восстание, в котором приняли участие крестьяне 28 деревень [24]. Подразделениями ОГПУ оно было жестоко подавлено. В Москву была отправлена телеграмма, в которой говорилось: «Во время ликвидации захвачено свыше 700 бандитов. Всего убито 31, тяжело ранено 4 бандита» [24]. Начались аресты участников восстания. Одного из них, Халикова Шарафея (деревня Инцисс) Особая тройка ПП ОГПУ по Сибирскому краю 28 апреля 1930 г. приговорила по политической статье 58 УК РСФСР к ссылке в Туруханский край [22, с. 265].

При создании колхозного семенного фонда у крестьян забрали даже то зерно, которое было оставлено ими для того, чтобы кормить семью. В результате уже весной в некоторых деревнях, аулах, юртах Западной Сибири начался голод [25]. Не хватало кормов для колхозного скота. В итоге начался массовый его падеж. В Барнаульском округе начали насильственно забирать с крыш жилых домов солому и использовать ее на корм скоту [10, с. 239]. Кроме того, к нехватке в колхозах семенного зерна и кормов для

скота прибавился и недостаток тягловой силы (волы, лошади), в результате чего весенний сев был проведен с большими трудностями. Ведь дело доходило до того, что батраки, вступившие в колхоз, «землю пахали на коровах (впервые в истории российского земледелия), вскапывали лопатами. В плуги впрягались мужики, женщины и даже дети [19, с. 508]. Это было отмечено в отчете специальной комиссии, направленной из Колхозцентра СССР в Сибирь [26, с. 335].

В мусульманских колхозах, как и в русских, упала трудовая дисциплина. Для выяснения причин в национальные колхозы были направлены комиссии райкомов партии. По результатам проверки на партийном активе Ишимского района Томского округа член ВКП(б) Мартынов рассказывал: «...колхозы работают на холостом ходу. Везде можно найти отсутствие какого бы то ни было организационно-производственного плана» [27]. Стихийность, бесплановость и бесхозяйственность послужили дополнительным катализатором для выхода колхозников из трудовых коллективов, которые стали «разваливаться». Так, распался колхоз в татарской деревне Березовая Речка Славгородского района Томского округа [28]. В Томском округе вышло из колхозов 12212 хозяйств, или 47 % (в среднем по 378 в день) [29]. Если на 20 января 1930 г. в Сибкрае было коллективизировано 10,6 процентов крестьянских хозяйств, а на 10 марта — 52,4 процентов, то в следующие месяцы уровень коллективизации снизился. На 1 апреля до 34,2 процентов, на 1 мая до 25,4, на 1 июня до 19,8 [30, с. 344]. Чтобы не допустить окончательного развала колхозов, Сибкрайком ВКП(б), взявший курс на насильственное удержание в них крестьян, утвердил на бюро документ, запрещающий «прием и разбор заявлений о выходе из колхозов» [31].

Также руководство сибирского края вынуждено было пойти на уступки и начать борьбу с той частью членов партии, которые, по их мнению, допустили перегибы при строительстве колхозов. Часть коммунистов и беспартийных понесли наказания (партийный выговор, снятие или перевод на другую работу). Однако вскоре из них большая часть была оправдана. Сплошная коллективизация в Западной Сибири продолжалась, как и по всей стране. Методы ее проведения уже не имели принудительного характера, а сроки были умеренно сдвинуты на более позднее время. Крестьяне стали возвращаться в колхозы. К этому их вынуждало создавшееся экономическое положение. Прежде всего, часть середняков уже была лишена своих хозяйств, а батраки не могли найти работу по найму, так как зажиточные крестьяне были раскулачены. Однако партийная пресса преподносила возвращение крестьян в колхозы, как устранение искривлений и победу сплошной коллективизации под руководством ЦК ВКП(б). В резолюциях XVI съезда партии (июнь — июль 1930 г.) подчеркивалось, что ликвидация кулачества как класса дала хорошие результаты, проводилась «самими бедняцкими и середняцкими массами» [13, с. 161]. Действительно, в комитетах, комиссиях по раскулачиванию и агитации в колхозы основная часть состояла из беднейших слоев населения, которые стали союзниками партийного руководства края в деле сплошной коллективизации. Таким образом, только в Западной Сибири в татарских деревнях и казахских аулах к концу 1930 г. было коллективизировано 21 %, а к 1931 г. — 67,5 %, при среднем показателе 60 %. В Сибири было создано около 200 татарских и 175 казахских колхозов [32].

В 1931 г. ЦК ВКП(б) потребовал от Запсибкрайкома партии увеличения числа колхозников. Так как продолжалась политика, запрещающая принимать кулаков в колхозы, а большая часть бедняков и батраков уже вступила в них, то базу роста должны были составить середняки. Их жизненный уровень был намного выше, чем у колхозников. Окрепшие середняцкие хозяйства продолжали хотя и медленно, но увеличивать свой экономический потенциал, тогда как хозяйства колхозников продолжали свое нищенское существование. Происходил процесс размежевания между колхозниками и единоличниками. Авторитет колхозов падал. Наряду с этим руководство Запсибкрайкома партии требовало от ОК ВКП(б) «до выявления» кулаков. Для выполнения указанных цифр окружками, райкомы партии стали вносить в списки кулацких хозяйств середняков. Например, Темирова Мажена (аул Темир, Таврический район) [22, с. 70], Токина Турумбая (аул № 11, Борисовский район) [22, с. 108] и других. В связи с этим часть середняков вынуждена была добровольно вступить в колхозы, отдав в них свои хозяйства. О том, что по отношению к середнякам применялось раскулачивание, открыто заявил секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. Эйхе, выступая на V Сибирской краевой партийной конференции ВКП(б) (1930) [19, с. 175]. В Хакасии только в марте 1931 было «довыявлено» 161 хозяйство (в Чебаковском районе — 63, Аскизском — 36, Таштыкском и Боградском — 46, У-Абаканском — 12) [3, с. 13]. Летом 1931 г. в Хакасии и Горном Алтае были экспропрированы наиболее крупные феодально-байские и кулацкие хозяйства с изъятием у них скота, земли и других средств производства [33].

Сплошная коллективизация в Западной Сибири, начатая в январе 1930 г., не принесла ожидаемых результатов. Одной из причин этого стало возникновение в обществе недовольства построением колхозов насильственными методами и раскулачиванием, вылившееся в отдельные восстания, готовые перерасти во всеобщее. В связи с этим сталинский режим вынужден был отказаться от построения колхозов в короткие сроки, перенеся их на осень 1932 г.

Библиографический список

1. Сталин, И. В. Сочинения. В 13 т. Т. 12 / И. В. Сталин. — М., 1949. — С. 169.
2. Коллективизация сельского хозяйства в Западной Сибири (1927–1937 гг.). — Томск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, Томское отделение, 1972. — 331 с.
3. Тугужекова, В. Н. Репрессии в Хакасии / В. Н. Тугужекова, С. В. Карлов. — Абакан : Хакассский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 1998. — 112 с.
4. Баев отправим в Нарым, в тайгу // Рабочий путь. — Омск, 1930. — 6 февраля.
5. ЦХАФАК. Ф. П. 12. Оп. 5. Д. 61. Л. 64.
6. Северо-Казахстанская область в 1917–1957 гг. Сб. ст. — Алма-Ата : Казахское гос. изд-во, 1957. — С. 75.
7. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 44. Л. 1.
8. ГАНО. Ф. Р. 47. Оп. 5. Д. 103. Л. 34.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. Т. 2. — М. : РОССПЭН, 2000. — 880 с.
10. ГАНО. Ф. П. 2. Оп. 2. Д. 466. Л. 79.
11. Архив УФСБ России по Омской области. Открытый фонд. Д. 173. Л. 12.
12. Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. — Томск : Том. ун-т, 1966. — 272 с.

13. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. VII издание. — М. : Госполитиздат, 1954. — 691 с.
14. Цветкова, Г. Я. «...Головокружение от им предсказанных побед...» / Г. Я. Цветкова // «Чрезвычайщина». Из истории Омского Прииртышья 20–30-х годов. — Омск : Кн. изд-во, 1990. — С. 55.
15. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. Т. 3. — Омск : Кн. изд-во, 2001. — 448 с.
16. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. Т. 7. — Омск : Кн. изд-во, 2003. — 424 с.
17. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. Т. 1. — Омск : Кн. изд-во, 2000. — 480 с.
18. ЦДНПО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 51. Л. 223.
19. Стенографический отчет V Сибирской краевой партийной конференции ВКП(б). — Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. — 750 с.
20. ЦДНПО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 50. Л. 123.
21. ЦДНПО. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 6. Л. 39 об.
22. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. Т. 8. — Омск : Кн. изд-во, 2003. — 408 с.
23. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. Т. 5. — Омск : Кн. изд-во, 2002. — 432 с.
24. Самосудов, В. М. Истребление участников Муромцевского восстания 1930 года / В. М. Самосудов // Большой тер-

- рор в Омском Прииртышье. 1937–1938. — Омск : Омский пед. ун-т, 1998. — С. 64.
25. ЦХАФАК. Ф. П. 38. Оп. 7. Д. 38. Л. 6.
26. История Сибири. В 5 т. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. — Л. : Наука, 1968. — 501 с.
27. ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 683. Л. 88.
28. Валитов, С. Письмо единоличника деревни Березовая Речка Томского округа Славгородского района / С. Валитов // Красное знамя. — Томск, 1934. — 8 сентября.
29. ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1007. Л. 61–62.
30. Мошетов, И. А. Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири 1924–1930 гг. / И. А. Мошетов. — Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1978. — 366 с.
31. ЦДНПО. Ф. 7. Оп. 6. Д. 4. Л. 6.
32. Балтабаева, К. Н. Деятельность партийных и советских органов Западной Сибири по вовлечению татарского и казахского населения в социалистическое строительство (1928–1932 гг.) / К. Н. Балтабаева // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири. — Омск : ОГПИ, 1990. — С. 153.
33. История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в национальных районах Сибири. — Улан-Удэ, 1971. — 190 с.

ОЗЕРОВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии, политологии.

Адрес для переписки: ozarov26@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2011 г.

© О. А. Озерова

УДК 329.78+323.2

Р. В. РЫБАКОВ

Омский государственный
технический университет

МОЛОДЕЖЬ И ОРГАНЫ ВЛАСТИ — ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НАЧАЛЕ 20-х гг. XX в.

Поиск эффективного взаимодействия молодежных объединений и власти является одним из приоритетных направлений современной молодежной политики. При этом чрезвычайно важен учет как положительного, так и отрицательного исторического опыта. В статье рассматриваются проблемы введения представительства молодежи в профессиональных и государственных учреждениях в начале 20-х гг. XX в. По мнению автора, этот вопрос заслуживает специального исследования, результаты которого могут быть полезны сегодня.

Ключевые слова: комсомол, молодежные организации, молодежная политика.

В начале 20-х гг. XX в. перед Российской Коммунистической партией (РКП) стояла масса государственных проблем, которые стали прямым следствием социально-политических катаклизмов последних десятилетий. Лидеры РКП прекрасно осознавали, для того чтобы остаться у власти, им жизненно необходимо не просто решить очередные задачи восстановления народного хозяйства (что сделать быстро было просто невозможно), а внедрить в сознание масс идею перехода к обществу рабоче-крестьянского благоденствия, коммунизму, на пути к которому, очевидно, будут трудности, и только героические усилия, лишения трудового народа позволяют эту цель достичь. Большевицкое руководство, вы-

двинув программу социалистической модернизации страны, огромную роль отводила молодежи. Именно молодежь, свободная от предрассудков старшего поколения, энергичная, открытая для восприятия всего нового должна была стать главным помощником партии.

Сегодня можно сколько угодно спорить по поводу правомерности употребления термина «молодежная политика» применительно к тактике большевиков, говорить о ее концептуальной неформальности, политической узости, сословной ограниченности, подчинении комсомола партии и превращении в орудие классовой борьбы и т.д. Но не следует забывать, что это был и бесценный опыт по-

строения модели участия молодежи в общегосударственных делах, попытка построения системы перехода из юности во взрослую жизнь, которая позволила воспитать целое поколение талантливых, энергичных, бескорыстных людей. Впервые за долгую историю молодежь нашей страны получила право активного участия в политике.

Создавая Российский Коммунистический Союз Молодежи (РКСМ), партия поставила перед ним глобальные задачи: широкая пропаганда идей коммунизма, активное участие в строительстве новых форм жизни, защита правовых и экономических интересов молодежи и пр. В соответствии с этими задачами формировалась внутренняя структура организации. В союзах различного уровня появляются отделы: организационный, он же информационно-статистический, финансово-хозяйственный, полит-просветительский, экономическо-правовой, военно-спортивный. Не было, пожалуй, ни одной сферы жизнедеятельности, куда бы не проник комсомол. При этом с первых дней своего существования комсомольские организации получили известную самостоятельность, особенно на местах. С одной стороны, у партийных органов не было четкой стратегии в отношении молодежи, опыта работы, им приходилось искать пути, формы взаимодействия с новой организацией. С другой — принимаемые постановления, резолюции, циркулярные письма часто были просто не известны «провинциальным» отделам, что в известной мере, только положительно сказалось на развитии их самостоятельности.

В значительной степени активность союзов проявилась в отстаивании социально-экономических прав молодого поколения, и была поддержана государством. Перед экономическо-правовым отделом РКСМ стояли обширные задачи: соблюдение норм охраны труда, борьба с детской беспризорностью, работа по улучшению быта рабочей молодежи, здравоохранения и пр. В решении социальных проблем коммунистические союзы молодежи обращались к органам Советской власти и учреждениям соответствующих компетенций (отделам народного образования, комиссиям и отделам охраны труда при профсоюзах, совнархозам), представители которых иногда принимали участие в работе заседаний комитетов РКСМ и давали разъяснения по возникающим вопросам. Однако отсутствие статуса государственной и политической организации, нормативной базы, регламентирующей процедуру взаимоотношений между РКСМ, государственными и профессиональными учреждениями, создавало значительные трудности в работе молодежи.

Отношение к РКСМ в провинции было неоднозначным, многие не видели в союзе общественной политической и уж тем более государственной структуры, имеющей властные полномочия, поэтому позволяли себе действия, ставившие под сомнение легитимность и право молодежи на участие в социально-экономической и политической жизни региона. Политическая активность, которую проявляли лидеры комсомола, пресекалась на корню, а самих «выскочек» демонстративно ставили на место, игнорировались нужды, обращения комсомола, а порой выказывалось простое неуважение. Борьба с таким положением дел велась при помощи пропаганды. Организаторы молодежного движения обращались к общественности со страниц периодических изданий, надеясь изменить сложившуюся практику: «Многие организации отмахиваются от союзов молодежи, представляют их собственным силам

целиком, смотрят на эти союзы как на забаву молодежи. Нет ничего вреднее такого отношения» [1], — отмечал в своей публикации один из активистов молодежного движения Е. Ярославский.

Следствием указанной проблемы стало возникновение вопроса о представительстве, то есть о таком положении, когда члены РКСМ могли бы влиться в состав организации на правах полноценного работника. Подобное участие решало несколько задач. Во-первых, через взаимодействие комсомола и учреждений осуществлялся более эффективный надзор и защита прав молодежи. Во-вторых, через участие в работе государственных и профессиональных органов молодежь получала управленческую практику.

Первым шагом на пути развития комсомольского представительства в органах власти стало решение коллегии охраны труда Наркомтрудсобеза от 15 декабря 1919 г. В соответствии с постановлением в коллегию с совещательным голосом, а также в губернские, уездные и городские местные отделы охраны труда назначался представитель РКСМ, который должен был сосредоточить основное внимание на защите трудовых прав молодежи [2].

Это положение было закреплено постановлением Народного комиссариата труда и социального обеспечения РСФСР от 30 января 1920 г. В соответствии с которым учреждался институт ассистента инспектора труда. Ассистенты обязательно должны были выбираться из состава РКСМ, не обладали какими-либо распорядительными функциями, но обо всех замеченных недостатках и нарушениях законов докладывали соответствующим инспекторам труда. Кроме того, так как институт ассистентов входил в систему государственных органов охраны труда, он содержался на средства Комиссариата Труда и Социального Обеспечения [3].

Справедливости ради следует отметить, что далеко не везде этот институт прижился и заработал в полную силу. Об этом свидетельствует циркулярное письмо ЦК РКСМ отправленное по губерниям в июне 1921 г., где указывались недостатки: отсутствие ассистентов как таковых, нежелание работать, неподготовленность, не знание задач, частые отъезды, низкий процент рабочих, назначенных на эту должность и пр. В то же время отмечалась важность института и недопустимость его формирования из состава некомсомольской молодежи и ликвидации, так как с подобными предложениями выступали губернские управления охраны труда [4].

Следующим шагом на пути увеличения комсомольского представительства в органах государственной власти стало назначение членом РКСМ в отделы народного образования. Например, 13 декабря 1920 г. Состоялись выборы постоянного представителя в полит-просветительский отдел народного образования г. Ново-Николаевск. На должность была избрана член городского комитета РКСМ Павлова [5].

В скором времени представители РКСМ вошли в состав Рабочей Крестьянской Инспекции (РКИ) с целью не только ознакомления с ее деятельностью и обучения управлению фабриками, заводами, предприятиями и всем сельским хозяйством, но и оказания всесторонней помощи в контроле над органами государственного аппарата. В соответствии с постановлением организации РКСМ должны были делегировать своих представителей согласно нижеследующему порядку.

1. Выборы членов РКИ происходят на общих собраниях организаций РКСМ.

2. Общее руководство выборами возлагается на губернские, уездные РКИ по инициативе которых организуются специальные избирательные комиссии в составе по одному представителю от местного комитета РКП, Совета профсоюзов, местного комитета РКСМ и местной РКИ.

3. Выборы членов РКИ производятся в первую очередь в городах и промышленных пунктах и лишь во вторую очередь, после учета выборов в городах, производятся в сельских, волостных организациях РКСМ.

4. Члены РКИ избираются на 4 месяца, по истечении срока возвращаются на прежнее место, причем переизбрание их более 2-х раз подряд не допускается.

5. Общее количество подлежащих избранию в РКИ от организации РКСМ устанавливается для столичных организаций не менее 25, губернских — не менее 15, уездных — 5 [6].

Важным событием в подготовке будущих управленцев стал декрет СНК РСФСР от 24 июня 1921 г. «О практиканстве членов Российского Коммунистического Союза Молодежи». В первую очередь практиканство членов РКСМ вводилось в тех учреждениях, которые обслуживали труд, быт и воспитание трудящегося юношества (Отделы Народного Комиссариата Труда, школьные отделы, Главный Политико-Пролетарский Комитет, Управление Всеобщего Военного обучения и др.), в экономических и административно-промышленных органах и в Рабоче-Крестьянской Инспекции. Предполагалось, что к практиканству будут допускаться только самые преданные и грамотные комсомольцы, окончившие партийные школы. Срок практики устанавливался не более 6 месяцев [7].

Окончательно вопрос о представительстве был решен VI Всероссийским съездом и поддержан III Сибирской конференцией РКСМ (10 декабря 1921 г.). На повестке дня стоял вопрос укрепления союзной организации, об упрощении аппарата и разгрузки от государственных и профессиональных функций. Для реализации этой задачи было принято решение о реорганизации отделов РКСМ, путем передачи профсоюзам и государственным органам работы по труду, быту и образованию рабочей молодежи, физическому развитию и допризывной подготовке, а также борьбе с детской беспризорностью. Существовавшие раньше отделы: экономическо-правовой, социалистического образования и военспорта упразднялись. Работа в указанных областях велась Союзом через профсоюзы и госорганы путем посылки в последние постоянных работников — представителей союза, работающих под руководством комитетов РКСМ. Препятствия, стоявшие при осуществлении этой переделки, заключались главным образом в том, что профсоюзы и государственные органы не всегда хотели принимать постоянных представителей РКСМ в связи с сокращением штатов, а иногда и принципиально не соглашались с системой постоянного представительства. Эти проблемы устранялись через Сиббюро РКП и Сиббюро РКСМ. Также было принято постановление об отчете профсоюзов и государственных органов в работе касающейся молодежи перед союзом [8, л. 1].

После 3-й Сибирской конференции на областной съезд профсоюзов от каждой губернской организации были выбраны делегаты РКСМ присутствовавшие на съезде профсоюзов в качестве членов съезда с совещательным голосом. Сиббюро совместно с делегатами на съезде в резолюцию по организации

ному вопросу потребовало включить раздел о связи с РКСМ и включении представителя союза на штатные должности. В дальнейшем было достигнуто соглашение с Сибтрудом, Сиббюро горняков, Сиббюро Центрана, Сибнаробразом, Сибвсевобучем. Общее количество представителей, выделенных в профессиональные и государственные органы Сибири, было следующее:

Всего по губернии выделено 34 человека, из них в Губпрофсоветах — 12, Губнаробразы — 7, Губтруд — 4, Линктраны — 6, Губвсевобуч — 4, в центральные органы Сибири выделено 10 ч [8, л. 5].

Позже началась реализация достигнутых договоренностей и на местах, однако их осуществление проходило более сложно. В отчете за июль 1922 г. Иркутского губкома РКСМ содержится информация о невозможности провести своих представителей в профорганы, причем основным препятствием названы скептические взгляды местных партийных отделов [8, л. 12].

Впервые в истории Российского государства молодежь получила возможность участия в выборах. Резолюции, принимаемые, как правило, губернскими комитетами РКСМ, статьи в периодической печати призывали партийную и беспартийную молодежь принять активное участие в выборах в местные Советы. «Принимать самое активное участие вместе с ячейками коммунистов в выборах в Совет, управления кооперативов и т.д., голосовать только за коммунистов и людей, преданных делу пролетарской революции» [9] — призывала газета «Советская Сибирь».

В решениях комсомольских собраний подчеркивалось, что молодежь должна разъяснить крестьянству, кого и как они должны выбирать, а также давались указания [10, с. 42–43]. «Каждая ячейка РКСМ должна привлечь в Совет одного или нескольких наиболее преданных членов Союза» [11]. Бесспорно, это отвечало насущным запросам молодежной организации: сближение Союза и государственных органов в лице Советов и получение навыка государственной работы. Однако организованное участие молодежи в выборах, с точки зрения РКП, должно было обеспечить не столько определенное количество представителей в Советах, сколько активность той части населения, которая поддерживает коммунистов. Таким образом, публично подчеркивалась важность участия комсомола в выборах депутатов и деятельности советов. Но, по справедливому замечанию исследователя Слезина А. А., на выборах в Советы комсомол выступал не как самостоятельная организация, а как резерв Коммунистической партии [12, с. 56]. Общая численность молодых людей в составе местных Советов редко достигала 5 %. К 1 декабря 1923 г. в Алтайской губернии членами сельсоветов были 110 комсомольцев, городских Советов — 14 человек [13].

Таким образом, несмотря на многочисленные проблемы: отсутствие специальных знаний, игнорирование со стороны как государственных, так и профессиональных учреждений и пр., впервые в истории Российского государства молодежь получила возможность не просто участвовать в работе советских органов различных уровней, но и непосредственно через них отстаивать свои социально-экономические права. Активности юношества нашли практическое применение. Задор, энтузиазм, стремление быть полезным, вера в «светлое будущее» были использованы партией в том числе и для обеспечения социальной поддержки не только среди молодежи, но и среди общества в целом.

Библиографический список

1. Советская Сибирь. — 1920. — 29 апр.
2. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. П–187. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
3. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] / Интернет-архив законодательства СССР. Более 20000 нормативно-правовых актов. — Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_524.htm (дата обращения: 10.12.2011).
4. ГАНО. Ф. П–187. Оп. 1. Д. 140. Л. 30–31.
5. ГАНО. Ф. П–187. Оп. 1. Д. 16. Л. 29 об.
6. ГАНО. Ф. П–187. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
7. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] / Интернет архив законодательства СССР. Более 20000 нормативно-правовых актов. — Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/ussr_997.htm (дата обращения: 10.12.2011).
8. ГАНО. Ф. П–187. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

9. Советская Сибирь. — 1920. — 1 апр.
10. Молодежь и время : сб. док. и материалов из истории молодеж. движений Тюм. обл., 1917–1985 / Упр. по делам архивов администрации Тюм. обл. [и др.] ; редкол. : В. И. Мальков [и др.]. — Тюмень : [б. и.]. — Ч. 1. — 1993. — 115 с.
11. Красная молодежь // Красный пахарь. — 1921. — 8 марта.
12. Слезин, А. А. Молодежь и власть : из истории молодеж. движения в Центральном Черноземье 1921–1919 гг. / Тамб. гос. техн. ун-т. — Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2002. — 220 с.
13. ГАНО Ф. П–187. Оп. 1. Д. 118. Л. 294.

РЫБАКОВ Роман Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории. Адрес для переписки: roman-rybakov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2011 г.

© Р. В. Рыбаков

УДК 322

Е. В. СКРИПКИНА

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

«РАБОТА ЦАРЮ» ГАЗСКОГО МИТРОПОЛИТА ПАИСИЯ ЛИГАРИДА

В статье автор рассматривает деятельность газского митрополита Паисия Лигарида при дворе Алексея Михайловича в контексте взаимоотношений государственной и церковной властей, анализирует степень его участия в «деле Никона» и в полемике со старообрядцами.

Ключевые слова: царь Алексей Михайлович, патриарх Никон, старообрядцы.

Хорошо известно, что в царствование Алексея Михайловича в XVII в. в Москву приезжало немало греческих иерархов разных кафедр, включая самих патриархов. Одни приезжали с целью получить от русского правительства милостыню в пользу своих епархий, другие — с целью остаться в русской столице на более или менее продолжительное время. В 1662 г. в Москву с подложными грамотами приехал газский митрополит Паисий Лигарид.

Уроженец о. Хиос, Паисий был воспитанником Коллегии св. Афанасия в Риме для греческих униатов, по окончании которой получил степень доктора философии и богословия. С приглашением приехать в Москву к Лигариду обратился Никон, который нуждался в ученых духовного звания. Но газский митрополит тогда не принял этого приглашения и только через пять лет, в 1662 г., отправился в Москву при совсем других обстоятельствах.

Как отмечал Н. Ф. Каптерев, Лигарид был довольно даровитый и образованный архиерей-авантюрист, способный на все руки и на все услуги, за которые хорошо платят. Он принадлежал к числу таких бродячих, не ужившихся дома архиереев, которым «не подобает возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора», принадлежал к газский митрополит Паисий Лигарид [1, с. 269–270].

Приехав в Москву, в период распри между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, под

видом поборника православной традиции, Паисий сразу понял выгоды своего положения между противостоящими сторонами и принял сторону Алексея Михайловича. Его деятельность при государевом дворе можно обозначить как «работа царю» (термин А. Н. Робинсона, которым он обозначил идейную и жизненную позиции Симеона Полоцкого) [2, с. 53].

На приеме у царя Алексея Михайловича Паисий поднес ему в подарок модель Гроба Господня, иорданскую воду, иерусалимские свечи; от царя же получил кубок серебряный, 40 соболей, камку и 30 р. Позже, подав челобитную о милостыни, Паисий получил от русского царя еще 100 р. И на 50 р. соболей из Сибирского приказа. Узнав о приезде Паисия Лигарида, патриарх Никон отправил к нему Арсения Грека с приветствием, в котором выразил надежду на то, что «тобою все придет к глубочайшему миру и рушится средостение», возникшее между царем и патриархом.

В мае 1662 Лигарид писал царю, побуждая Алексея Михайловича к скорейшему рассмотрению «дела Никона», рассказывая, будто Никон бежал от грозившей ему опасности тайного убийства, и предлагал обратиться к константинопольскому патриарху как вселенскому судии, причем написать по-гречески ради тайны [3, л. 2].

Когда Никон узнал, что митрополит газский Паисий советовал царю Алексею Михайловичу призвать

Никона к суду и произнести над ним решительный приговор, патриарх написал Лигариду письмо, в котором, не сдерживая себя, укорял и осуждал царя. Патриарх Никон в частности писал: «А мы вин своих перед царем не знаем, разве того, что пишем и говорим о неправдах его, яко ко святым и Божиим церквам и ко святым монастырем обнищил и разорил святыя церкви и монастыри своею силною рукою, и он того ради злится на нас; а ему того не пристойно делать, что без архиерейскаго благословения от святых церквей и от монастырей имть святыя вещи движимыя и недвижимыя, и несть ему пользы в них, ниже судом архиерейским и повелением обладать». Это послание Никона к Паисию со славянского языка на латинский перевел Епифаний Славинецкий [3, л. 144 – 152; 4, с. 202 – 203].

В своем письменном творчестве Лигарид выступал с обоснованием полной и нераздельной монаршей власти. Например, в послании патриарху Никону он писал: «Не благо многогосподствие, един господин да будет, един царь», «от многоначалствования происходят «лютая... убийства, зависти, хищения, друг друга бранения». Алексей Михайлович, по словам Лигарида, есть «римской монархии наследник» [5, с. 230, 235].

Приняв сторону царя и бояр, Лигарид первым советовал пригласить восточных патриархов для суда над Никонем. К нему обратился боярин Стрешнев с тридцатью вопросами, в которых изложил поведение Никона и спрашивал у Паисия ответа. В связи с этим разбирательством Паисий составил несколько богословско-полюемических сочинений на греческом языке, в том числе ответы на тридцать вопросов боярина С. Л. Стрешнева (15 августа 1662), 61 ответ на вопросы Алексея Михайловича (26 ноября 1662), отчет о суде над патриархом Никонем и др. Эти сочинения имеют большое значение для русской истории и не раз становились предметом исследований в специальной литературе.

Отвечая на вопросы Стрешнева, Паисий выступил с полным осуждением Никона. Лигарид предъявлял к Никону следующие вины: 1) при возведении его на патриаршество он во второй раз был рукоположен во епископа, поэтому на основании 68-го апостольского правила должен быть извержен; 2) запретил причащать разбойников, осуждаемых на смерть; 3) во время священнослужений украшался богатыми облачениями, смотрелся в зеркало, расчесывался щеткой; 4) по отречении от кафедры рукополагал священников и дьяконов; 5) Никон сам отрекся от своей кафедры, и хотя это отречение было не письменное, а словесное, но произнесено оно было всенародно в церкви, потому имеет полную силу, сам сложил с себя перед всей Церковью святительские ризы; <...> 9) за такое неуважение к Собору, бывшему в Москве Никон должен быть проклят как еретик, ибо Григорий Двоеслов почитал четыре Вселенские Собора наравне с четырьмя Евангелиями; <...> 11) патриарха Никона обвиняли в том, что он никогда не называл архиереев своею братиею, но считал их гораздо ниже себя, потому что они были от него освящены; <...> 13) в том, что он назвал Воскресенский монастырь Новым Иерусалимом; <...> 15) в том, что он разорил Коломенскую епископию для своего Воскресенского монастыря; 16) строит себе город и обоз, полюбил жить в местах пустых и безлюдных и наполнил те места наймитами и боярскими подданными, что он имеет там даже больше поместий и доходов, нежели в Москве патриархия; 17) в том, что удалился из Москвы без особенного

ведома царя и без совета всех архиереев и всего Собора, да и после удаления мог бы созвать Собор, чтобы очиститься, оправдаться. Но ничего этого он не сделал, а все делает только по страсти самолюбия и проклятой гордости» [6, с. 144 – 165]; 18) следовало бы Никону, когда опасение его миновало, возвратиться в Москву на кафедру: он пастырь, епископ, ему вверено множество душ, и он отдаст за них ответ Богу; 19) Никону следовало, когда он отходил, оставить вместо себя до своего возвращения наместника и приказать ему управлять церковью, а так пришлось самому государю поручить это дело Крутицкому митрополиту; 20) А самое главное радение царя — радение о Церкви, потому что никогда не укрепляются дела царские, пока не укрепятся дела матери его Церкви; 21) Никону было бы полезнее иметь менее привилегий, потому что иные его надмили; смотрелся он в них, как в зеркало, и с ним случалось то же, что пишут стихотворцы о Нарциссе, который в речной воде сначала любовался лицом своим, потом хотел поцеловать его и утонул; 26) Никон бранил и бранит государя за то, что он учредил Монастырский приказ и посадил в нем судьями мирских людей, и за то, что поставлял по монастырям архимандритов и игуменов; 28) в ответе Лигарида говорилось, что Никон несправедливо жалуется на то, что его не позвали на Собор и не выслушали, невиноватый сам идет, чтобы оправдаться. Поэтому Никон сам должен был явиться на Собор или, если бы ему помешали, прислать от себя грамоту с объяснениями всего, что было нужно; 29) Никон несправедливо укоряет архиереев, будто они нарушили данную ему присягу и отверглись от него. Не они, а он отвергся от них, оставил их и убежал, куда захотел; 30) Никон несправедливо предал проклятию Стрешнева за то, что тот будто бы приучил свою собаку благословлять. За такое маловажное дело не проклинают, проклятие налагается только за смертные грехи и только тогда, когда виновный по троекратном обличении не покается [7, с. 195 – 213; 6, с. 1 – 245].

Церковные преобразования второй половины XVII века породили ряд противораскольнических сочинений. Одним из таких изданий стал «Жезл правления», напечатанный в 1667 г. Московский собор русских иерархов в 1666 г. признал необходимым составить особую книгу, в которой были бы изложены опровержения на челобитные романовского попа Лазаря и суздальского попа Никиты Добрынина (Пустосвята), выступивших с критикой церковной реформы.

Лигарид выступал в роли переводчиков для патриарха Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, прибывших в Москву в 1666 г. для суда по делу патриарха Никона. В период суда сблизился с Симеоном Полоцким, который выступал в качестве его толмача с латинского. Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий и Паисий Лигарид. Как ученые богословы, они были привлечены церковным собором 1664 – 1666 к участию в обличении взглядов «ревнителей благочестия» и в осуждении патриарха Никона.

Совместное произведение Лигарида и Полоцкого «Опровержение челобитной попа Никиты», направленное против расколоучителей. Челобитная Никиты представляла собой обширное сочинение, содержащее подробный разбор Скрижали, изданной в 1656 г., а также других новопечатных богослужебных книг. В «Скрижали», помимо соборного послания Константинопольской Церкви, были помещены статьи, посвященные очищенному от искажений Символу веры

и крестном знамении, утверждавшими троеперстие. Кроме того, в «Скрижали» содержались толкования на некоторые священнодействия и обряды. Работа по составлению челобитной велась Никитою на протяжении нескольких лет. Несмотря на то, что челобитная была адресована непосредственно Алексею Михайловичу, вручить ее Никита не успел. Прежде челобитную и, возможно, черновики, Никита давал читать разным лицам. Челобитная Никиты привлекла внимание государственной и церковной властей. Сама челобитная, а также все черновые записи были конфискованы, а сам Никита доставлен для Соборного суда 1666–1667 гг. в Москву [8, с. VIII–XII]. Властями было принято во внимание то, что текст челобитной представляет опасность с точки зрения увлечения людей в раскол, и поэтому необходимо было составить обстоятельное опровержение на челобитную. Написание такого опровержения царем Алексеем Михайловичем и Собором было поручено Паисию Лигариду.

В целом, расположив к себе Алексея Михайловича, Лигарид сумел извлечь из своего положения всевозможные выгоды. Паисий Лигарид стал одним из важнейших участников дела патриарха Никона, сыграв одну из ключевых ролей. По свидетельству самого Никона, стал слушать во всем Лигарида и почитать его как «пророка Божия». «Грек между греками и латынянин между латынянами» [9], Паисий желал угодить и Риму, и Востоку и повсюду добивался почета и щедрот.

Библиографический список

1. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович / Н. Ф. Каптерев / В 2 т. Т. II. — [Репр. изд.]. — М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. ставропигиал. монастыря, 1996. — 547 с.

2. Робинсон, А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. / А. Н. Робинсон. — М.: Наука, 1974. — 331 с.

3. РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140. Ч. 3.

4. Севастьянова, С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона» / С. К. Севастьянова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 520 с.

5. Послание патриарху Никону (от 12 июля 1662 г.) // Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1–2. / Н. Гиббенет. — СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1882. — Ч. I. — 1882 с.

6. Воробьева, Н. В. Историко-канонические и богословские воззрения патриарха Никона / Н. В. Воробьева. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. — 413 с.

7. Макарий (Булгаков). История русской церкви / Макарий (Булгаков). — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. — Кн. 7. — 697 с.

8. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Ф. Субботина. — М.: Братское слово, 1878. — 315 с.

9. Пирлинг П. Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов / П. Пирлинг // Русская старина. — СПб., 1902. — Февраль. — С. 339–346.

СКРИПКИНА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой общественных наук Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского, филиал в г. Омске; докторант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Адрес для переписки: evs705@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2012 г.

© Е. В. Скрипкина

УДК 322

Е. В. СКРИПКИНА

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ О САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ РУССКОГО ГОСУДАРЯ

В статье автор рассматривает взгляды Юрия Крижанича о самодержавной власти русского монарха в контексте его представлений о самодержавной власти как таковой. Размышления Крижанича о самодержавном правителе находятся в рамках традиционных теологических построений, которые уподобляли царя земному Богу. Правление царя Алексея Михайловича Крижанич считал одним из образцов самодержавной власти, обеспечившей сохранение православной веры, противоборствующей ереси, опасной и вредной для любого государства.

Ключевые слова: царь Алексей Михайлович, самодержавие.

Обращаясь к сюжетам, связанным с западным влиянием в России в середине — второй половине XVII в., следует отметить, что контакты московского государства с западной схоластической ученостью не ограничивались представителями Киева [1, с. 6–47]. В этой связи весьма привлекательна личность Юрия Крижанича, хорвата по национальности, католика

по вероисповеданию, просветителя по призванию [2, с. 3].

Юрий Крижанич получил богословское образование в Загребе, Болонье и Риме — в коллегии Св. Афанасия, в котором Конгрегация для распространения веры (De propaganda fide) готовила миссионеров для схизматиков православного Востока,

предназначенных действовать в области унии греческой (православной) и римской (католической) церквей.

Крижанич выступал с идеей объединения славянских стран под руководством России, и за унию католической и православной церквей под эгидой Ватикана. Как отмечал Л. Н. Пушкарев, Крижанич в своей политической деятельности пытался соединить несоединимое [3, с. 234 – 236].

Крижанич приехал в Москву в 1659 г. в надежде приблизиться к русскому государю. В Москве он прожил всего 16 месяцев. За это время сблизился с Ф. М. Ртищевым, Б. И. Морозовым, познакомился с Епифанием Славинецким и Симеоном Полоцким, т.е. вошел в круг придворных деятелей и мыслителей. Но 8 января 1661 г. состоялся указ о высылке Крижанича в Сибирь, а 20 января он туда уже выехал, где провел 15 лет. Здесь занимался исключительно литературной работой и жил, как он сам писал позднее, «всему миру безделен, некористен и непотребен... царска милость питает ме тако бедельна, будго нику скотину в котцу...» [3, с. 234 – 236].

Наряду с Симеоном Полоцким Крижанич прослыл апологетом самодержавия, и в своих трудах развивал идеологию просвещенного абсолютизма. Как отмечала Г. В. Талина, идея «самодержавности», окончательно закрепившись при первых Романовых в царском титуле, во второй половине XVII в. все более наполнялась конкретным содержанием. Идея самодержавной власти в данный период фактически стала венцом представлений об идеальном государе, вобрав в себя основные характеристики, которыми в течение долгого времени наделяли царскую власть [4, с. 35].

Следует отметить, что размышления Крижанича о самодержавном правителе находятся в основном в рамках традиционных теологических построений, которые уподобляли царя земному Богу. В связи с таким пониманием природы царской власти, царь является для людей важнейшей ценностью, а его имя свято. Испытывая пиетет перед царской властью, подданные должны были молиться за здоровье государя.

Для Крижанича все цари получают свою власть от Бога, поэтому царь являлся вторым после Бога «самовладцем», слугой Божиим, и судьей над злодеями. Он необходим народу как сердце в груди и как глаза на челе. Все законные цари поставлены Богом и являются пастырями человеческими. Когда царь вершит суд, им руководит Бог, для того чтобы он не допустил ошибок. Царь не подвластен никаким мирским законам, и никто не может его ни судить, ни наказывать. Однако царь находится во власти Божьего закона и общественного мнения. К царскому долгу Крижанич относит правду и уважение или заповеди Божии и стыд перед людьми [5, с. 568 – 569].

Крижанич как основное качество, которым должен обладать государь, выделяет мудрость. Благодаря мудрости/государственной мудрости вкупе с могуществом и богатством государь властвует над народом и с их помощью он становится полным хозяином государства, поскольку благодаря им повелевает и управляет волей, разумом и жизнью подданных. Благодаря мудрости Алексея Михайловича, русский народ сможет «стереть плесень древней дикости, научиться наукам, завести более похвальные отношения [между людьми] и достичь более счастливого состояния» [5, с. 569].

Вслед за античными философами, Крижанич выделяет «благие» и «неблагие» формы правления.

К «благой» форме правления Крижанич относит самовластво, антиподом которого выступает тиранство. Тиранство, в свою очередь, занимает первое место из всех грехов, из-за коих государь становится мерзким Богу и людям. Все люди ненавидят тирана больше, чем волка и змею. Соответственно, выделенным формам правления Крижанич сравнивает двух царей-антиподов — Иван Грозный (тиран), прослышавший «не только жадным и беспощадным людодержцем, но и лютым, жестоким, безбожным мясником, кровопийцей и мучителем», и боголюбивый царь, государь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великой, и Малой, и белой Руси самодержец. «Сие правоверное, преславное королевство... безмерно уважаемо, удачливо и счастливо, что в нем имеется совершенное самовластво. Поэтому можно в нем исправить все ошибки и изъяны, которые из-за нерадивости исполнителей могли доселе войти в обычай и из-за которых печалится народ» [5, с. 482].

Выделение Крижаничем самодержавия (самовластва) в качестве одной из форм «благого правления» не случайно. По словам ученого, самодержавие — это Жезл Моисеев, которым царь-государь может творить все необходимые чудеса. При таком строе правления легко могут быть исправлены все ошибки, недостатки и извращения и могут быть введены всякие благие законы [5, с. 482].

В. Вальденберг отмечал, что апологетический характер теории Крижанича приближает его, скорее, к тому направлению русской политической мысли, к которой принадлежит Пересветов, Иван Грозный, отчасти — Иосиф Волоцкий [6, с. 180]. Крижанич подчеркивал, что самодержавный царь обладает всей полнотой власти. Но при этом он не вправе отменить или ограничить свою власть. Крижанич убедительно отстаивал неограниченную власть царя и считал необходимым ввести обязательную взаимную присягу царя и подданных на верность самодержавию, которая обеспечит устойчивость самодержавия [7, с. 330].

Призвание царя, по мнению Крижанича, состоит в том, чтобы сделать людей счастливыми. То есть соблюдать и поддерживать благочестие, вершить правый суд, охранять мир, добиваться дешевизны, заботиться о чести народной и обо всем, что полезно для общего блага. Все государи получили свою власть не от самих себя, а от Бога. Бог дает королям власть... по наследству, как здесь на Руси. Царь, который правит по наследству, получает престол по праву родства от отца или от своего предшественника. А предшественник оставляет ему ту власть, какую он сам имел. Кроме того, к обязанностям царя относил сохранение в Русском государстве православной веры как неразрывно связанной с русской государственностью и всем ходом русской истории. Здесь, в лице царя, светская власть соединяется с церковной властью и беспощадно карает всех отступников от православия [7, с. 71 – 72]. Затрагивая вопрос взаимоотношений светской и духовной властей, Крижанич склоняется к византийской формуле, которая предполагала взаимную зависимость Церкви и государства [7, с. 346].

Новаторством Крижанича можно считать критику теории «Москва — Третий Рим». По мнению хорвата, «Царство Римское ни в чем не пристойит к Русскому нашему кралевству: равно яко нить наше кралевство к Римскому. Николи римляны на Руси никаковыя области не имаху... Русское царство равно высоко и славно, и одинаковой власти с Римским: да еще тверже при том основано и более едино-

властно» [7, с. 356]. Крижанич убедительно проводил мысль о самостоятельности Русского государства и его богоизбранности, о том, что слава и величие России возникли по особому Промыслу Божию, предопределившему Русскому государству самостоятельное развитие [7, с. 393].

Таким образом, взгляды Юрия Крижанича на самодержавие в основном находятся в тесной связи с идеями, которые были характерны для русской общественно-политической мысли второй половины XVII в. Как отмечает Л. Н. Пушкарёв, Крижанич — это звено между русской и славянской общественной мыслью. В своих трудах он старался политически обосновать русское самодержавие [3, с. 236]. И хотя в истории общественно-политической мысли Крижанич и стоит особняком, он все же занимает определенное место. С позиций западноевропейского ученого мужа Крижанич выступил с критикой современного ему русского общества и государственного строя. Он составил программу преобразований, в которых, по его мнению, нуждалось Русское государство. Но программа реформ его не была принята, его призывы к Алексею Михайловичу не были услышаны, и идеи Крижанича не были подхвачены и воплощены в жизнь.

Библиографический список

1. Диянов, К. С. Украинское и белорусское влияние в России в царствование Алексея Михайловича: Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий / К. С. Диянов, Е. В. Скрипкина, Ю. А. Сорокин // Традиции экономических, культурных

и общественных связей стран Содружества (история и современность): межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 4; под ред. А. П. Толочко. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. — 274 с.

2. Пушкарёв, Л. Н. Юрий Крижанич / Л. Н. Пушкарёв. — М.: Наука, 1984. — 212 с.

3. Пушкарёв, Л. Н. Общественно-политическая мысль России (вторая половина XVII в.). / Л. Н. Пушкарёв. — М.: Наука, 1982. — 287 с.

4. Талина, Г. В. Самодержавное царство первых Романовых / Г. В. Талина. — М.: Социально-политическая Мысль, 2004. — 328 с.

5. Крижанич, Ю. Политика / Ю. Крижанич. — М.: Наука, 1965. — 735 с.

6. Вальденберг, В. Государственные идеи Крижанича / В. Вальденберг. — СПб.: Типография А. Бенке, 1912. — 343 с.

7. Крижанич, Ю. Русское государство в первой половине XVII века: Рукопись времен царя Алексея Михайловича / Ю. Крижанич. — М.: Тип-я Александра Семена, 1859. — 649 с.

СКРИПКИНА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой общественных наук Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского, филиал в г. Омске, докторант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Адрес для переписки: evs705@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2012 г.

© Е. В. Скрипкина

УДК 346.544.42

**Б. К. СМАГУЛОВ
Л. О. ШТРИПЛИНГ
И. Е. КАРАСЁВ**

Омский государственный
институт сервиса

ТУРИСТСКИЕ СТАНДАРТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1990—2011 гг.)

В статье анализируются тенденции в применении российских стандартов в сфере туризма в 1990-е — 2011 гг. в связи с изменениями в установках государства на принципы применения нормативных документов по стандартизации. В анализе уделяется внимание и влиянию на данный вопрос международных тенденций в развитии мировой туристской индустрии, которое связано с распространением в туризме международных стандартов Международной организации по стандартизации (ИСО).

Ключевые слова: туристские стандарты, национальные стандарты, туристские услуги, средства размещения, обязательные требования национальных стандартов.

Цель данной статьи — выявить основные тенденции в применении внутрироссийских туристских стандартов в России в обозначенный хронологический период¹.

Вопрос о необходимости разработки государственных туристских стандартов был поставлен в Российской Федерации в начале 1990-х гг. При этом до указанного времени в российской научно-технической

литературе использовалось понятие «нормативно-технический документ» (НТД). С начала 1990-х гг. слово «технический» было исключено из этого термина, поскольку объектом государственной стандартизации стал ряд нетехнических услуг (культуры, спорта, медицины), в том числе и туристские услуги.

В 1994 г. в России были приняты несколько внутрироссийских государственных туристских стандартов:

- 1) ГОСТ Р 50681 – 94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Проектирование туристских услуг»;
- 2) ГОСТ Р 50644 – 94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Требования по обеспечению безопасности туристов и экскурсантов»;
- 3) ГОСТ Р 50690 – 94 «Туристские услуги. Общие требования»;
- 4) ГОСТ Р 50645 – 94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Классификация гостиниц».

Кроме указанных внутрироссийских государственных туристских стандартов в России к 1994 г. действовал лишь один стандарт по туризму, разработанный и принятый еще в СССР, а именно ГОСТ 28681.0 – 90 «Стандартизация в сфере туристско-экскурсионного обслуживания. Основные положения».

К середине 1990-х гг. в России действовало пять государственных туристских стандартов. В 1998 г. в России принят очередной государственный стандарт — ГОСТ Р 51185 – 98 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования», а в 2000 г. вместо ГОСТ Р 50690 – 94 «Туристские услуги. Общие требования» был принят обновленный ГОСТ Р 50690 – 2000 «Туристские услуги. Общие требования».

Таким образом, к началу 2000-х гг. в России действовало пять государственных туристских стандартов и один межгосударственный стандарт СНГ по туризму. Все туристские стандарты носили обязательный для исполнения характер.

В конце 2002 г. в России был принят Федеральный закон РФ «О техническом регулировании», который установил новое правовое положение туристских стандартов. В подзаконных нормативно-правовых актах это новое положение стандартов было конкретизировано. Так, 27 июня 2003 г. было принято постановление № 63 Госстандарта России «О национальных стандартах Российской Федерации». В п. 1 этого постановления говорилось: «Со дня вступления в силу (1 июля 2003 г. — **Авт.**) Федерального закона РФ «О техническом регулировании»: а) признать национальными стандартами действующие государственные и межгосударственные стандарты, введенные в действие до 1 июля 2003 г. с сохранением для государственных стандартов обозначения «ГОСТ Р», предусмотренный ГОСТ Р 1.5 – 92 «Государственная система стандартизации РФ. Общие требования к построению, изложению, оформлению и содержанию стандартов»; б) впредь до вступления в силу соответствующих технических регламентов осуществлять применение действующих государственных и межгосударственных стандартов в добровольном порядке за исключением обязательных требований, обеспечивающих достижение целей законодательства РФ о техническом регулировании» [1, с. 10]. Но конкретно эти обязательные требования относительно стандартов не указывались.

30 января 2004 г. принято новое постановление № 4 Госстандарта России «О национальных стандартах Российской Федерации», в котором были обозначены обязательные требования: «Впредь до вступления в силу соответствующих технических регламентов требования к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, установленные указанными национальными стандартами, подлежат исполнению только в части, соответствующей целям: а) защиты жизни или здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества; б) охраны окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений;

в) предупреждения действий, вводящих в заблуждение приобретателей» [2, с. 33].

В начале 2000-х гг. в России был поставлен вопрос о необходимости пересмотра действовавших на тот момент туристских стандартов. В итоге к 2007 г. на уровне Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии была разработана «Перспективная программа стандартизации в области туризма, гостиничного бизнеса и общественного питания на 2008 – 2011 гг.» [3]. В указанном документе было запланировано пересмотр ряда туристских стандартов (например, ГОСТ Р 50644 – 94, ГОСТ Р 50681 – 94 и др.), а также возможность разработки и принятия новых туристских стандартов [3]. В результате в период с 2008 по 2010 гг. в России было утверждено семь национальных туристских стандартов, из которых четыре стандарта были разработаны и приняты впервые (ГОСТ Р 53423 (ИСО 18513), ГОСТ Р 53522, ГОСТ Р 53997, ГОСТ Р 53998), а три оставшихся стандарта (ГОСТ Р 50644, ГОСТ Р 50681, ГОСТ Р 51185) представляют собой пересмотренные варианты прежних государственных туристских стандартов, принятых в 1994 и 1998 гг.

В настоящее время на территории России действуют следующие внутрироссийские национальные туристские стандарты [4 – 11]:

- 1) ГОСТ Р 50690 – 2000 «Туристские услуги. Общие требования», разработанный ОАО «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (ВНИИС) и Государственным комитетом по физической культуре, спорту и туризму и введенный в действие Приказом Госстандарта России от 16 ноября 2000 г. № 295-ст. вместо ГОСТ Р 50690 – 94;
- 2) национальный стандарт ГОСТ Р 51185 – 2008 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования», разработанный Закрытым акционерным обществом «ОТЕЛЬ ЭКСПЕРТ» вместо ГОСТ Р 51185 – 98, утвержден и введен в действие Приказом № 518-ст Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 декабря 2008 г.;
- 3) ГОСТ Р 50644 – 2009 «Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов». 15 декабря 2009 г. издан Приказ № 773-ст Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Рострегулирование), по которому вместо прежнего национального стандарта ГОСТ Р 50644 – 94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Требования по обеспечению безопасности туристов и экскурсантов» на территории России с 1 июля 2010 г. был введен в действие национальный стандарт ГОСТ Р 50644 – 2009 «Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов». Данный национальный стандарт разработало ОАО «ВНИИС», Департаментом туристской деятельности и международного сотрудничества Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ при участии Федерального агентства по туризму;
- 4) национальный стандарт ГОСТ Р 53423 – 2009 (ИСО 18513:2003) «Туристские услуги. Гостиницы и другие средства размещения туристов. Термины и определения» утвержден и введен в действие Приказом № 496-ст Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 3 ноября 2009 г. Данный туристский стандарт был разработан ЗАО «ОТЕЛЬ ЭКСПЕРТ» на основе международного стандарта ИСО 18513: 2003 «Туристские услуги. Гостиницы и другие средства размещения туристов. Терминология»;
- 5) национальный стандарт ГОСТ Р 53522 – 2009 «Туристские и экскурсионные услуги. Основные

положения», разработанный Открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации», Департаментом туристской деятельности и международного сотрудничества Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ при участии Федерального агентства по туризму, введен в действие Приказом № 772-ст Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г.;

6) национальный стандарт ГОСТ Р 50681 – 2010 «Туристские услуги. Проектирование туристских услуг», введенный в действие Приказом № 580-ст Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 ноября 2010 г., был разработан Некоммерческим партнерством «Национальный центр независимой экспертизы», Департаментом туристской деятельности и международного сотрудничества Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ совместно с ОАО «ВНИИС»;

7) национальный стандарт ГОСТ Р 53997 – 2010 «Туристские услуги. Информация для потребителей. Общие требования» был введен в действие Приказом № 578-ст Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 ноября 2010 г. Этот национальный стандарт разработан Некоммерческим партнерством «Национальный центр независимой экспертизы», Департаментом туристской деятельности и международного сотрудничества Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ совместно с ОАО «ВНИИС»;

8) национальный стандарт ГОСТ Р 53998 – 2010 «Туристские услуги. Услуги туризма для людей с ограниченными физическими возможностями. Общие требования», введенный в действие Приказом № 579-ст Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 ноября 2010 г., был разработан Некоммерческим партнерством «Национальный центр независимой экспертизы», Департаментом туристской деятельности и международного сотрудничества Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ при участии ОАО «ВНИИС».

Все вопросы, регулируемые в действующих национальных стандартах по туристской деятельности, можно, на наш взгляд, разделить на несколько тематических блоков:

— организация туров и обеспечение безопасности туристов (ГОСТ Р 50644, ГОСТ Р 50681, ГОСТ Р 50690, ГОСТ Р 53522);

— обслуживание туристов в средствах размещения (ГОСТ Р 51185, ГОСТ Р 53423);

— оказание туристских услуг отдельным категориям туристов (ГОСТ Р 53998);

— информационное обеспечение туристов (ГОСТ Р 50690, ГОСТ Р 53997);

Примечательно, что во всех новых национальных стандартах установлено четкое отделение туристских услуг от экскурсионных, причем экскурсионные услуги рассматриваются как часть туристских услуг. Так, наименование ГОСТ Р 50644 – 94 содержало в своём наименовании упоминание «туристов и экскурсантов», в новом же ГОСТ Р 50644 – 2009 осталось лишь «туристов», но в самом национальном стандарте экскурсанты упоминаются.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, в 2003 – 2004 гг. происходят изменения в статусе государственных туристских стандартов. В конце 2002 г. в России был принят Федераль-

ный закон РФ «О техническом регулировании», и после вступления в силу указанного Федерального закона (1 июля 2003 г.) во всех стандартах вместо термина «государственный стандарт» официально стал употребляться термин «национальный стандарт», что нашло свое отражение и в новых туристских стандартах. Введение нового термина связано с реформой всей системы стандартизации в России, предполагающей, в конечном счете, передачу системы стандартизации в негосударственную сферу. Отсюда употребление словосочетания «государственный стандарт» стало нелогичным.

Во-вторых, с принятием Федерального закона РФ «О техническом регулировании» (27 декабря 2002 г.) Российское государство провозгласило новый принцип применения национальных стандартов в сфере туризма: государство призвано обеспечить условия для оказания качественных и безопасных услуг, но что касается способов, форм и т. д. туристского обслуживания, то это находится в компетенции предпринимателей.

В-третьих, в 2008 – 2011 гг. при разработке и принятии в России новых национальных туристских стандартов произошел окончательный отказ от жёсткого связывания туризма с экскурсионной деятельностью, что, на наш взгляд, означает окончание инерции советского периода в области стандартизации туристских услуг. Речь идет о том, что в СССР туризм рассматривался, прежде всего, в рамках экскурсионной деятельности, и неслучайно, что практически все стандарты по туризму, действовавшие в России в 1990-е – начале 2000-х гг., имели в своих наименованиях словосочетание «туристско-экскурсионное обслуживание». В новых национальных туристских стандартах уже отдельно выделяется словосочетание «туристские услуги».

В-четвертых, при разработке новых национальных стандартов по туристскому обслуживанию отчетливо проявляется тенденция использования в России международного опыта. Так, ГОСТ Р 53423 был разработан на основе международного стандарта Международной организации по стандартизации (ИСО) – ISO 18513: 2003. При разработке ГОСТ Р 53423 выразилось стремление российских специалистов четко соотнести термины русского языка в области средств размещения с международными терминами в указанной области из английского, немецкого и французского языков.

Примечания

¹ Следует отметить, что в данной работе мы употребляем по отношению к туристским стандартам (с индексом ГОСТ Р) словосочетание «внутрироссийский стандарт», хотя такого термина официально не существует. С 1 июля 2003 г. в России используется словосочетание «национальный стандарт», под которым понимаются как стандарты с индексом ГОСТ Р (применяются на территории России), так и стандарты с индексом ГОСТ (применяются на территории России и в странах СНГ) [См. напр. : 10]. При этом стандарты с индексом ГОСТ имеют дополнительное название «межгосударственный стандарт», а стандарты с индексом ГОСТ Р дополнительного названия не имеют. Поэтому, на наш взгляд, возникла некоторая нелогичность: получается, что в России действуют национальные стандарты, которые подразделяются на межгосударственные и национальные. Во избежание такой путаницы мы применяем для стандартов с индексом ГОСТ Р дополнительное название «внутрироссийский стандарт».

Библиографический список

1. О национальных стандартах РФ. Постановление Госстандарта России от 27 июня 2003 г. № 63 // Вестник Госстандарта России. — 2003. — № 7. — С. 10.
2. О национальных стандартах РФ. Постановление Госстандарта России от 30 января 2004 г. № 63 // Вестник Госстандарта России. — 2004. — № 3. — С. 33.
3. Баумгартен, Л. В. Перспективная программа стандартизации в области туризма, гостиничного бизнеса и общественного питания на 2008–2011 гг. / Л. В. Баумгартен // Туризм: право и экономика. — 2008. — № 3 (26). — С. 16–18
4. ГОСТ 51185–2008. Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования. — М.: Стандартинформ, 2009. — 8 с.
5. ГОСТ Р 50644–2010. Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов. — М.: Стандартинформ, 2010. — 10 с.
6. ГОСТ Р 50681–2010. Туристские услуги. Проектирование туристских услуг. — М.: Стандартинформ, 2011. — 15 с.
7. ГОСТ Р 50690–2000. Туристские услуги. Общие требования. — М.: ИПК Издательство стандартов, 2001. — 11 с.
8. ГОСТ Р 53423–2009 (ИСО 18513: 2003). Туристские услуги. Гостиницы и другие средства размещения туристов. Термины и определения. — М.: Стандартинформ, 2010. — 14 с.

9. ГОСТ Р 53522–2009. Туристские и экскурсионные услуги. Основные положения. — М.: Стандартинформ, 2010. — 8 с.
10. ГОСТ Р 53997–2010. Туристские услуги. Информация для потребителей. Общие требования. — М.: Стандартинформ, 2011. — 7 с.
11. ГОСТ Р 53998–2010. Туристские услуги. Услуги туризма для людей с ограниченными физическими возможностями. — М.: Стандартинформ, 2011. — 15 с.

СМАГУЛОВ Болат Кудайбергенович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры туризма.

Адрес для переписки: Bolat_alemdar@mail.ru

ШТРИПЛИНГ Лев Оттович, доктор технических наук, профессор (Россия), первый проректор.

КАРАСЁВ Игорь Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры туризма.

Статья поступила в редакцию 28.10.2011 г.

© Б. К. Смагулов, Л. О. Штриплинг, И. Е. Карасёв

УДК 330.341:62.1:947(470.61/62)

Б. В. УЛЕЗКО

Кубанский государственный
технологический университет,
г. Краснодар

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье впервые показаны первые шаги по созданию и внедрению автоматизированных систем управления производством в промышленности СССР. Охарактеризованы социально-экономические последствия распространения таких систем, их влияние на повышение эффективности и культуры управления. Основное внимание уделено анализу деятельности органов власти Краснодарского края и Ростовской области по руководству этим новым для того времени направлением научно-технического прогресса. В статье рассмотрены успехи и недостатки в создании и внедрении автоматизированных систем управления на предприятиях приборостроения и машиностроения Кубани и Дона.

Ключевые слова: автоматизированные системы управления производством, научно-технический прогресс, предприятия приборостроения и машиностроения Кубани и Дона.

В нашей стране разработка и внедрение автоматизированных систем управления (АСУ) началось в 1950-х гг. В первое время эти разработки натакались на существенный сдерживающий фактор — дороговизну электронно-вычислительных машин. Вначале АСУ создавались для целей противовоздушной обороны (ПВО), и в этой области СССР далеко обогнал страны Запада. Переход АСУ из оборонного сектора в гражданскую экономику начался в 1960-х гг. С этого времени под АСУ понимался комплекс методов управления, технических средств, организации, управленческого персонала, специфических особенностей автоматизируемого объекта, рас-

сматривавшийся как человеко-машинная система хозяйственного управления [1; 2; 3, с. 141–142].

Создание АСУ стало особым направлением информатики, характеризовавшимся компьютеризацией и автоматизацией, которые вышли за пределы оборонного сектора и охватили всю страну. Разработка и внедрение АСУ со второй половины 1960-х гг. велись во всех отраслях народного хозяйства. Пространство этой деятельности было широко и разнообразно по путям и методам решения задач. Внедрение АСУ имело глубокие экономические, социальные, научно-технические и мировоззренческие последствия. Оно существенно повлияло на повыше-

ние культуры хозяйственного управления и информационной культуры специалистов.

В 1960 г. впервые в СССР на экономическом факультете Ленинградского политехнического института началась подготовка инженеров-экономистов по созданию и внедрению автоматизированных систем управления производством. В 1961 г. была организована кафедра автоматизации управления производством, а три года спустя при кафедре была создана первая в стране отраслевая научно-исследовательская лаборатория автоматизированных систем управления производством. Развитие теории и практики создания АСУ во многом связано с именем академика **Виктора Михайловича Глушкова**, сыгравшего выдающуюся роль в формировании идеологии создания автоматизированных систем управления. Он первым выдвинул идею создания автоматизированных систем управления производством (АСУП) для предприятий, как низового звена автоматизированной системы управления экономикой в целом. Практические работы по созданию АСУП на базе отечественных универсальных цифровых вычислительных машин начались в Институте кибернетики АН СССР в 1963–1964 гг.

Летом 1965 г. на конференции Львовского совнархоза В. М. Глушков предложил предприятиям приступить к разработке и внедрению АСУ, обещал значительный экономический эффект за счет оперативного управления, сбалансированности планирования, анализа, учета и контроля, экономии времени и человеческого труда. Заключенный в ходе конференции договор с Львовским телевизионным заводом «Электрон» привел к созданию первой промышленной автоматизированной системы управления производством «Львов», принятой в эксплуатацию в 1967 г. Эта система позволила повысить эффективность управления, производства и получить значительный экономический эффект [1, 4].

В конце 1960-х-начале 1970-х гг. после завершения работ по АСУП «Львов» под общим руководством В. М. Глушкова была создана типовая система «Кунцево», внедренная на Кунцевском радиозаводе. Непосредственно возглавлял разработку и внедрение проекта Юрий Михайлович Репьев, ставший, таким образом, первым в СССР Главным конструктором автоматизированной системы управления крупным приборостроительным предприятием. По предложению В. М. Глушкова были приняты правительственные решения, предусматривавшие, что 600 систем, разрабатывавшихся для машиностроительных и приборостроительных предприятий девяти оборонных министерств СССР, в частности, предприятий министерств машиностроения, промышленности средств связи, радиопромышленности, будут построены на основе типовой АСУП «Кунцево». Обратим внимание, что в АСУП наиболее нуждались производства высокого и среднего технического уровня — приборостроение, машиностроение и т.п. На предприятиях этих отраслей были и наибольшие возможности для реализации нового дела, в частности, высококвалифицированные кадры [1, 2].

Хотя первый период создания и внедрения АСУ (конец 1960-х — начало 1970-х гг.) принято характеризовать как **стихийный и самостийный**, но они уже заняли свою нишу в инженерно-техническом пространстве. **К 1970 г. в стране действовало около 400 АСУП**, а через пять лет их число в гражданском секторе промышленности достигло 3 тыс. Главный итог этого этапа состоял в том, что полезность АСУ стала общепризнанным фактом. Они существенно

изменили сложившуюся архитектуру административно-командной системы, дав толчок развитию электроники, систем связи, созданию отраслевых НИИ, КБ, главков и министерств. Кроме того, были образованы Министерство промышленности средств связи и главные управления по вычислительной технике в промышленных министерствах, координационные и межведомственные советы и другие органы управления, призванные обеспечить взаимодействие различных структур. Обнаружилась необходимость незамедлительного проведения на государственном уровне стандартизации и унификации в сфере разработки и внедрения АСУ для их перевода на индустриальные рельсы. К этому времени сложилась четкая классификация автоматизированных систем управления по сферам применения: АСУ управления технологическими процессами (АСУТП), предприятием или производством (АСУП) и отраслью экономики (ОАСУ) [1, 4].

С нашей точки зрения, плановая экономика представляла собой почти идеальное поле для работы в новом направлении. Во всяком случае, в ее условиях создание и внедрение АСУП, а тем более отраслевых автоматизированных систем управления, осуществляться было легче, чем в экономике стихийной, рыночной.

Директивные органы Краснодарского края и Ростовской области, к числу которых мы относим, прежде всего, партийные комитеты, оказались восприимчивы к новому перспективному направлению научно-технического прогресса. Этому способствовало и наличие в обоих регионах развитого приборостроения и машиностроения. Достаточно целеустремленно руководили внедрением АСУП краевой и областной, Ростовский, Таганрогский, Новочеркасский, Краснодарский и Армавирский городские комитеты КПСС. Активно участвовали в деле краевой и областной, городские и районные Технико-экономические советы (ТЭСы), советы Научно-технического общества (НТО), Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) и другие общественные организации [5–35].

Первая в Краснодарском крае крупная промышленная АСУП была внедрена на краснодарском заводе электроизмерительных приборов (ЗИП) в 1973 г. в качестве первой очереди будущей более развитой системы. Ввод в строй первой очереди АСУП на основе ЭВМ «Минск-22» позволил снизить трудоемкость ряда управленческих процессов на 90 %. Однако процесс создания и внедрения системы, из-за отсутствия опыта, дефицита квалифицированных кадров и упомянутой выше стихийности длился с конца 1960-х гг., т.е. занял более 4-х лет. И, если в начале процесса ЭВМ «Минск-22», представлявшая второе поколение советской вычислительной техники (время серийного выпуска машин этого поколения — 1959–1967 гг.), могла считаться современной, то к 1973 г. она морально устарела. Можно утверждать, что АСУП ЗИП на Кубани сыграла роль пилотного проекта со всеми вытекающими проблемами первого этапа инноваций. Отметим, что специалисты ЗИПа активно заимствовали опыт создания и внедрения АСУП у коллег с львовского завода «Электрон». Консультировались они и с академиком В. М. Глушковым и с Ю. М. Репьевым — главным конструктором системы «Кунцево» [36–39].

1977–1978 гг. АСУП была усовершенствована за счет применения ЭВМ третьего поколения (1968–1973 гг., основывались на использовании новой элементной базы — интегральных микросхем) — ИВМ-

совместимой ЕС-1033. Быстродействие нового компьютера составляло 200 тыс. операций в секунду против 5 тыс. у старой машины, т.е. в 40 раз больше. Емкость памяти была в 64 раза больше. Система включала большее количество подсистем и была более многофункциональной. На предприятии начались работы по внедрению АСУ технологическими процессами [40, с. 15].

В августе 1973 г. бюро крайкома КПСС одобрило работу руководства ЗИПа и рекомендовало коллективам промышленных предприятий при внедрении АСУ и вычислительной техники использовать его опыт. Ориентируясь на него, на краснодарском заводе радиоизмерительных приборов в 1980 г. внедрили АСУП в составе семи подсистем. Несколько позднее, в 1982 г. началась эксплуатация АСУП завода «Краснодарсельмаш». Приступили к внедрению АСУП коллективы краснодарских заводов им. Седина и компрессорного, армавирского производственного объединения «Точмашприбор» и ряда других предприятий [40, с. 15].

Более масштабно, комплексно и системно работа по информатизации управленческой, производственной и научно-технической деятельности проводилась в промышленности Ростовской области. Можно утверждать, что региональное руководство сумело избежать большинства проблем «стихийного» периода и вовремя уловило тенденцию к стандартизации, унификации и системности в новом деле. По предложению Ростовского обкома КПСС было создано Ростовское отделение Ленинградского научно-технического и производственного объединения (НТПО) «Ленэлектронмаш», ставшее головной и специализированной организацией по созданию АСУ для предприятий и организаций области [41].

Роль этой организации оказалась столь значительной, что обязывает нас кратко описать ее историю. В начале 1960-х гг. решениями Совета Министров СССР и Совета народного хозяйства Ленинградского экономического района было организовано научно-техническое и производственное объединение «Ленэлектронмаш». На него было возложено методическое руководство, координация работ, распределение финансирования и решение иных вопросов деятельности отраслевых научно-исследовательских лабораторий экономико-математического направления ленинградских вузов: государственного университета, политехнического, электротехнического и инженерно-экономического институтов. Несмотря на острый дефицит вычислительной техники, объединению были переданы все фонды на счетно-вычислительную и организационную технику. Кроме того, было установлено, что поставки такой техники предприятиям и организациям Ленинградского совнархоза должны осуществляться централизованно через НТПО «Ленэлектронмаш» как основного фондодержателя. Основу коллектива объединения составили работники ряда подразделений НИИ технологии машиностроения (НИИТМАШ), Организации п/я 997, Центральной базы по ремонту вычислительной техники и средств механизации инженерного и управленческого труда, Фабрики счетных приборов и двух Кустовых машиносчетных станций. Численность персонала объединения первоначально составила около 600 чел. [42].

Первый устав НТПО «Ленэлектронмаш» был утвержден 16 февраля 1965 г., а официальным днем создания «Ленэлектронмаша» считается 1 апреля 1965 г. В конце того же года объединение было включено в состав вновь созданного Министерства прибор-

остроения, средств автоматизации и систем управления СССР (Минприбор СССР). В 1976 г. после преобразования НТПО «Ленэлектронмаш» в Научно-производственное объединение (НПО) «Ленэлектронмаш» у него добавились новые функции и возросли объемы задач. К концу 1970-х гг. в состав комплекса «Ленэлектронмаш» входили отделения в Новгороде, Ростове-на-Дону, Колпино и Калининe. Функционировали также специализированные подразделения: проблемный отдел по прикладному математическому обеспечению АСУ в Киеве, Ленинградский институт повышения квалификации работников промышленности и городского хозяйства по методам и технике управления (ЛИМТУ), Государственный проектно-конструкторский институт автоматизированных систем управления (ГПКИ АСУ) в г. Иваново, Специальное проектно-конструкторское бюро «Орбита» в г. Днепропетровске [42].

Можно утверждать, что в лице регионального подразделения «Ленэлектронмаш» руководители южных регионов РСФСР обрели серьезную поддержку. В самом выгодном положении, естественно, находились предприятия Ростовской области. В рамках тогдашнего механизма хозяйственного управления Ростовское отделение «Ленэлектронмаш» не имело действенных директивных полномочий по отношению к руководству предприятий и производственных объединений. Это предопределило необходимость воздействия через региональные партийные органы, и значительную роль этих органов в решении проблемы, в соответствии с концепцией «партийного руководства хозяйственной деятельностью».

Активно поддерживал создание и внедрение АСУП Ростовский ГК КПСС. ТЭС при горкоме координировал деятельность по улучшению математического обеспечения и централизованного технического обслуживания АСУ и вычислительных центров (ВЦ) предприятий и организаций города. В июле 1972 г. на бюро ГК КПСС был заслушан отчет «О состоянии и мерах улучшения организации работы на предприятиях Октябрьского района по внедрению в управление производством экономико-математических методов и средств вычислительной техники». В нем обращалось должное внимание к проблеме со стороны бюро РК и партийно-хозяйственного актива. В районе были проведены две научно-практические конференции по проблемам совершенствования управления производством и эффективного использования вычислительной техники. На заводе «Электроаппарат» систематически совершенствовалась организация управления производством, внедрялись передовые средства информации, был создан информационно-вычислительный центр. Машино-счетная станция, наряду с финансовыми расчетами, проводила работы по планированию производства и инженерно-техническим расчетам. На предприятии сформировали специальное подразделение, занимавшееся внедрением АСУП. В целом, по району за 1970 – 1972 гг. количество средств вычислительной техники увеличилось на 26 %, а количество предприятий-пользователей — на 22 % [41, 43, 44].

Бюро Ростовского ГК КПСС обязало райкомы партии применять опыт Октябрьского РК по решению проблемы. Предлагалось создать в каждом районе, на базе одного из ВЦ, постоянно действующий семинар по изучению теории и практики применения экономико-математических методов и средств вычислительной техники для работников ВЦ, машино-счетных станций, руководителей среднего звена предприятия [45].

В самом Октябрьском районе в сентябре 1973 г. проблема рассматривалась на районной научно-практической конференции с участием специалистов промышленности, строительства и транспорта. В составе ТЭСа при РК КПСС была образована секция научной организации управления производством, налажившая обмен опытом использования вычислительной техники между предприятиями и организациями. В результате проведенной работы на предприятиях района увеличилось количество ЭВМ и улучшилось их использование. Такие крупные предприятия, как заводы «Электроаппарат», вертолетный, производственно-техническое объединение «Горизонт», приступили к внедрению АСУП. Руководители и главные специалисты предприятий прошли обучение методам научной организации управления производством. 34 специалиста были направлены на учебу в Ростовский государственный университет (РГУ), на отделение экономико-математических методов управления производством. Обратим внимание, что такое отделение в РГУ было создано своевременно [46].

В последующие годы хозяйственные руководители и партийные организации области широко привлекали опыт Октябрьского РК КПСС г. Ростова-на-Дону и ряда передовых предприятий областного центра, Таганрога и других городов. В частности, использовался опыт коллектива таганрогского завода «Красный котельщик», где первая очередь АСУП была введена в действие в 1970 г., т.е. почти одновременно с созданием объекта «Кунцево». С вводом второй очереди системы в 1980 г., АСУП завода обеспечивала решение 60 % управленческих задач [47].

Внедрение и совершенствование АСУП и средств вычислительной техники в Ростовской области в исследуемый период приобрело действительно планомерный характер. При составлении планов экономического и социального развития предприятий им уделялось необходимое внимание. В результате только за годы девятой пятилетки 23 предприятия области внедрили АСУП, парк ЭВМ увеличился более чем в 6 раз, услугами ВЦ в 1976 г. пользовались 264 предприятия области. В годы десятой пятилетки 30 предприятий и организаций Ростовской области проводили работы по внедрению АСУП на базе более совершенных ЭВМ, т.е., по преимуществу, четвертого поколения (1974–1982 гг. выпуска) [48, с. 76].

Как отмечалось выше, важную роль в координации и научно-технической поддержке внедрения АСУП играло Ростовское отделение Ленинградского НТПО «Ленэлектронмаш». Причем эта поддержка оказывалась не только предприятиям Ростовской области, но и ряда других регионов юга России, в том числе Краснодарского края. Однако в крае имелись и собственные научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации, способные на высоком уровне разрабатывать АСУП и содействовать их внедрению. Однако их возможности использовались не полностью, в частности, из-за ведомственных барьеров.

Так, с 1961 г. в г. Краснодаре существовал филиал Всесоюзного научно-исследовательского института комплексной автоматизации нефтяной и газовой промышленности (ВНИИКАнефтегаз). На газовых промыслах Краснодарского края были апробированы первые средства автоматизации газодобычи. В 1973 г. приказом Министра приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР на базе краснодарского филиала ВНИИКАнефтегаз было создано специальное проектно-конструктор-

ское бюро «Промавтоматика» (СПКБ «Промавтоматика»). В течение 1970-х гг. коллективом СПКБ были разработаны и сданы в эксплуатацию системы оперативного управления газодобывающим предприятием «Медвежье» (первая такого рода система в стране), АСУ объединений «Надымгазпром» и «Оренбурггазпром», АСУ технологическими процессами газовых промыслов «Уренгой» и «Вынгапур». Разработки коллектива многократно экспонировались на ВНДХ СССР и награждались ее медалями и дипломами. Большой личный вклад в разработку автоматизированных систем управления внесли передовые разработчики: Ф. В. Качарун, Е. А. Елфимов, В. В. Ладовиров, И. М. Гильман, А. П. Сарычев, А. С. Стреленя, С. А. Березовская, Г. П. Попов, В. Н. Мацко, В. Ф. Тараненко. Однако сотрудничество СПКБ «Промавтоматика» с местными партнерами было ориентировано на сельскохозяйственную отрасль, а не на предприятия приборостроения и машиностроения, где АСУ были наиболее востребованы и имелись наибольшие возможности для их внедрения [49–54].

Проведенное нами исследование позволяет прийти к выводу, что разработка и внедрение АСУП на предприятиях приборостроения и машиностроения Кубани и Дона по срокам, основным направлениям, средствам и методам соответствовали общесоюзной тенденции. В контексте более широких мер по информатизации управленческой и научно-технической деятельности они обеспечили значительную экономию, сокращение управленческого аппарата, сделали производство более восприимчивым к новейшим достижениям науки и техники. Кроме того, научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации Краснодарского края и Ростовской области внесли свой весомый вклад в дело распространения АСУП в рамках всего народнохозяйственного комплекса страны.

Библиографический список

1. Никаноров, С. П. АСУ: взгляд из 90-х в 60-е / С. П. Никаноров // Экономическая газета. — 1999. — № 39–40. — С. 3–4.
2. Бусленко, Н. Беседы о поколениях ЭВМ / Н. Бусленко, В. Бусленко. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 240 с.
3. Управление научно-техническим прогрессом в условиях развитого социализма / Под ред. В. Г. Лебедева. — М.: Мысль, 1984. — 254 с.
4. Филинов, Е. Н. История автоматизированных систем управления предприятиями (АСУП) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.computer-museum.ru/> (дата обращения: 19.12.2011).
5. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 15. Оп. 25. Д. 7. Л. 92–122, 166–168.
6. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 24. Д. 2. Л. 153.
7. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 26. Д. 12. Л. 6–9.
8. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 26. Д. 52а. Л. 103–104.
9. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 26. Д. 95. Л. 114–115.
10. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 28. Д. 11. Л. 142–143.
11. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 30. Д. 2. Л. 4–8.
12. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 20. Д. 1. Л. 13–14.
13. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 21. Д. 391. Л. 14, 34, 49.
14. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 24. Д. 1. Л. 1–97.
15. ЦДНИРО (Центр документации новейшей истории Ростовской области). Ф. 9. Оп. 50. Д. 6. Л. 25.
16. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 157. Л. 41–42.
17. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 369. Л. 48–61.
18. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 50. Д. 370. Л. 116–125.
19. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 54. Д. 82. Л. 27, 88.

20. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 54. Д. 171. Л. 27–28, 52–56.
 21. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 60. Д. 18. Л. 18–19.
 22. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 60. Д. 20. Л. 9–10.
 23. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 68. Д. 59. Л. 2–68.
 24. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 9. Л. 9–76.
 25. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 17. Л. 7–10.
 26. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 147. Л. 2–72.
 27. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 12. Д. 5. Л. 229–230.
 28. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 13. Д. 1. Л. 145.
 29. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 14. Д. 1. Л. 142.
 30. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 14. Д. 31. Л. 10.
 31. ЦДНИРО. Ф. 23. Оп. 47. Д. 8. Л. 20–22.
 32. ЦДНИРО. Ф. 23. Оп. 48. Д. 2. Л. 125–172.
 33. ЦДНИРО. Ф. 81. Оп. 31. Д. 66. Л. 75–79.
 34. ЦДНИРО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 417. Л. 84–124.
 35. ЦДНИРО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 418. Л. 2–153.
 36. Советская Кубань (Краснодар). – 1982. – 7 марта.
 37. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 19. Д. 66. Л. 6–8.
 38. ЦДНИКК. Ф. 1526. Оп. 5. Д. 138. Л. 5.
 39. ЦДНИКК. Ф. 1526. Оп. 9. Д. 1. Л. 8.
 40. Кубань. Десятая пятилетка. Год первый // Спец. вып. «Блокнота агитатора». – Краснодар, 1976.
 41. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 60. Д. 97. Л. 24.
 42. ОАО НТК «Ленэлектронмаш». Историческая справка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenelektronmash.ru/istor.shtml>. (дата доступа: 19.12.2011).
 43. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 153. Л. 8–9.
 44. ЦДНИРО. Ф. 19. Оп. 15. Д. 1. Л. 104–140.
 45. ЦДНИРО. Ф. 19. Оп. 15. Д. 12. Л. 3–4.
 46. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 60. Д. 97. Л. 26.
 47. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 4. Д. 137. Л. 25, 71.
 48. Улезко, Б. В. Социально-политическое регулирование научно-технического прогресса в промышленности Краснодарского края и Ростовской области (1971–1980 гг.) / Б. В. Улезко. – Краснодар : Изд-во Науч.-исслед. ин-та эк-ки ЮФО, 2008. – 168 с.
 49. ЦДНИКК. Ф. 12875. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.
 50. ЦДНИКК. Ф. 12875. Оп. 1. Д. 17. Л. 86.
 51. ЦДНИКК. Ф. 12875. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.
 52. ЦДНИКК. Ф. 12875. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.
 53. ЦДНИКК. Ф. 12875. Оп. 1. Д. 22. Л. 53–55.
 54. Группа компаний НПО «Промавтоматика». История компании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.promavtomatika.com/about/comphistory/?lang=ru> (дата обращения: 19.12.2011).

УЛЕЗКО Борис Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры истории и социальных коммуникаций.

Адрес для переписки: bulezko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.11.2011 г.

© Б. В. Улезко

Книжная полка

Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. – М. : ЛомоносовЪ, 2012. – 344 с. – ISBN 978-5-91678-127-4.

Книга посвящена уникальному источнику информации о России второй половины XVII века — иллюстрированному отчету шведского военного разведчика инженер-капитана Эрика Пальмквиста. Отчет, обычно называемый «Альбомом Пальмквиста», представляет собой рукопись in folio, содержащую рисунки различного формата, 16 географических карт и планов городов, а также заметки и пояснения к ним. Настоящее издание включает оригинальный текст альбома на раннем новшведском языке и его переводы на шведский, русский и английский языки, описание рукописи, принципы воспроизведения и перевода текстов, глоссарий на шведском, русском и английском языках, а также воспроизведенный с уменьшением «Альбом Пальмквиста» (88 полноцветных страниц). Подготовка издания осуществлялась в тесном сотрудничестве с Санкт-Петербургским институтом истории Российской академии наук, Королевской Шведской академией словесности, истории и древностей, факультетом славистики Стокгольмского университета, факультетом современных языков Упсальского университета.

Люди Смуты. История народного подвига / Сост. В. Долматов, Г. Ананьина, И. Синская. – М. : ИД «Достоинство», 2012. – 320 с. – ISBN 978-5-904552-29-9.

Книга посвящена одному из самых трагических периодов отечественной истории — Смутному времени, когда решался вопрос о существовании государства Российского. Она выходит в свет в юбилейный год, в год 400-летия окончания Смутного времени и восстановления государственности России, 400-летия мученической кончины Патриарха Гермогена и 400-летия прославления Казанской иконы Божией Матери. Издание открывается выступлением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на соборных слушаниях Всемирного русского народного собора «Патриарх Гермоген, русское духовенство и Церковь в служении Отечеству». В центре внимания авторов книги — современных историков, краеведов, журналистов, изучавших период Смутного времени, судьбы людей, которые явились главными действующими лицами Великой российской смуты. Статьи дают единую историческую картину эпохи и посвящены не только выдающимся государственным и духовным лидерам России и его героям, но и содержат портреты противников нашего Отечества. В книге приведен полный список городов, участвовавших в преодолении Смутного времени, который показывает национальное единение народа, спасшего нашу страну от гибели и разорения.

РАЗМЕЩЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОРГАНАМИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ (1914 — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1918 гг.)

Рассматривается деятельность органов городского самоуправления в Сибири в деле размещения военнопленных в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 — начало 1918 гг.).

Ключевые слова: Первая мировая война, социальные катаклизмы, городское самоуправление, военнопленные.

Военнопленные — это неизбежное порождение любой войны: мировой, локальной, гражданской. Первая мировая война внесла существенные изменения в правовые и гуманитарные основы военного плена. Был опробован новый опыт в деле правового регулирования условий быта военнопленных и их использования в экономической жизни страны.

После начала войны военнопленных изначально планировалось размещать в основном за Уралом, но довольно скоро «поступление огромных масс пленных и недостаток рабочей силы побудили царское правительство уже в 1915 г. начать размещать пленных по всей территории страны» [1]. «Руководствуясь соображениями военного и политического характера, царская администрация предполагала размещать пленных на местах, отдаленных от административных и экономических центров» [2]. Как сообщала газета «Енисейская мысль» в одном из апрельских номеров 1915 г., только в Красноярск попало 12 000 человек, в Канск — 5 000, в Ачинск — 2 300 [3], в Тобольске, Тюмени и Кургане было размещено по 5 000 военнопленных, в Омске — 14 000, Усть-Каменогорске — 1 000, Томске — 5 200, Бийске — 3 000, Иркутске — 8 800, Нижнеудинске — 2 200, Троицкосавске — 6 700, Верхнеудинске — 8 500, Березовке (специальный военный городок) — 27 500, Чите — 32 000 [4]. Причем число военнопленных постоянно увеличивалось и, например, в Красноярске уже к 1916 г. достигло 13 000. Следует отметить, что численность пленных в городах Сибири можно установить только приблизительно, поскольку военнопленные часто меняли места расквартирования. Всего, согласно данным Заведующего частью о военнопленных на 1 сентября 1917 года, в Иркутском военном округе находилось 137 945 военнопленных [5], в Омском — числилось 206 997 человек [6].

Размещение и распределение военнопленных осуществлялось на основе Положения «О военнопленных». На местах военнопленные должны были размещаться в свободных казармах, но из-за их недостатка у военного ведомства пленных размещали

в гражданских помещениях непременно казарменным порядком. Например, в Омске городской управой была создана комиссия, которая определяла места размещения пленных, составляла ведомости и акты о пригодности зданий для жилья. По ведомости, составленной 6 ноября 1914 г., военнопленных можно было разместить в помещениях, которые можно было отремонтировать в течение 3–6 дней, в которых предполагалось устроить 2 070 человек, в казенных винных и пивных лавках — 220 человек, в зданиях крепости — 500 раненых и больных пленных. Всего Омск, по прикидкам городской управы, мог принять около 8 500 пленных [7]. В итоге, к 15 ноября 1914 г. в Омске было размещено на частных квартирах и в городских зданиях 5 012 военнопленных, а на 1 октября 1915 г. — 6 762 человека [8].

Помещения, где были расквартированы военнопленные, как правило, не были полностью готовы для жилья, в них зачастую отсутствовали печи, нары, клозеты, не были утеплены окна, двери и т.д. В связи с чем, к 1 января 1916 г. Омским городским общественным управлением на приспособление некоторых помещений для военнопленных было израсходовано 13 804 руб. городских средств, на дрова — 5 114 руб., на доставку воды — 1 237 руб., на уборку нечистот — 2 229 руб. Частным владельцам, у которых размещались военнопленные, было уплачено 8 381 руб. 28 коп. [9, л. 329].

В городские управы достаточно часто поступали заявления от граждан, которые желали сдать свой дом в наем под постой пленных за выдаваемое из государственной казны пособие по 10 руб. на человека в год. Но этих помещений было недостаточно, и поэтому городские власти были вынуждены предоставлять для размещения военнопленных здания учебных заведений, но только «по прекращении в них занятий» [10]. Так, Барнаульской городской думой было решено предоставить для размещения военнопленных реальное училище (на 1000 человек), казенные женские гимназии (на 600 человек), два мужских городских высших начальных училища (на

1000 человек), Николаевскую школу (на 200 человек), школу Общества попечения о начальном образовании (на 200 человек) и другие помещения (всего на 4900 человек) [11].

Содержание военнопленных сильно сказывалось на состоянии городских финансов, так как требовались большие средства на строительство бараков, питание, одежду, отопление, обеспечение охраны и борьбу с эпидемическими заболеваниями. По закону военное ведомство должно было выдавать квартирный оклад — за квартиру, отопление, освещение и воду в размере 10 руб. в год за военнопленного [12]. Но, несмотря на значительные затраты, произведенные городами, органы самоуправления не получали причитаемый им квартирный оклад, в связи с чем некоторым из них приходилось прибегать к заключению обременительных для городских финансов займов. Например, Курганская городская дума на чрезвычайном заседании 29 марта 1916 г. отмечала, что ввиду неудовлетворения Министерством внутренних дел ходатайства городской думы о покрытии государственной казной расходов, произведенных городом по расквартированию воинских частей и военнопленных, «...городская касса в настоящее время поставлена буквально в безвыходное положение» [13].

Чтобы как-то сгладить финансовые затруднения городских самоуправлений, 22 декабря 1915 г. было утверждено решение Совета министров, по которому губернским распорядительным комитетам или заменяющим их учреждениям предоставлялось право на время войны, в уважительных случаях, выдавать городским общественным управлениям авансы, причитающиеся им за отведенные и намеченные к отводу помещения для войсковых частей и военнопленных, а также квартирные оклады на расходы по отоплению и освещению помещений [14].

Таким образом, первое время бремя вопросов, связанных с размещением военнопленных, были переложены на плечи городского управления, пока ситуация не стала критической. Превышение количества военнопленных, возможных разместить в том или ином сибирском городе, как следствие нехватка общественных зданий для размещения военнопленных, распространение заразных заболеваний среди местного населения — факторы, оказавшие влияние на то, чтобы военные власти задумались над проблемой размещения военнопленных.

Выход был один — строительство концентрационных лагерей для военнопленных, где было расположено необходимое число утепленных жилых бараков и иных, прежде всего, хозяйственных построек. В среднем строительство одного лагеря обходилось казне в 250–270 тыс. рублей. Лагерь, как правило, состоял из 20–25 крупных жилых бараков, в которых размещалось от 10 до 15 тыс. пленных. Следует отметить, что лагеря предназначались для размещения военнопленных разных национальностей. И как не старалось правительство разделить военнопленных славянских и не славянских национальностей, особых лагерей для германцев, либо венгров и славян, не было [15]. Следует отметить, что всего в России насчитывалось более 400 лагерей военнопленных, в том числе в Сибири в военных округах Иркутском — 30, Омском — 28 [2, с. 69], в которых содержалось к 1 января 1917 г. — 135 594 и 199 074 человек соответственно [6, л. 3].

Омская городская дума на своем заседании 20 февраля 1915 г. приняла решение построить лагерь на территории бывшей Западно-Сибирской торго-

промышленной и сельскохозяйственной выставки для размещения пленных немцев, венгров и турок в количестве 5 000 человек, который начал функционировать уже в мае 1915 г. [16]. Но постройка первого лагеря не решила проблему размещения пленных и поэтому городская управа посчитала необходимым построить для военнопленных новые «бараки-полуземлянки» для 5000 человек, «...так как свободных зданий в городе нет». При этом военное ведомство готово было профинансировать это строительство [16, л. 317].

В Тобольске на экстренном заседании городской думы 5 апреля 1915 г. гласными было принято решение о строительстве в Подчувашинском предместье теплых бараков для военнопленных, в связи с недостаточным количеством свободных помещений в городе [17]. В Тюмени по предписанию командующего войсками Омского военного округа было решено построить лагерь на 10 тыс. военнопленных, оборудованный бараками, кухнями, пекарнями, баней, лазаретом и столовыми [18]. В Барнауле городской управой было получено уведомление о переводе из государственной казны 50 тыс. руб. аванса на постройку за городом бараков для военнопленных [19].

В Томске городская дума из-за нехватки городских и общественных зданий, в которых можно было бы разместить военнопленных на заседании 24 апреля 1915 г. приняла решение о необходимости построить за предстоящее лето бараки на 10 тыс. военнопленных, для чего гласные думы просили военное министерство отпустить, по мере производства строительных работ, авансами 250 тыс. руб. [20]. И уже 2 июня 1915 г. городская дума предложила управе немедленно приступить к постройке бревенчатых лагерей на 10 тыс. военнопленных за счет отпущенных казной 250 тыс. руб. [21]. Всё это позволило в некоторой степени разгрузить города, но не облегчить участь военнопленных, размещаемых в специализированных концентрационных лагерях.

Опасаясь распространения инфекционных заболеваний из-за скученности проживания военнопленных и плохого санитарного состояния помещений городские власти принимали меры по санитарному надзору. В частности, в некоторых сибирских городах надзор был поручен военным врачам. Но военное ведомство, к сожалению, мало сделало для этого. Оно не устроило для военнопленных ни бань, ни прачечной, ни изоляционных пунктов. Поэтому медицинскую помощь больные получали преимущественно в городских больницах, а в Кургане, Омске, Новониколаевске, Красноярске и Иркутске — в военных лазаретах и амбулаториях, отчего наблюдалась высокая смертность среди военнопленных [22].

Для предотвращения большого скопления военнопленных в городах командующим войсками Омского и Иркутского военных округов было разрешено разместить часть военнопленных в сельской местности [23].

Чтобы поставить военнопленных славян в более благоприятные условия, царское правительство распорядилось не направлять их в Азиатскую Россию, но, тем не менее, в Сибирь попало довольно много славян (поляков, чехов, словаков). В октябре 1914 г. начальникам военных гарнизонов была послана телеграмма от командующего войсками Омского военного округа, в которой содержалось разрешение освобождать пленных славян от принудительных работ, предоставляя им возможность самим заниматься поисками работ. Военнопленным офицерам-

славянам разрешалось ходить без конвоя до 9 часов вечера [24]. В октябре 1915 г. акмолинский губернатор получил телеграмму, в которой командующий войсками Омского военного округа указывал, что «в целях ограждения военнопленных славян от враждебного и крайне оскорбительного отношения к ним немцев и венгров, вызываемого племенной ненавистью вообще и недовольством дружественным их отношением к России, признано необходимым размещать военнопленных дружественных национальностей отдельно от немцев и венгров». Поэтому имеется настоятельная необходимость «обособления военнопленных славян от венгров и немцев австрийской и германской армий не только в пунктах постоянного водворения, но и при нахождении в лечебных заведениях, в пути следования, при всякого рода передвижениях и перевозках, а равно и при состоянии на различного рода работах посторонних ведомств» [14, л. 78].

В феврале 1917 года в России произошла буржуазно-демократическая революция. Установление двоевластия — Временного правительства и Петроградского Совета явилось главным своеобразием политической ситуации в стране после свержения самодержавия. Одной из главных своих задач Временное правительство связывало с продолжением войны, что делало его крайне не популярным в глазах широких народных масс. Это не могло не создать условий для политической активизации военнопленных, оказавшихся в России в годы войны, для более тесного сближения их с народом и постепенного превращения их из пассивного объекта в активных участников революционных событий.

В первые месяцы после Февраля положение военнопленных значительно улучшилось. Был облегчен режим концентрационного лагеря, освобождены из тюрьмы многие военнопленные, ранее арестованные царскими властями за политическую деятельность [25]. Во многих городах военнопленные получили возможность свободно выходить за территорию лагеря, ходить без конвоя по улицам. Некоторым военнопленным были предоставлены исключительные льготы. Так, например, известному социал-демократу оборонцу Отто Бауэру (впоследствии он стал Государственным Секретарем министерства иностранных дел в коалиционном правительстве Австрийской республики), который находился в Иркутском концентрационном лагере, было разрешено выехать в Петроград, а оттуда на родину; большевику Бела Куну, отбывавшему плен в Томском концентрационном лагере, было разрешено поселиться на частной квартире, а затем выехать в Петроград для партийной работы [4, с. 518].

Временное правительство после растерянности первых недель, когда было создано даже «Особое частное присутствие по расследованию вопросов о содержании военнопленных в лагерях и на работах и выяснению причин эпидемий и высокой смертности среди них», использовало все средства, чтобы воспрепятствовать каким-либо изменениям в положении военнопленных [26]. Оно категорически настаивало на неукоснительном выполнении всех изданных царским правительством распоряжений, регулировавших содержание военнопленных, как в лагерях, так и на работах в промышленности и сельском хозяйстве. Военные власти требовали установления в отношении военнопленных строгого режима. Еще 30 марта 1917 г., а вслед за этим повторно 18 апреля министром внутренних дел А. Никитиным был отдан приказ об усилении охраны во-

еннопленных и учреждении особой стражи за счет средств, удерживаемых с самих военнопленных [26].

19 апреля «ввиду непрерывно поступающих жалоб на недопустимое своеволие и даже отказ от работ со стороны военнопленных» А. Гучков отдает распоряжение: «Всех бунтующих пленных немедленно направлять в ближайшие лагеря, где применять к ним суровый режим и строгие наказания» [27]. Причем в другие лагеря высылали военнопленных, которые проводили революционную агитацию и, по мнению военных властей: «вредно влияли на окружающих». Так из Иванова попал в Омск Карой Лигети [25, с. 58].

В июле 1917 г. Военное министерство, невзирая на резкое повышение цен на продовольствие, издало распоряжение выплачивать военнопленным за работу не более 20–50 копеек в день, разрешая делать при этом исключение для военнопленных поляков, чехов, словаков, итальянцев, румын, сербов, хорватов и боснийцев [25, с. 59–60].

Что касается политики репрессий по отношению к военнопленным, то Генеральный штаб 22 (9) сентября пошел еще дальше, декларируя: «В Центральный комитет по делам о военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста поступили сведения о том, что работающие на некоторых фабриках и частных предприятиях военнопленные находятся на совершенно исключительном положении, а именно — живут свободно, одеты в гражданское платье, причем некоторые имеют по несколько пар сапог, на руках у них находятся довольно крупные денежные суммы, доходящие иногда до одной-двух тысяч рублей.

Имея в виду недопустимость такого положения у нас вражеских пленных, Центральный комитет постановил отобрать у военнопленных излишние запасы штатского платья и белья и обязал сдать в депозит деньги, оставив на руках лишь ограниченную сумму (не более 15 рублей в месяц).

Отобранные деньги подлежат хранению на особом счету пленного. Из одежды пленным разрешается иметь при себе: три комплекта белья, два комплекта одежды, считая в том и в другом случае комплект, имеющийся на военнопленном, и две пары обуви, из них одну пару на себя, одну запасную» [28]. Пленных обязали нашить на рукав буквы «В. П.» — военнопленный. Это относилось и к запасам одежды.

Таким образом, политика Временного правительства в отношении военнопленных, в сущности, продолжала дореволюционную, но в то же время она была достаточно противоречивой. То это лояльные меры, связанные с разрешением свободного передвижения военнопленных, то это репрессивные меры, применяемые к военнопленным, такие как изъятие запасов штатского платья и белья, денег, установление строгого контроля за военнопленными и т.п. Многие из мероприятий Временного правительства, призванные смягчить и снять напряжение в обществе, только усугубляли противоречия и его раскол, а временный характер власти, подчеркнутый в названии кабинета министров, отражал переходный этап российской государственности.

После октябрьской революции 1917 г. Советская Россия начинает активно вести переговоры с центральными державами о перемирии. В конце января 1918 г. был создан специальный орган по делам военнопленных при Военном отделе ВЦИК, а в апреле 1918 г. была организована центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центроплебж). В Сибири был создан Сибплебж, который командиро-

вал ряд работников для выяснения положения военнопленных на местах и оказания им помощи.

После заключения Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд военнопленных и съезд военнопленных Восточной Сибири и Дальнего Востока — в Иркутске, а в апреле 1918 г. постановил «предоставить всем военнопленным право решать по своему усмотрению, оставаться им в России или возвращаться на родину» [29]. В результате, только в первую половину 1918 г. 550 000 военнопленных из Украины и России смогли прибыть в Австро-Венгрию [30].

Советским правительством проводился ряд мер по улучшению социально-экономического положения военнопленных: отмена тюремного лагерного режима, уравнивание оплаты труда с местными рабочими, введение 8-часового рабочего дня и др. Только в улучшение правового и материального положения попали военнопленные, принявшие идеалы революции и активно участвовавшие в революционной борьбе. Другие пленные, которые восприняли революцию как возможность скорейшего возвращения домой и потому не способствовавшие решению политических и идеологических задач Советской власти, воспринимались ею либо как «пассивные массы», с которыми надо проводить усиленную пропагандистскую работу, либо, в случае дальнейшего сопротивления, как «контрреволюционные элементы», со всеми вытекающими для них последствиями.

Таким образом, Советское правительство в проводимой по отношению к военнопленным политике, руководствовалось политическим расчетом для достижения своих политико-идеологических целей. Хотя, с экономической точки зрения, Советское правительство действовало осторожно, разумно и взвешенно, учитывая нужды молодого советского государства.

Библиографический список

1. Гергилева, А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири / А. И. Гергилева. — Красноярск: Изд-во ГОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет», 2007. — С. 32.
2. Интернационалисты. — М., 1967. — С. 33.
3. Енисейская мысль. — 1915. — 5 авг.
4. Вегман, В. Военнопленные империалистической войны / В. Вегман // Сибирская советская энциклопедия. В 2 т. Т. 1. — Новосибирск, 1929. — Стб. 517.

5. ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 576. Л. 110—111.
6. ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 3—4.
7. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 248. Л. 1.
8. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 293. Л. 4.
9. ТФ ГАТюмО. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1164. Л. 207, 293.
10. Жизнь Алтая. — 1915. — 10 апр.
11. Жизнь Алтая. — 1915. — 5 апр.
12. Клячкин, В. Е. О военнопленных / В. Е. Клячкин // Вестник Омского городского общественного управления. — 1915. — № 6—7. — С. 41.
13. ТФ ГАТюмО. Ф. И - 152. Оп. 35. Д. 1390. Л. 87.
14. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 106. Л. 99.
15. Греков, Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914—1917) / Н. В. Греков // Немцы. Россия. Сибирь. — Омск, 1997. — С. 159.
16. ГАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 148.
17. ТФ ГАТюмО. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1276. Л. 169.
18. ТФ ГАТюмО. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1277. Л. 126.
19. Жизнь Алтая. — 1915. — 30 апр.
20. Известия Томского городского общественного управления. — 1915. — № 6. — С. 66.
21. Известия Томского городского общественного управления. — 1915. — № 8. — С. 40.
22. Вестник Омского городского общественного управления. — 1915. — № 6-7. — С. 11.
23. Вестник Омского городского общественного управления. — 1915. — № 9. — С. 934.
24. ГАТО. Ф. Ф-233. Оп. 3. Д. 1184. Л. 206.
25. Йожа, А. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября / А. Йожа, Д. Милей. — М., 1977. — С. 49.
26. Интернационалисты в боях за власть Советов. — М., 1965. — С. 37.
27. Вестник Временного правительства. — 1917. — 2 (15) мая. — № 45 (91).
28. АААКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
29. Зольников, Д. М. Интернациональное сплочение рабочих Сибири в период двоевластия (март—июль 1917 г.) / Д. М. Зольников // Вопросы истории Советской Сибири. — Вып. 1. — Новосибирск, 1967. — С. 61.
30. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в России. Сб. документов. В 2 т. Т. 1. — М., 1968. — С. 153.

ЧУДАКОВ Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.

Адрес для переписки: chudakov55@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 23.12.2011 г.

© О. В. Чудаков

Книжная полка

Марков и Марковцы / Сост. Р. Г. Гагкуев. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : ИД «Достоинство», 2012. — 658 с. — ISBN 978-5-904-55227-5.

Первая книга серии представляет собой сборник воспоминаний и документов об одном из самых выдающихся русских офицеров начала XX в. — генерал-лейтенанте Сергее Леонидовиче Маркове. Основой книги стал известный в эмиграции двухтомник подполковника В. Е. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию», практически неизвестный широким кругам российских читателей. Помимо значительных отрывков из этого издания в книгу вошли и архивные материалы, не вводившиеся ранее в научный оборот. Это документы С. Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе, записки начальника штаба Марковской дивизии полковника А. Г. Битенбиндера, приказы по формированию марковских частей и др. Немалую часть издания составляют аналитические материалы по социальному составу марковских полков, особенностям их создания и участию в боевых действиях в 1917—1920 гг. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также из частных коллекций.

ПРОЕКТ «ИНСТРУКЦИИ СТАНИЧНЫМ ОБЩЕСТВАМ...» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ (1880-е гг.)

Данная статья представляет собой анализ «Инструкции станичным обществам...», созданной для внутреннего пользования Сибирского казачьего войска в 1880-е гг. Инструкция являлась своего рода обобщением всех тех законоположений и распоряжений, которые касались как станичного и поселкового уровня управления, так и общества в целом, изданных в период с 1870 по 1880 гг. Данная инструкция перечисляла права и обязанности станичного и поселкового сходов и атаманов, указывала источники их доходов и расходов, регламентировала распоряжение ими, а также рассматривала военные и земские повинности казаков.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, самоуправление, управление, казачья община.

Одним из важнейших документов по истории управления казачьими войсками Российской империи [1–3] (за исключением Уральского войска) стало «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», высочайше утвержденное 13/25 мая 1870 г. (далее — Положение 1870 г.). Само его создание преследовало три основные цели: экономический подъем казачьего сословия, сближение сословно-военизированной системы управления казачьими войсками с гражданским управлением [3, с. 69] и унификация низовой структуры управления во всех казачьих войсках.

Положение 1870 г., в отличие от Положения 5 декабря 1846 г., уже определяло станичное общество не как замкнутую казачью общину, а как «составленную из всех без различия сословий жителей станицы с принадлежащими к ней поселками и поселениями других наименований» [4]. Общественное управление в каждом станичном обществе составляли: станичный сход, станичный атаман со станичным правлением и станичный суд. Положение 1870 г. подробно регламентировало обязанности и функции каждого из этих органов станичного управления. Казачьим обществам по Положению 1870 г. было предоставлено полное самоуправление по делам «распорядительным», хозяйственным и судебным. Войсковое население должно было самостоятельно решать многие вопросы местной жизни, связанные, в основном, с хозяйственной деятельностью, определением очередности выхода на службу, сдачей земли в аренду [3, с. 69].

23 мая 1878 г. Государственным Советом было издано распоряжение «Об установлении контроля над действиями станичных обществ и должностных в сих обществах лицах». Согласно этому распоряжению, областные или губернские правления тех местностей, в которых расположены казачьи войска, должны были разработать и издать инструкции станичным обществам о порядке исполнения возло-

женных на них законом обязанностей, а уездные начальники — контролировать их соблюдение. Содержание инструкций не должно было, с одной стороны, противоречить Положению 1870 г., а с другой — затрагивать «предметы, предоставленным полному ведению и усмотрению станичных обществ» [5, с. 113–114]. Инструкции, по мнению создателей, должны были четко и подробно расписывать станичной и поселковой администрации их права и обязанности, а уездным начальникам, соответственно, порядок их соблюдения. Фактически после этого распоряжения в казачьих войсках начали издаваться инструкции.

11 декабря 1882 г. на Дворянском депутатском собрании Сибирского казачьего войска было принято решение «ныне же издать инструкции станичным обществам и должностным лицам относительно порядка исполнения возложенных на них законом обязанностей» [6, л. 59]. Это решение в январе 1883 г. поддержал Степной генерал-губернатор, привлекая к решению данной проблемы и гражданские власти [6, л. 96об]. Следствием вышеозначенных указов и распоряжений и стала рассматриваемая нами «Инструкция станичным обществам и должностным в сих обществах лицам по исполнению возложенных на них законом обязанностей». Точного года издания данной инструкции указать не представляется возможным, так как изданного варианта инструкции в фондах не обнаружено, поэтому вполне возможно, что она и не издавалась. В самой инструкции не указаны ни дата создания, ни автор. Можно предположить, что инструкция была создана в первой половине 1880-х годов. Об этом свидетельствует указанное в самой инструкции «Положение о военной службе казаков Сибирского казачьего войска», утвержденное 5 июля 1880 г. Инструкция опиралась не только на Положение 13/25 мая 1870 г., но и на ряд других указов и распоряжений, касающихся станичного и поселкового уровня управления, вы-

шедших до 1881 г., и представляла собой сборник прав и обязанностей станичных и поселковых сходов и атаманов, а также повинностей казаков. В инструкции, кроме Положения 1870 г. использовались: «Положение о военной службе казаков Сибирского казачьего войска», изданное 5 июля 1880 г., высочайше утвержденное 29 апреля 1868 г. мнение Государственного Совета «О дозволении русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность на землях казачьих войск», Устав земских повинностей изд. 1857 г. и примечания по производству 1876 г. и др.

При этом Инструкция не являлась простым изложением Положения 1870 г., а скорее, являлась его дополнением и, в определенной степени, продолжением. В ней, в доступной для понимания простых станичников форме, перечислялись основные права и обязанности станичного и поселкового сходов и атаманов, военные и земские повинности, станичные и поселковые капиталы, их состав и использование и т.д.

Структурно инструкция состояла из четырех частей: обязанности станичного общества; обязанности поселковых обществ; обязанности станичного атамана и обязанности поселкового атамана. Всего инструкция насчитывает 156 параграфов, часть из которых имела несколько подпунктов.

Очевидно, что инструкция не являлась единственным и самостоятельным документом о станичном уровне управления, она опиралась на Положение 1870 г. Первый параграф указывал, что права и обязанности станичных обществ изложены в ст. 7–10 «Положения об общественном управлении в казачьих войсках» 13/25 мая 1870 г., а также в ст. 4, 31 и 32 «Положения о военной службе казаков Сибирского казачьего войска» от 5 июля 1880 г. [7, л. 1].

В дальнейшем, инструкция также периодически ссылается на Положение 1870 г., подразумевая, что указанные в ней статьи Положения не требуют разъяснения. Более того, такие ссылки на статьи Положения 1870 г., чаще всего указывают на особые случаи. Так, например, в параграфе 5 отмечается, что предметы, подлежащие ведению станичного схода, решения по ним, а также порядок приведения их в исполнение излагаются в общественных приговорах, по общему согласию или по большинству голосов, кроме дел указанных в ст. 68 Положения, по которым требуется согласие не менее двух третей голосов станичников имеющих право голоса на сходе [7, л. 1 об-2]. К таким делам, по ст. 68 Положения 1870 г., относились: раздел общественных земель на пай и участки; дела о пределах общественной земли; об удалении вредных и порочных обывателей и т.д. [4].

Первая, самая обширная часть инструкции разъясняет порядок работы станичного схода, дела, подлежащие его ведению, «поземельные и другие довольствия», станичные доходы и расходы, военные и земские повинности, а также информацию о производстве выборов. В первых 15 параграфах разъясняются порядок функционирования и дела, подлежащие ведению станичного схода. Дела, находящиеся в ведении станичного схода, «изготавлиются» как станичным правлением и предъявляются сходу станичным атаманом, так и кем-либо из обывателей станицы. Атаман не только предъявлял такие дела сходу, но и разъяснял все обстоятельства дела, объяснял существующие по этому вопросу правила, а также, в случае возникшего разногласия, выступал в роли блюстителя порядка. Кроме того, в 10-м параграфе отмечалось, что на сходе должны быть «благопристойность и тишина», нарушители же должны

были либо удаляться со схода до окончания обсуждения, либо временно лишаться права участия на сходах [7, л. 2 об]. В 14 параграфе указывалось, что атаман ответственен за составление приговоров и приведение их в исполнение. В случаях, когда приговоры постановлены станичным сходом и присутствующими на нем членами станичного правления «самопроизвольно», станичный атаман представляет такие приговоры на распоряжение уездного начальника [7, л. 3 об–4]. Следующие три параграфа рассматривали дела подлежащие ведению станичного схода, время и порядок занятий ими.

С 19-го по 39-й параграф приводились правила распоряжения и использования поземельных и других довольствий, подлежащих ведению станичного схода. Следующие восемь параграфов рассматривали станичные доходы и расходы, их источники, порядок их использования и порядок составления смет о доходах и расходах. Параграфы с 49-го по 116-й рассматривали военные и земские повинности, порядок их исполнения и случаи, когда какие-либо лица могли быть освобождены от их исполнения. Все эти параграфы являлись «нововведением» инструкции, т.к. в самом Положении они отсутствовали. Это свидетельствует о том, что целью инструкции было не только ознакомить казаков с функционированием их станичной и поселковой администрации, но и с повинностями самих казаков, степенью распоряжения станичными землями и станичными капиталами. Инструкция, таким образом, в отличие от Положения 1870 г., охватывала более широкий круг вопросов, а не только вопросы функционирования станичного и поселкового управления.

Последние четыре параграфа первой части (117–120) посвящены производству выборов на должности станичных и поселковых управлений, станичного атамана, его помощников и поселковых атаманов. Выборы последних проводились на трехлетие.

Вторая часть инструкции состоит всего из трех параграфов (121–123) и рассматривает права и обязанности поселкового схода, а также дела, подлежащие его ведению. Параграфы эти небольшие и отсылают напрямую к ст. 56–58 Положения 1870 г. Дела, подлежащие ведению поселкового схода, должны были решаться на тех же основаниях, что и дела станичного схода.

Третья (параграфы 124–151) и четвертая (параграфы 152–156) части данной инструкции рассматривают обязанности станичного и поселкового атаманов соответственно. Так, например, в 124-м и 125-м параграфах отмечалось, что станичный атаман представляет в станице местную исполнительную власть, ему должны подчиняться как все жители станицы, так и все посторонние люди, проживающие на ее территории. Станичный атаман в отношении к лицам служащим должен был действовать с полномочиями частных военных офицеров, а к отставным и разночинцам — с правами земской полиции. Также, станичный атаман «наблюдает и отвечает за сохранение порядка, спокойствия и благочиния» в пределах станичного надела [7, л. 33]. Станичный атаман, как указано в параграфе 126, должен был объявлять по предписанию уездного начальника законы и распоряжения правительства, а также наблюдать за «нераспространением между подведомственными лицами подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов» [7, л. 33 об]. Данные части, практически полностью воспроизвели аналогичные статьи Положения 1870 г., лишь с небольшими дополнениями.

По делам общественным станичный атаман был обязан созывать и распускать станичный сход, предлагать на его рассмотрение дела, касающиеся станичного общества, приводить в исполнение приговоры станичного общества, представлять вышестоящим инстанциям те приговоры, которые подлежат утверждению начальства, наблюдать за всеми должностными лицами и т.д.

Поселковый атаман, в целом, исполнял те же обязанности, что и станичный атаман, но на уровне поселка. Кроме того, он был обязан исполнять все законные требования станичного атамана по делам полицейского ведомства, по делам же общественным в его обязанности входили созыв и роспуск поселкового схода, предложение на рассмотрение схода дел, касающихся нужд и польз поселкового общества, приведение в исполнение приговоров станичного и поселкового общества.

В инструкции полностью отсутствовали параграфы о станичном суде, которому в Положении 1870 г. отводилось много внимания. Это, возможно, свидетельствует о том, что порядок функционирования суда не изменился и не было необходимости его разъяснять станичникам.

Анализ «Инструкции станичным обществам и должностным в сих обществах лицам по исполнению возложенных на них законом обязанностей» свидетельствует о том, что инструкция представляет собой упрощенный вариант «Положения об общественном управлении в казачьих войсках» 13/25 мая 1870 г. с дополнениями из других распоряжений и указов, изданных до 1880 г. Инструкция является своего рода обобщением всех тех законоположений и распоряжений, которые касались как станичного и поселкового уровня управления, так и общества в целом. Данная инструкция перечисляет права и обязанности станичного и поселкового сходов и атаманов, указывает источники доходов и расходов станичного и поселкового обществ, регламентирует распоряжение ими, а также рассматривает военные и земские повинности казаков.

С изданием 3 июня 1891 г. «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» ситуация в низовом управлении коренным образом изменилась. По этому положению «ближайшее заведывание станичным и хуторским управлением и местный надзор за ходом сего управления возла-

гался на атаманов отделов, а высший надзор — на Областные, Войсковые, Войсковые Хозяйственные правления и на Войсковых Наказных и Наказных атаманов по принадлежности» [8]. Таким образом, станичное и хуторское правления ставились под прямой надзор атаманов отделов, что фактически ограничивало самоуправление, вводимое положением 1870 г.

В период между 1870—1891 г. инструкция является одним из важнейших источников по изучению самоуправления в Сибирском казачьем войске. Данный источник ранее в опубликованных работах по изучению истории Сибирского казачьего войска не использовался, однако его использование при изучении самоуправления в Сибирском казачьем войске является необходимым. Инструкция сама по себе являлась внутренним делопроизводственным документом, и ценность ее заключается в том, что она показывает определенные изменения в функционировании станичных и поселковых обществ, в ряде их прав и обязанностей, в военной службе казаков, произошедшие с момента создания Положения 1870 г.

Библиографический список

1. Куценко, И. Я. Кубанское казачество / И. Я. Куценко. — Краснодар : Кн. Изд-во, 1990. — 383 с.
2. Смирнов, Н. Н. Забайкальское казачество / Н. Н. Смирнов. — М. : Вече, 2008. — 544 с.
3. Чемякин, Е. А. Исторические традиции казачьего самоуправления в России: историко-правовой аспект / Е. А. Чемякин. — Волгоград : Издатель, 2008. — 128 с.
4. ПСЗ 2. В. Т. XLV. — СПб., 1874. — Ст. 48354.
5. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XIV. Часть 1. — СПб., 1878. — Ст. 65.
6. ГУ ИСА Ф. 67. Оп. 1. Д. 1381.
7. ГУ ИСА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1320.
8. ПСЗ 3. Т. XI. — СПб., 1894. — Ст. 7782.

АДАМ Александр Яковлевич, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.

Адрес для переписки: sng19911@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 16.12.2011 г.

© А. Я. Адам

Книжная полка

Монтер, У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени / У. Монтер ; пер. с англ. — М. : Изд. дом «Искусство», 2012. — 288 с. — ISBN 5-85200-412-X.

В книге исследуются проявления религиозной терпимости и нетерпимости в Европе XVI — начала XVIII века. Автор анализирует отношение властей к еретикам (христианам-диссидентам), иудеям и обвиненным в ведовстве; он демонстрирует общие тенденции, проявлявшиеся в истории западного христианства в позднее Средневековье, а также особенности динамики терпимости и нетерпимости, свойственные различным конфессиональным и национальным традициям: англиканской, лютеранской (Скандинавия, Германия), кальвинистской (Швейцария, Голландия) и католической (Франция, Испания, Италия). Рассматриваются и ситуации сосуществования конфессий (в государствах Центральной Европы) и культур (в Америке). Автор уделяет внимание и интеллектуальному аспекту проблемы — развитию идей терпимости и борьбе с суевериями, анализируя сочинения ученых-скептиков XVII — начала XVIII века.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВОЕННЫМИ РУКОВОДИТЕЛЯМИ (1968—1980 гг.)

Переход с 2008 года на годичный срок военной службы в ВС РФ по призыву повлек за собой значительное повышение требований к качеству подготовки граждан к военной службе. Вместе с тем введение подготовки граждан по основам военной службы в образовательных учреждениях среднего (полного) общего образования в рамках учебного предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» не помогло добиться желаемых результатов. Данные обстоятельства требуют на современном этапе принятия самых действенных мер, которые, в первую очередь, предполагают изучение опыта прошлых лет в решении этого важного вопроса.

Ключевые слова: военные руководители, кадровое обеспечение, средние общеобразовательные школы, Западная Сибирь.

Изучение истории России показывает, что начальная военная подготовка (далее НВП) и военно-патриотическое воспитание (далее ВПВ) молодого поколения всегда считались залогом крепости государства. И это было логично. В последние же годы сложилась ситуация, когда прежняя система НВП и ВПВ учащихся средних общеобразовательных школ (далее СОШ), на которой выросло не одно поколение россиян, оказалась практически разрушена, а новая — четкая, эффективная, доступная и понятная — еще не создана. Исходя из понимания места и роли педагога в школе, для нашего исследования несомненный интерес представляет кадровое обеспечение СОШ военными руководителями. Можно отметить, что обучение и воспитание юношества в школах всецело зависят от учителя. Скажем больше: будущее страны во многом зависит от состава учителей. И связано это, с тем, что:

1. В настоящее время война вновь стала средством проведения политики. Идет активное противодействие укреплению России — как одного из влиятельных центров многополярного мира. Поэтому к призывной молодежи необходим новый подход: смена сознания молодых людей от воинской повинности к осознанной необходимости защищать интересы нашей Отчизны.

2. Школа в нашей стране является важнейшим учебно-воспитательным учреждением. Ни один человек её не минует. Основы мирозерцания, идеологии, нравственных устоев, как фундамент последующей профессиональной и специальной подготовки закладываются в школе. Если нет этого фундамента, по-настоящему заложенного, трудно ждать успехов на последующих ступенях обучения.

3. Переход с 2008 года на годичный срок военной службы по призыву повлек за собой значительное повышение требований к качеству подготовки граждан к военной службе.

Исследование обозначенной проблемы на опыте СОШ Западной Сибири необходимо как для истори-

ческой науки, так и для совершенствования системы подготовки молодежи к военной службе. Эта сфера деятельности переживает подлинную перестройку. Идет процесс реставрации многих элементов советской системы НВП и ВПВ молодежи. Безоглядное отрицание всего, что было связано с понятием «советский», уступает место объективной оценке достигнутого в те годы, пониманию ценности отечественного исторического опыта вне политических пристрастий и партийной конъюнктуры.

12 октября 1967 г. третья сессия Верховного Совета СССР приняла Закон «О всеобщей воинской обязанности» [1, с. 552]. С принятием этого документа вступал в силу ряд принципиально новых положений — например таких, как сокращение сроков действительной военной службы для солдат, матросов, сержантов и старшин; установление для всех граждан единого призывного возраста, ежегодное проведение двух (вместо одного) призывов; введение начальной военной подготовки молодежи и др. Совет министров СССР принимает ряд постановлений: «О мерах в связи с принятием нового Закона о всеобщей воинской обязанности» (1967 г.), «О сроках и порядке введения начальной военной подготовки молодежи» (1968 г.). Министерство обороны СССР разработало и утвердило «Положение о начальной военной подготовке молодежи» (1968 г.) и «Программу начальной военной подготовки учащихся общеобразовательных школ» (1968 г.) [2].

В перечисленных документах была определена главная цель НВП школьников: обеспечить высокий уровень НВП с тем, чтобы молодежь в процессе обучения приобрела практические навыки в объеме одиночной подготовки солдата, освоила основы гражданской обороны и, будучи призванной в Вооруженные силы СССР, смогла в короткие сроки овладеть современным оружием и боевой техникой.

В состав штата средних общеобразовательных школ вводилась должность военного руководителя. На указанную должность предполагалось назначать,

как правило, офицеров запаса, имеющих высшее или среднее военное образование. Начальную военную подготовку планировалось проводить с полным учетом присущих советской школе форм и методов работы. Для этого военрук должен был систематически совершенствовать навыки наставника и помнить, что обучение и воспитание — единый процесс. Как на занятиях, так и во внеучебное время от военного руководителя требовался вдумчивый подход к учащимся, чуткость, выдержка, настойчивость, педагогический такт. Необходимой была высокая личная дисциплинированность и культура, спокойная, ровная и справедливая строгость к каждому учащемуся. Все эти качества приобретались не только благодаря жизненному опыту, но и на основе глубокого знания педагогики и психологии. Именно поэтому в большинстве руководящих документов и методических рекомендаций по организации НВП молодежи указывалось военным руководителям заниматься самообразованием, читать педагогическую литературу, более того, получить заочное образование в педагогическом институте [3, с. 29]. Особое значение имела личная военная подготовка военрука. Он должен был образцово владеть оружием, правильно выполнять приемы одиночной подготовки солдата, уверенно стрелять, хорошо знать уставы и изучаемую военную технику и вооружение.

Размер должностного оклада военного руководителя в школе был приравнен к окладу заместителя директора школы по учебной работе. В должностные оклады военных руководителей школ включалась оплата за 12 часов педагогической работы в неделю [4]. В школах, имеющих три и менее классов, в которых проводилась НВП учащихся, оплата труда военного руководителя производилась в размере 0,5 должностного оклада. Размеры должностных окладов военным руководителям устанавливались в школах в зависимости от количества учащихся в V–X(XI) классах. При этом в обязанности военных руководителей включалось проведение учебных (в том числе и факультативных) и внеклассных занятий по НВП и ГО, организационная и военно-патриотическая работа с учащимися, а также выполнение обязанностей по руководству кружками по основам военного дела и заведованию военным кабинетом (без дополнительной оплаты). На военных руководителей школ распространялся порядок пенсионного обеспечения, а также льготы, преимущества и продолжительность очередных отпусков, установленные для учителей и преподавателей школ. В педагогический стаж военных руководителей НВП школ, инспекторов начальной военной подготовки засчитывалось время службы в ВС СССР на должностях офицерского, сержантского и старшинского состава.

Рассматривая перечисленные льготы, напрашивался вывод о том, что для офицеров запаса возможность трудоустроиться военным руководителем в школу и заниматься своим, хорошо знакомым делом, было бы выгодно и интересно; что проблем с подбором кандидатов у работников военных комиссариатов, отделов народного образования и директоров школ на указанные должности не должно было возникать. И все это с учетом того, что, согласно постановлению правительства, введение НВП молодежи предполагалось постепенно в течение 1968–1972 гг.

Однако анализ архивных документов за рассматриваемый период не подтверждает 100-процентного введения НВП в школах Западной Сибири и комплектования всех СОШ военными руководителями.

Согласно информации Новосибирского областного отдела народного образования (облОНО), в Министерство просвещения, «НВП в 1968 г. введена в 20, в 1969 г. в 20, в 1970 г. в 40 школах области. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 1 декабря 1970 г. в г. Новосибирске на должности военных руководителей привлечено значительное число офицеров запаса. В сельских же районах такой возможности не было, вследствие чего на должности военруков подобрано 53 человека сержантов и рядового состава. Из них 31 человек направлен на курсы младших командиров при воинской части. Со всеми вновь назначенными руководителями проведены месячные сборы. В 1971/72 учебном году НВП вводится в 162 школах, в том числе в 47 школах г. Новосибирска. Из 162 штатных мест военных руководителей на 10 июня 1971 г. подобрано 126 человек» [5, л. 28].

Исходя из вышеизложенного получается, что из 428 средних школ Новосибирской области в 1971/1972 учебном году НВП проводилась в 242-х школах. Это составляло всего 56 % от общего количества средних школ¹. Сразу же остро обозначились проблемы подбора военных руководителей из числа офицеров запаса.

Не менее серьезной проблемой стал вопрос заработной платы военных руководителей и инспекторов НВП. Согласно статьи пятой постановления Совета министров СССР от 27 июля 1959 г. № 876, устанавливалось: пенсионерам из числа генералов, адмиралов, офицеров, военнослужащих рядового, сержантского и старшинского состава сверхсрочной службы и лиц начальствующего состава, поступившим на работу, пенсия за выслугу лет и по инвалидности III группы выплачивалась с учетом заработка. Если пенсия и заработок, вместе взятые, превышали денежное содержание, из которого пенсия исчислена, пенсия снижалась на сумму, превышающую это денежное содержание, однако, за пенсионером во всех случаях сохранялось не менее 50 процентов назначенной пенсии [6].

Офицеры запаса, узнавая, что их пенсия будет уменьшена, отказывались от предлагаемой работы в школе в должности военного руководителя.

В ответ на доклады, поступающие в Министерство обороны и Министерство просвещения СССР о неудовлетворительном выполнении решения правительства по развертыванию НВП в СОШ, принимается постановление Совета министров СССР от 1 декабря 1970 г. № 965 «О мерах по укомплектованию СОШ, средних специальных учебных заведений и учебных заведений системы профессионально-технического образования военными руководителями». В нем определялось: «...в целях более широкого привлечения пенсионеров из числа лиц офицерского состава к работе в качестве военных руководителей в общеобразовательных школах, средних специальных учебных заведениях и учебных заведениях системы профессионально-технического образования выплачивать этим пенсионерам, работающим в указанной должности, а также в должностях инспекторов и методистов НВП в министерствах, ведомствах и в органах управления просвещением и профессионально-техническим образованием, пенсию в полном размере, независимо от получаемой заработной платы. Советам министров союзных республик рекомендовалось совместно с Министерством просвещения СССР и Министерством обороны СССР обеспечить укомплектование общеобразовательных школ, расположенных в отдаленных

сельских, горных и северных районах, (включая малокомплектные средние школы), военными руководителями путем назначения на эти должности выпускников педагогических институтов, прошедших военную подготовку, получивших звание офицера запаса и изъявивших желание работать в указанной должности, с предоставлением им возможности ведения преподавательской деятельности по полученной специальности» [7, л. 22 – 24].

Данное постановление Совета министров СССР сыграло свою положительную роль. Например, в Алтайском крае за 1971/72 учебный год количество военруков — офицеров запаса, работающих в СОШ, увеличилось по сравнению с 1970/71 уч. годом от 30 до 62 %. Однако и этот показатель был значительно ниже средних показателей по СССР. Военруки — офицеры запаса по Союзу составляли в 1972 г. более 70 %, 80 % из них имели высшее и среднее военное образование. В Алтайском крае только 1,6 % военруков имели высшее военное образование и 25,4 % среднее военное [8, л. 46 – 52, 80 – 112].

Аналогичные выводы о невыполнении плана разветывания НВП в СОШ Западной Сибири можно сделать не только по архивным документам Алтайского края [9, л. 166], но и других областей Западной Сибири. Так, в приказе Кемеровского областного отдела народного образования № 123-б от 24 мая 1973 г. «О проведении месячных установочных сборов с военными руководителями средних школ и педагогических училищ области» было определено «направлять всех военных руководителей школ, ранее не прошедших установочные сборы, в том числе военруков тех школ, в которых НВП будет вводиться с 1973/74 учебного года» [10, л. 105].

Действительно же только с 1974/75 учебного года во всех средних школах Западной Сибири проводилась начальная военная подготовка. При этом в официальных отчетах краевых и областных отделов народного образования Западной Сибири о состоянии НВП отмечались следующие проблемы: недостаток военных руководителей, имеющих высшее и среднее образование (особенно в сельских районах); отсутствие тесного контакта в деятельности директоров школ и военных руководителей; нагрузка военруков административно-хозяйственными поручениями, которые отвлекали от учебно-воспитательной работы; более низкий процент военных руководителей — офицеров запаса в СОШ Западной Сибири, чем в других регионах; большая текучесть кадров, несмотря на заработную плату в размере должностного оклада заместителя директора школы по учебной работе (155 – 245 рублей, в зависимости от количества учащихся в школе), ряда льгот и получение пенсии в полном размере военнослужащими запаса; нежелание части военных руководителей, не имеющих высшего образования, обучаться в педагогических вузах заочно; отсутствие у военных руководителей специальной и методической подготовки, и вследствие этого низкое качество проведения занятий².

2 марта 1973 г. Министерство просвещения издает инструктивное письмо «О повышении квалификации военных руководителей общеобразовательных школ и педагогических училищ». В данном письме, ссылаясь на закон СССР «О всеобщей воинской обязанности», постановление Совета министров СССР, постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР [11, с. 98 – 101], приказ Министра просвещения СССР [12, с. 129 – 130], была определена одна из главных задач общеобразовательных школ — обеспе-

чение хороших знаний и навыков учащихся по основам военного дела. В инструктивном письме указывалось на необходимость дальнейшего улучшения организации учебного процесса НВП школьников, повышение идейно-теоретического и организационно-методического уровня занятий. Важным звеном в решении этой задачи становится совершенствование знаний и методического мастерства военных руководителей.

Требования Министерства просвещения в регионе принимаются к руководству. На Всесоюзной учебно-методической конференции по НВП и ВПВ (сентябрь 1973 г.) инспектор Алтайского крайОНО по НВП Д. П. Воднев в своем докладе на тему «Об опыте работы методических объединений Алтайского края по повышению качества уроков НВП» отмечал: «...Ежегодно, крайвоенкомат совместно с крайОНО, институтом усовершенствования учителей, штабом гражданской обороны с вновь назначенными военными руководителями проводятся месячные установочно-методические сборы, а по окончании учебного года пятидневные. Перед проведением сборов проводим проверку организации и методики преподавания НВП, гражданской обороны и работу по военно-патриотическому воспитанию в школах» [13, л. 80 – 84].

Кроме того, в Алтайском крае с военными руководителями, которые заочно учились в высших педагогических институтах, учебно-методические сборы проводились отдельно в одну из недель учебного года. На сборах для военных руководителей читался курс лекций по идейно-политическому циклу, основам педагогики и психологии (примерно, 40 %). Остальное время (60 %) отводилось на методическую подготовку. На основе методической работы отделов народного образования был разработан «Примерный план работы методического объединения по НВП, гражданской обороне и военно-патриотическому воспитанию школьников на учебный год», который выслали в каждый отдел народного образования [14, л. 85].

Подобная работа давала немало положительных результатов, о чем свидетельствуют представленные данные (табл. 1) [15 – 17].

Как видно, из отчетов и представленной таблицы, в Алтайском крае проводилась заметная работа по повышению качественного состава военных руководителей СОШ. Однако увеличение количества военных руководителей офицеров (с 52 % в 1972 г. до 63 % в 1973 г.) было достигнуто за счет привлечения военруков из числа сержантов и солдат к обучению на двухмесячных курсах по подготовке офицеров запаса.

Аналогичный вывод можно сделать из анализа архивных материалов Омского областного отдела народного образования. Так, в 1977 г. 88 % военруков Омской области были — коммунисты и комсомольцы, 83 % — офицеры запаса. С целью обобщения и распространения передового опыта школ по организации военно-патриотического воспитания и НВП в области проводились научно-практические конференции; ежегодно перед началом учебного года созывались трех-пятидневные семинары военных руководителей при рай(гор)оно, райвоенкоматах, райкомах ДОСААФ; проводилась курсовая подготовка по плану института усовершенствования учителей. Кроме того, все военные руководители проходили обучение по методике ведения предмета при районном методическом объединении и командирскую подготовку при райвоенкоматах.

Характеристика состава военных руководителей СОШ Алтайского края

Годы		1972	1973	1974	1975
Всего СОШ		499	499	521	527
Назначено (подобрано) военруков		100 %	100 %	100 %	100 %
Из них:	Офицеры запаса и в отставке	52,0 %	63,0 %	61,1 %	59,8 %
	Из них пенсионеров МО (чел.)	40	40	41	47
	Сержанты запаса	44,3 %	33,3 %	29,4 %	31,9 %
	Рядовые запаса	3,7 %	3,7 %	9,5 %	8,3 %
	Имеют образование: высшее педагогическое	20,4 %	20,8 %	20,8 %	19,3 %
	высшее общее	0,4 %			1,5 %
	высшее военное	1,6 %			1,7 %
	среднее педагогическое	51,9 %	79,2 %	79,2 %	38,9 %
	среднее военное	25,4 %			36,1 %
	ускоренный курс военного училища (курсы)	26,9 %			29,7 %
	военная кафедра вуза или служба в войсках	46,1 %			38,1 %
	среднее общее	24,3 %			41,2 %
	среднее других специальностей	3,0 %			–
	Учатся в пединститутах / других вузах (чел.)	–	–	58/3	58/3
	Члены КПСС	52,1 %	52,1 %	47,4 %	45,9 %
	Члены ВЛКСМ	32,1 %	32,1 %	29,2 %	30,0 %
	Беспартийные	15,8 %	15,8 %	23,4 %	24,1 %
В возрасте до 40 лет	54 %	–	–	62,7 %	
от 40 до 50 лет	23 %	–	–	19,0 %	
старше 50 лет	23 %	–	–	19,3 %	
Уволены в процессе учебного года (чел.)		25	27	17	18

Таблица 2

Данные о составе директоров и военруков СОШ Западной Сибири в 1979/80 учебном году

Край, область	Директор средней школы / из них женщин		Военруки, имеющие образование (без совместительства)			
			высшее	окончившие учительские институты и им равные учебные заведения	среднее и не имеющие среднее образование	Итого (сумма столбцов 4, 5, 6)
1	2	3	4	5	6	7
Кемеровская область	468	257	185	41	133	359
Новосибирская область	580	233	205	66	310	581
Омская область	443	196	167	30	241	438
Томская область	154	66	75	14	36	128
Тюменская область	415	208	207	32	159	398
Алтайский край	674	312	331	74	254	659
ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ РАЙОН	2734	1272	1170	257	1133	2563

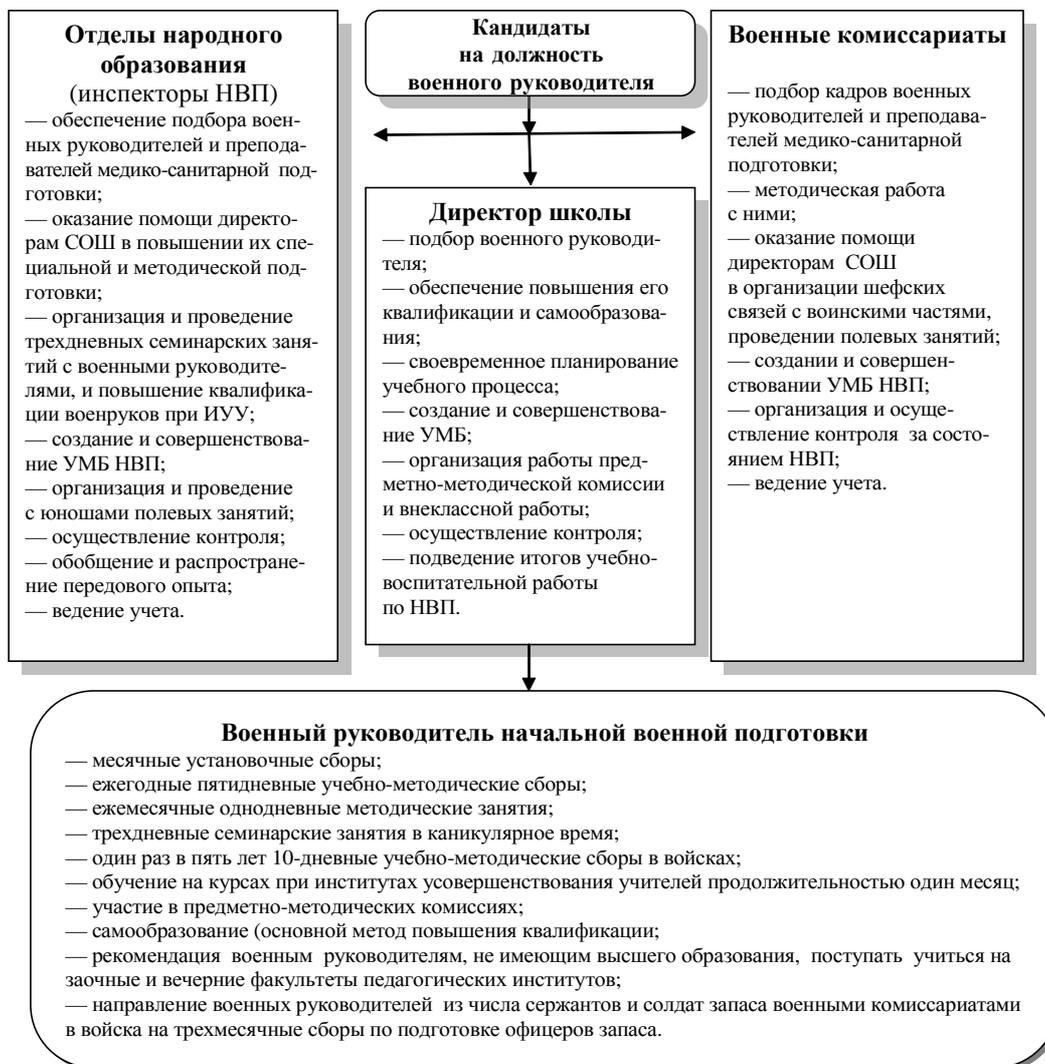

Рис. 1. Система подбора военных руководителей и повышения их методического мастерства и профессиональной подготовки

Областной отдел народного образования и областной военкомат во время летних и зимних каникул организовывал семинарские трех-пятидневные занятия с представителями районных методических объединений с целью обобщения и распространения передового опыта в школах области. Для проведения занятий привлекались кадры пединститута и института усовершенствования учителей [18, с. 36 – 41].

В области была поставлена строгая отчетность о результатах НВП. Ежегодно издавались приказы облОНО, в которых подводились итоги за прошедший год и ставились задачи на новый, работал областной методический совет по военно-патриотическому воспитанию. По тематике НВП публиковались методические разработки и рассылались по школам. Областные газеты «Омская правда», «Молодой сибиряк» ежемесячно выступали с материалами на военно-патриотические темы. В СОШ области было установлено правило, когда все учащиеся на уроки по НВП прибывали в определенной форме одежды, а военные руководители — в военной форме.

Система тройного контроля позволяла минимизировать возможность выбора на должность военного руководителя человека, не обладающего необходимым уровнем военного образования, хорошими навыками и качествами к обучению школьной молодежи. И там, где все заинтересованные ведомства и директора СОШ согласованно занимались подбо-

ром кандидатов на должности военных руководителей, как правило, в школах военруками были настоящие профессионалы своего дела (рис. 1).

Анализируя архивные материалы по региону, приходишь к выводу, что в них не ощущалось особого бахвальства, хотя и его порой хватало, однако виделись и ставились серьезные проблемы, решение которых зависело от вышестоящих центральных органов. В основном эти обращения сводились к следующему: об изменении положения о сроках присвоения первичных офицерских званий военрукам, имеющим высшее или среднее педагогическое образование и работающих в школе 10 – 15 лет, по возрасту до 50 лет — присваивать первичное звание не ниже «лейтенант»; увеличению оплаты труда и сохранении размера пенсионного обеспечения военным руководителям; о принятии решения по повышению воинских званий офицерам запаса, работающим военными руководителями, через каждые пять лет, до «капитана» — имеющим среднее педагогическое образование и до «майора» — имеющим высшее образование; о ходатайстве перед командующим СибВО проводить сборы по подготовке офицеров запаса с кадрами военных руководителей ежегодно и т.д. [19, с. 80 – 85].

По многим предложениям оперативно принимались решения и издавались директивные документы. Подводя итог, можно отметить, что, несмотря име-

ющие место проблемы, задачи по комплектованию СОШ кадрами военных руководителей в целом решались.

К окончанию рассматриваемого периода уровень образования военных руководителей СОШ Западной Сибири был следующим (табл. 2) [20, Л. 39–45].

Примечания

¹ По подсчетам автора.

² На основании архивных документов отделов народного образования. ЦДНИТО. Ф.608. Оп.42. Д.8. Л. 23–27; ГАНО. Ф.1366. Оп. 1. Д. 2481. Л. 28; ГАОО Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1455. Л. 427; ГАТюМО. Ф. Р1823. Оп. 1. Д. 794. Л. 39; и др.

Библиографический список

1. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1967. — № 42. — С. 552.
2. Программа НВП учащихся общеобразовательных школ. — М., 1968. — 132 с.
3. Новгородов, А. Начальная военная подготовка / А. Новгородов // Военные знания. — 1968. — № 8. — С. 29.
4. О сроках и порядке введения начальной военной подготовки молодежи : постановление Совета министров СССР от 29 апреля 1968 г. № 289 // Консультант плюс. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/online/base/> (дата обращения: 02.11.2011).
5. ГАНО. Ф-1366. Оп. 1. Д. 2481. Л. 28.
6. Законы СССР 1953–1959 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <http://knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=585&view=article> (дата обращения: 02.11.2011).
7. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 708. Л. 22–24.
8. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее ЦХАФ АК). Ф.Р.-573. Оп. 5. Д. 355. Л. л. 46–52, 80–112.

9. ЦХАФ АК. Ф.Р.-573. Оп. 5. Д. 355. Л. 166.
10. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 813. Л. 105.
11. О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 июня 1972 г. // Народное образование в СССР : сборник нормативных актов. — М. : Юридическая литература, 1987. — С. 98–101.
12. Об итогах введения в средних общеобразовательных школах и педагогических училищах начальной военной подготовки и мерах по её дальнейшему совершенствованию : Приказ министра просвещения СССР от 27 ноября 1972 г. № 127 // Народное образование в СССР : сборник нормативных актов. — М. : Юридическая литература, 1987. — С. 129–130.
13. ЦХАФ АК. Ф.Р.-573. Оп. 5. Д. 355. Л. 80–84.
14. ЦХАФ АК. Ф.Р.-573. Оп. 5. Д. 355. Л. 85.
15. ЦХАФ АК. Д. 533. Л. 112–115.
16. ЦХАФ АК. Д. 355. Л. 1–5, 46–49, 52–53.
17. ЦХАФ АК. Д. 725. Л. 12-23.
18. Вооруженным силам — достойное пополнение. — М., 1978. — С. 36–41.
19. УАД АК. Ф.Р.-573. Оп. 5. Д. 355. Л. 80–85.
20. Архив Министерства образования и науки. Ф. 2306. Оп. 76. Д. 6416. Л. 39–45. (в настоящее время документы передаются в ГАРФ (июнь 2011 г.)).

КУТЕПОВ Виктор Анатольевич, заместитель начальника Учебного военного центра.

МАСЛЯКОВ Владимир Анатольевич, начальник цикла, старший преподаватель Учебного военного центра.

Адрес для переписки: kutepviktor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.11.2011 г.

© В. А. Кутепов, В. А. Масляков

УДК 94(470) 1850/
1899:94(460)1850/1899

Н. Г. ПАНЧЕНКО

Омский государственный
педагогический университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ ИСПАНИИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА КАК КОМПОНЕНТ ОБРАЗА СТРАНЫ И НАРОДА

Статья посвящена представлениям о прошлом Испании в очерках русских путешественников второй половины XIX века. Автор выявляет и анализирует исторические сюжеты, вызывавшие интерес со стороны путешественников и показывает особенности представлений об Испании и ее прошлом.

Ключевые слова: представления, образ, история Испании, путевой очерк.

Путешествие играло огромную роль в русской культуре XIX века, и история путешествий русских в Испанию является неоспоримым доказательством этого. «Письма об Испании» В. П. Боткина, созданные под впечатлением от реального путешествия и опубликованные в конце 1840-х гг., открыли новую

главу в представлениях русских об этой стране, став фактором актуализации интереса в России к Испании. Несмотря на то, что в Испанию путешествовали не так часто и не так много, как в другие страны Европы, очерки о поездках туда регулярно появлялись на страницах периодической печати и выходили

отдельными изданиями. Во второй половине XIX века публикуются путевые очерки М. Н. Капустина, Л. И. Мечникова, Е. А. Салиаса-Де-Турнемира, К. А. Скальковского, Д. Л. Мордовцева, И. Я. Павловского, А. Н. Маслова, Д. В. Григоровича, Вас. И. Немировича-Данченко, В. К. Пискорского, отметим, что основная их часть приходится на вторую половину 1880-х гг. Тема прошлого Испании является неотъемлемой частью практически каждого путевого очерка о ней, являясь одним и средств осмысления настоящего. В целом внимание к прошлому в XIX веке может быть обосновано формированием историзма в общественном сознании людей того времени. Как отмечают авторы монографии «История и время. В поисках утраченного»: «Метод историзма дал новую возможность удовлетворить растущий интерес как к национальному прошлому, так и к истокам западной цивилизации» [1, с. 627]. Таким образом, прошлое Испании в России привлекало внимание и как составная часть европейской истории, и как пример истории национальной.

Обращаясь к восприятию прошлого этой страны русскими путешественниками, выделим традицию влечения исторических сюжетов в повествование, которая ярко отражена в ироничном описании Л. И. Мечникова живописного испанского типа — «серено»: «По поводу этой одной фигуры я мог бы здесь написать восемь страниц о Филиппе II и влиянии инквизиции на испанские нравы, по две страницы о каждом из разнообразных элементов, вошедших в состав народонаселения этой страны, по крайней мере, пять страниц о сервентах и балладах лангедокских труверов и три страницы о том, что мавры здесь не оставили следов» [2, с. 329]. Таким образом, обращение к сюжетам из прошлого связано у русских путешественников, приехавших в Испанию, с поиском культурного своеобразия, желанием его подчеркнуть, обращаясь к корням явлений и процессов.

У путешественников было четкое представление об исторической судьбе Испании, всегда связанное с современным ее состоянием, прежде всего с отставанием от передовых стран Европы. Подчеркнем, что общий взгляд на прошлое Испании одинаков у разных авторов и безотносителен ко времени написания и выхода путевого очерка. Как представляется, объединяющим началом является восприятие страны сквозь призму «трагедийности», более того, трагедию или драму можно назвать метафорой исторического пути этой страны: через нее авторы путевых заметок пытались показать нелегкий путь Испании по пути прогресса. Д. Л. Мордовцев пишет: «поэтическая, бестолковая, славная и безотрадная история Испании, ее старая гордость, и ее старые глубокие раны, до селе не зажившие» [3, с. 66], и наиболее четко выражает эту мысль В. И. Немирович-Данченко: «...край прошлого, страна великих воспоминаний, оставившая настоящему только мечтательные сожаления» [4, с. 52]. В этом общем взгляде на исторический путь Испании можно увидеть некоторую двойственность его восприятия русскими: с одной стороны, путешественники ищут своеобразия в истории Испании, а с другой — объясняют современные беды страны ее многовековой отстраненностью от общеевропейских процессов. Как представляется, такая трактовка имеет в свой основе европоцентризм, который, как отмечает Т. А. Сабурова, «в сознании интеллигенции переместился с идеологического уровня на уровень ментальный, <...> превратившись в почти бессознательную установку вос-

приятия пространства» [5, с. 153], а также укоренившуюся в сознании русского общества просветительскую идеологию, в рамках которой окружающий мир воспринимался через призму бинарной оппозиции «цивилизация — варварство», где цивилизация — это достижения европейской культуры, которые являются эталоном. Прошлое Испании для русских путешественников — это конфликт между нормами, ценностями западной цивилизации и своеобразием национальной истории, интересный путями и способами своего решения.

Сюжетом, представляющим для русских путешественников особый интерес, является наполеоновское нашествие на Испанию, которое всегда в той или иной форме присутствует в путевом очерке. Это самый близкий по времени исторический сюжет, касающийся сколько истории Испании, столько и истории России. Так оценивает историческое значение этого события В. П. Боткин: «Едва ли есть в истории восстание более благородное, более героическое, как восстание всей Испании против Наполеона в 1808 году. Оно показало Европе, что Испания не умерла еще» [6]. Особое место в описании этого исторического сюжета играет народ, и авторы путевых очерков не скупилась в эпитетах, описывая мужество испанцев. Так характеризовал их в 1888 г. В. И. Немирович-Данченко в своих «Очерках об Испании»: «Тут умирали не со стонами, а с проклятиями; исходившие кровью люди в последней агонии зубами грызли французов» [4, с. 213 — 214].

В повествовании о войне 1808 — 1813 гг. в Испании на первый план выходят отношения государства и народа, темы более чем актуальной для русской общественной мысли всего XIX века. Испанский народ у русских путешественников олицетворяет силу истинно демократическую, определившую судьбу страны в переломный исторический момент. Авторы путевых очерков, останавливаясь на итогах народной войны, отделяют государство от народа, и если В. П. Боткин в кон. 40-х гг. только констатирует, что «...тогдашнее правительство, вместо того чтоб употребить в пользу эти руки, усталые от битвы, принялось гнать воскресавший общественный дух и патриотизм...» [6], то двадцатилетием позже Л. И. Мечников называет эти события началом окончательного разрыва между властью и народом, отмечая, что «нашествие Наполеона является случайным эпизодом в этой мрачной драме с декорацией застенка, с запахом жженого человеческого тела. Эпизод этот показывает насколько закалился народный характер среди вековых бед и угнетений» [7, с. 383].

В целом в очерках русских путешественников при описании различных исторических событий можно выделить тенденцию противопоставления власти и народа. Любые положительные оценки власти, к примеру, восшествие французской династии на испанский престол, всегда относительны, в то время как отношение к народу как действующему лицу исторического процесса всегда положительное: будь то борьба за национальный костюм или же борьба с центральной властью за сохранение местных органов власти — фуэросов.

Отметим, что в восприятии народа русскими путешественниками достаточно трудно выделить динамику. Это может быть следствием того, что тема народа постоянно звучит и актуализируется при сравнении национального и общечеловеческого, самобытности и «цивилизованности» на фоне усиливающегося разочарования русской общественной мысли в европейской цивилизации почти всю вто-

рую половину XIX века. В этом контексте, как представляется, неизбежна идеализация народных нравов. Так характеризует в кон. 40-х гг. XIX в. испанцев в личном письме М. И. Глинка: «...чрезвычайно умеренны, живут себе весело, как живали в старину в наших местах, без роскоши и церемоний» [8, с. 211], продолжает его мысль Д. Л. Мордовцев уже в 80-е гг. XIX века своей характеристикой французского языка как варварского галльского наречия, на которую объясняется варварски-галльская Европа, определяя таким образом, что находится по ту сторону «идиллической» народной Испании [3, с. 53]. Русские путешественники видят в испанском народе почти безграничный потенциал, у В. П. Боткина однозначно положительная оценка влияния идей просвещения на Испанию перемежается со следующим: «Эти дороги, селения, это завоевание страшной Сиерры цивилизациию суть плоды философии восемнадцатого века. Да, и она на что-нибудь пригодилась в этом прекрасном мире!» [6]. Повествование о «прекрасном мире» продолжает спустя сорок лет В. И. Немирович-Данченко: «...когда в 1789 г. Франция должна была по указаниям своих философов создать новые формы государственной жизни, основанные на правах человека <...> — кастильцам оставалось только объявить никогда не умирившие в народной памяти старые свои права и вольности» [4, с. 487]. В испанцах он видит народ, который никогда не желал золотой середины: «Костры инквизиции и изгнание целых племен — с одной стороны, и завоевание громадных царств, захват целой части света — с другой. <...> Такими испанцы остаются и теперь. Они скорее предпочтут смерть и гибель оскорблению; в этом отношении буржуазная цивилизация нашего времени не коснулась еще их своим разлагающим железом» [4, с. 212]. Основными характеристиками испанского народа в качестве действующего лица исторического процесса у путешественников из России являются его внутренняя целостность, самодостаточность как возможность противопоставить что-то качественно новое западной цивилизации, испанский народ олицетворяет «естественную» демократию.

Арабское владычество и реконкиста — неотъемлемый исторический сюжет путевого очерка, он практически всегда привлекает внимание путешественника, приехавшего в Испанию. Этот сюжет интересен обращением в его рамках к понятию «Восток», так как, несмотря на то, что во второй половине века путешественники все чаще выезжают за пределы Европы, посещая страны Африки и Америки, Восток по-прежнему остается вне сферы их интересов, в частности, С. М. Усманов отмечает, что даже в начале XX в. «Практически вне сферы ее (интеллигенции. — Авт.) внимания оставались Латинская Америка, Африка, Австралия и Юго-Восточная Азия. Редко она обращала свое внимание на Индию и многие страны мусульманского Востока» [9, с. 310]. Первым «уровнем» восприятия сюжета об арабском владычестве в Испании русскими путешественниками является визуальный: выявление мавританского (восточного) колорита, в поисках которого и приехали многие из них, и здесь на первое место выходят южные районы страны, где мавры оставили наибольшие следы — отметим при этом, что квинтэссенцией «восточности» в Испании являются памятники арабской архитектуры. Наиболее яркие характеристики восточного колорита и связанных с ним исторических сюжетов мы находим в «Письмах об Испании» В. П. Боткина, вышедших в свет в конце первой

половины века, когда наследие эпохи романтизма было еще достаточно сильным. Восточный (мавританский) колорит становится в восприятии путешественника частью культурной самобытности Испании, своеобразия ее культурно-исторического пути, в частности, им отмечается, что мавританский элемент в Андалусии «сросся <...> со всем, его чувствуешь и в народных напевах фанданго, и в языке, и в обычаях, и в привычках» [6]. Отметим, что наследие мавров и культурный синтез цивилизаций, как и все то, что только намекает на своеобразие, всегда оценивается выше европейского: планировки улиц, танцев, одежды — такой взгляд характерен для русских путешественников второй половины века, плененных южными районами страны.

Часто путешественники, восхищаясь шедеврами мавританской архитектуры, обращаются к сюжету об арабском владычестве в Испании, так его описывает В. П. Боткин: «Я ничего не знаю фантастичнее в истории человечества, как это внезапное явление, этот чудный блеск и исчезновение мавританского племени! <...> Вот отчего воображение невольно окружает падение мавританской Гранады таким грустным, поэтическим колоритом: это последние минуты племени рыцарского, блестящего, которое погружается уже в вечную ночь смерти» [6]. Эта достаточно идеализированная и романтизированная характеристика изгнания мавров обозначает общий план в рассмотрении этого сюжета русскими путешественниками, но со временем сюжет приобретает более четкие очертания. В кон. 60-х гг. Л. И. Мечников отделяет от этого сюжета «легендарное»: «Величие арабской цивилизации в Испании выказывается не одною только постройкой волшебного-роскошного дворцов и садов, а тем, что никто не умел так как мавры воспользоваться всеми природными богатствами этой страны» [7, с. 281]. В его трактовке первоочередным становится признание мавританского владычества высшей точкой развития Иберийского полуострова. Таким образом, мы наблюдаем тенденцию восприятия событий, связанных с мавританским владычеством, как проявлений цивилизованности, а с изгнавшими их испанцами, в противоположность этому, — варварства.

Отметим также, что популярность этого сюжета основывается не на внимании к Востоку как некоей культурной целостности, а скорее, на исторических аналогиях: на популярном сюжете о завоевании Рима как повествовании о гибели одной культуры под натиском другой, менее развитой. Сожжение библиотеки Кордовы генералом Хименесом трактуется путешественниками как величайший акт вандализма, пристройки к арабской архитектуре — как жалкое подражание более высокому стилю. В. И. Немирович-Данченко в 1888 г. называет испанцев готами, опуская при этом все исторические детали: «...все эти Альфонсы и Санчо, крепкоголовые предводители варваров, до сих пор еще не умеющих отрешаться от своей готской нетерпимости ко всему чужому» [4, с. 30]. Это суждение показывает, насколько символичны и взаимосвязаны эти два сюжета в сознании русского путешественника. Нельзя не вернуться во времени к размышлениям об изгнании мавров из Испании В. П. Боткина, совместившим в себе внимание к Востоку и типичные для всего XIX века воззрения на мировой исторический процесс как на прогрессивное движение в будущее «...если подумать, что блестящее арабское племя <...>, возвысившееся до такой образованности <...>, теперь погружено в глубокое варварство, — то, право, трудно

не усомниться в этом так называемом бесконечном совершенствовании, когда еще видишь что на месте исчезнувшей цивилизации владевает дикость, невежество и изуверство!» [6]. В этом контексте интересны его же почти ориенталистские рассуждения о Востоке, который, становясь «цивилизованным», приобретает право на понимание: «...мы очень мало знаем Восток. <...> Путешественники пишут о Востоке с заранее составленной мыслью о превосходстве всего европейского и смотрят на восточную жизнь с европейской точки, как на курьезность...» [6]. Безусловно, восточный колорит, сливаясь в одно целое с сюжетом о крушении могущественной цивилизации, создает достаточно яркий образ, который во многом находится за рамками «прогрессивной» теории всемирного исторического процесса, непосредственно влияя на восприятие Испании, делая из нее некий отдельный мир, на который не распространяются общепринятые нормы, и, как представляется, в целом эта трактовка вполне осознанна у русских путешественников. Изгнание мавров как сюжет о навсегда исчезнувшей эпохе прекрасного, оставившей свои редкие следы в настоящем, делает историю этой страны поэтичнее и драматичнее — и это действительно то, что искали русские путешественники в эмоциональном плане. Это опыт восприятия национальной истории, основанный на новизне ощущений, на «вживании» в события прошлого, берущий свое начало в культуре романтизма и пропитанный ей. Таким образом, сюжет об изгнании мавров из Испании в восприятии русских путешественников второй половины XIX века неотделим от романтической традиции.

Представление в России начала XIX века об Испании как о стране религиозного гнета, деспотизма и суеверия, как показывает Е. О. Калугина, было достаточно распространено до событий 1812 года (они отодвинули их на дальний план), но поражение революции 1820 — 1823 гг. вновь привело этот образ к жизни [10, с. 262 — 263]. Путешественники уделяют достаточно много внимания в своих очерках инквизиции, она, как правило, всегда — причина бедствий современной Испании, представлена не как процесс, а отдельными действующими лицами. Олицетворением инквизиции являются Филипп II, Торквемада, Лойола, Эскориал. Столица Испании — Мадрид — в этом контексте представлялась как город, созданный по воле Филиппа II, преимущество которого состояло только в сосредоточении в нем административных функций. Отношение путешественников к Филиппу II и другим действующим лицам его времени всегда резко отрицательное, редко меняет оттенки, переходя из одного путевого очерка в другой: мрачный гений народа, фанатик, изувер, заговорщик, маньяк централизации.

Наиболее ярко в путевых очерках представлен Эскориал — символ деспотизма. В. И. Немирович-Данченко описывает его как колоссальный сырой четырехугольник, этот памятник становится для него олицетворением всего религиозного гнета средневековья, полутюрьмой-полумонастырем, кельей Филиппа II, из «которой он чуть не задушил всю Испанию в дыму костров и во тьме подземельев св. Германдады» [11, с. 62]. Отметим, что тема испанского средневековья наиболее детально освещена именно у Василия Ивановича, его взгляд конца 80-х гг. XIX века полон аналогий с Россией политического и исторического характера: «Александровская слобода кругом, только с тем различием, что у опричнины Иоанна Грозного был размах и полет, были

страсти стремительные и бешеные, а здесь все заключавшееся в строгой форме монашеского устава, творило свои мрачные злодеяния в полной тишине» [11, с. 86]. Другая аналогия — это аракеевщина, по мнению В. И. Немировича-Данченко, именно она создала и Эскориал, и Мадрид [11, с. 351]. Сюжет об испанской инквизиции символичен с точки зрения как общеевропейской истории, так и истории и современности России, символизируя средневековые в русле просветительской идеологии как «темные времена» и являясь символом деспотизма и реакции в современности.

Сюжет об инквизиции переключается с повествованием о роли католицизма в истории Испании и об испанской религиозности. Трактовка испанского католицизма как варварской силы, поглотившей энергию, народа встречается у многих авторов, например, Д. Л. Мордовцев пишет: «...капеллы, сооруженные безумною расточительностью и щедростью королей, коннетаблей и епископов — вот та бездна, которая поглотила и могущество и богатство, и гениальность, и прогресс, и, может быть, все будущее испанского народа» [3, с. 42]. Другой тенденцией является интерес к испанской религиозности и католической культуре в стране. Часто католицизм трактуется через призму испанской религиозной живописи — одной из жемчужин испанской культуры. Василий Петрович Боткин останавливается на мистической стороне испанской религиозной живописи, непохожести ее на итальянское искусство, в полной мере впитавшей влияние античного мира, пишет, что произведения великих испанских живописцев имеют под собой почву, возделанную фанатизмом и инквизицией, семивековой отстраненностью от общеевропейских процессов [6]. К. А. Скалковский, отмечая об испанцах, что «даже религия их так близка к идолопоклонству, что не дает рассудку почти никаких отвлеченных понятий», связывает это с реалистичным характером национальной живописи [12, с. 251]. Таким образом, испанская религиозная живопись дает русским путешественникам возможность не рассматривать испанский католицизм с позиций отрицательного его влияния на историю страны, а посмотреть на этот процесс с точки зрения влияния его на национальный характер, отметить своеобразие испанской религиозности.

Образ Испании у русских путешественников неотделим от восприятия сюжетов из ее прошлого, обращение к которому, в свою очередь, всегда связано с необходимостью более глубокого анализа настоящего. Характеристики исторического пути Испании, общий взгляд на прошлое пропитаны идеей драматизма исторического развития страны и трудности ее развития по пути прогресса. Целостной картины прошлого Испании у русских путешественников нет, исторический процесс представлен скорее в виде отдельных эмоционально окрашенных сюжетов и даже как череда неурядиц, повествование о прошлом — это во многом историко-софские рассуждения о цивилизации и варварстве, о власти и народе. Другой стороной восприятия прошлого является его идеализация авторами, превращение в легендарное повествование. Таким образом, образ Испании сквозь призму ее прошлого основан на двух тенденциях: первая — анализ исторического пути страны с точки зрения теории прогресса, вторая — достаточно определенная ориентация авторов на «вневременные» элементы в ее восприятии. Испания русских путешественников — страна с необыкновенной драматической историей, в которой кроется

причина современной неразвитости страны, восприятие ее прошлого происходит через призму «романтического мифа» о ней как о стране-мечте: поэтической и легендарной, все это создает образ страны, находящейся за рамками различных теорий и классификаций, отдельную реальность, живущую по собственным законам.

Библиографический список

1. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 800 с.
2. Мечников, Л. И. Поездка в Испанию / Л. И. Мечников // Отечественные записки. — 1869. — № 2. — С. 319–364.
3. Мордовцев, Д. Л. По Испании / Д. Л. Мордовцев. — СПб. : Тип. Н.А. Лебедева, 1884. — 292 с.
4. Немирович-Данченко, В. И. Очерки об Испании. Из путевых воспоминаний. В 2 т. Т. 1 / В. И. Немирович-Данченко. — М. : Типография Елизаветы Гербек, 1888. — 549 с.
5. Сабурова, Т. А. Русский интеллектуальный мир/миф (социокультурные представления интеллигенции в России в XIX столетия) / Т. А. Сабурова. — Омск : Наука, 2005. — 306 с.
6. Боткин, В. П. Письма об Испании [Электронный ресурс] / В. П. Боткин. — URL: http://az.lib.ru/b/botkin_w_p/text_0040.shtml (дата обращения: 20.09.2011).

7. Мечников, Л. И. Поездка в Испанию / Л. И. Мечников // Отечественные записки. — 1869. — № 11. — С. 257–294.

8. Глинка, М. И. Полное собрание писем М. И. Глинки / М. И. Глинка. — СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1907. — 568 с.

9. Усманов, С. М. Восток в общественно-политическом сознании русской интеллигенции XIX — начала XX веков : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. / Сергей Махмудович Усманов. — Иваново, 2000. — 353 с.

10. Калугина, Е. О. «Черная легенда» об Испании в русской культуре / Е. О. Калугина // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. — СПб. : РАН Ин-т русской лит-ры (Пушкинский дом), 2001. — 528 с.

11. Немирович-Данченко, В. И. Очерки об Испании. Из путевых воспоминаний. В 2 т. Т. 2 / В. И. Немирович-Данченко — М. : Типография Елизаветы Гербек, 1888. — 485 с.

12. Скальковский, К. А. Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии: 1869–1872 / К. А. Скальковский. — СПб. : Тип. тов-ва Общественная польза, 1873. — 326 с.

ПАНЧЕНКО Наталья Геннадьевна, аспирантка кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: png1504@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.09.2011 г.

© Н. Г. Панченко

УДК 94 (470):174.7

В. А. СЕРДЮК

Омский государственный университет путей сообщения

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ЭТИКИ МАШИНИСТОВ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Исследуются основные проблемы, связанные с образовательным и нравственным уровнем личного состава российских железных дорог, рассматривается процесс организации «судов чести» и их роль в формировании корпоративной этики машинистов на железных дорогах России в конце XIX — начале XX вв.

Ключевые слова: железные дороги, корпоративная этика, суды чести.

За двухвековую историю развития железнодорожных путей сообщения в России определенная обособленность, особенности условий труда и жизни, присущих железнодорожникам, способствовали формированию своеобразного «государства в государстве», с коллективом, обладающим внутренней (корпоративной) культурой. Процесс ее становления растянулся на многие годы, и по сей день подвергаясь различным трансформациям. Вместе с тем проводимые реформы, направленные, в том числе, на «воспитание корпоративной культуры работника, формирование чувства ответственности за результаты своей работы, профессиональной гордости» [1], а также высоких нравственных идеалов, чувства долга [2] должны опираться на накопленный опыт, традиции предшествующих поколений железнодорожников. В этой связи особую значимость при-

обретают работы, анализирующие истоки и процесс формирования корпоративной культуры работников железнодорожной отрасли.

По мнению современных исследователей, в XIX — начале XX вв. сама по себе принадлежность к железнодорожному транспорту являлась групповой ценностью, которая доминировала в регуляции мотивационно-этического поведения основной массы работников отрасли [3]. Данная ценность становилась неотъемлемой частью сознания каждого служащего, являясь результатом совместной работы, формирующей общность потребностей, интересов, мотивации. Выработываемые специфические правила (нормы) социального поведения на железных дорогах отражали систему ценностных ориентиров в объединенных службах, к которым принадлежал тот или иной работник. Эти нормы, именуемые также нор-

мами этического поведения, и сегодня приобщают работников железных дорог к формированию социально-психологической общности, занимающейся одним делом и совместно достигающей общекорпоративных целей [4].

Отражением этих процессов стало появление терминов «профессиональная» и «корпоративная этика». Исторически первой из них сформировалась профессиональная этика, рассматриваемая как совокупность моральных норм, которые определяют отношение человека к своему профессиональному долгу. По мнению М. С. Узериной, подлинный профессионализм опирается на такие моральные нормы, как долг, честность, требовательность к себе и своим коллегам, ответственность за результаты своего труда [5]. Помимо этого, профессиональная этика регулирует также нравственные отношения людей в трудовой сфере.

В свою очередь, институциональное становление корпоративной этики относят к эпохе средних веков, к существовавшим тогда ремесленным, цеховым союзам. Нормы поведения их членов определялись своеобразными «профсоюзными» уставами, главными целями которых были, во-первых, сохранение с помощью традиций целостности союзов, во-вторых, удержание на высоте стандартов качества продукции, в-третьих, регламентация поведения ремесленников вне производства, особенно в отношениях с другими сословиями и профессиями [5, с. 55].

Таким образом, являясь ключевым элементом корпоративной культуры, корпоративная этика: а) объединяет людей — участников производственного процесса на предприятии — в единый социальный организм (человеческое сообщество); б) устанавливает морально-этические нормы, регулирующие взаимоотношения как внутри коллектива, так и с третьими лицами; в) под ее воздействием деятельность работников организуется в большей степени за счет внутренней согласованности ориентиров и стремлений, а не приказов или компромиссов [6].

Необходимость формирования корпоративной культуры служащих на российских железных дорогах в целом (и корпоративной этики в ее рамках) к концу XIX — началу XX вв. стала насущной потребностью для Министерства путей сообщения (далее МПС). Бэл Амбразович, выступая с докладом на Международном железнодорожном конгрессе, призывал не забывать, что «хорошая машина работает без шума и не изнашивается без пользы, а между тем смазка для трущихся частей машины то же, что вежливость и снисходительность к людям в социальном строе» [7, с. 34]. По его мнению, к условиям, способствующим удовлетворительной организации личного состава и отождествлению работника с предприятием, относились средства, «...поддерживающие и возвышающие самолюбие, корпоративный дух, взаимное уважение между служащими и все... что способствует благоприятному складу служебных отношений» [7, с. 34].

Вполне справедливым будет считать, что вопросы морально-этического плана в обозначенный период для МПС стали вровень с экономическими, поскольку первые непосредственно влияли на уровень безопасности дорожного движения. Безусловно, и по сей день среди огромного числа служащих на железных дорогах, отвечающих за безопасность движения поездов, одна из важнейших ролей принадлежит машинистам. От общего нравственного и образовательного уровня машинистов зависит правильный ход поездов, жизнь и здоровье пассажиров

и сторонней публики. В деятельности машиниста большое значение приобретает тесная связь профессиональной ответственности личности с развитием всей ее социально-нравственной сферы, с прочностью закрепления в сознании представлений о добре и зле, чести и достоинстве, совести и ответственности [8] — всего того, что составляет суть корпоративной этики. Однако процесс ее формирования осложнялся действием ряда факторов, в частности, нехваткой надежного, стабильного личного состава и недостатком квалифицированных кадров. Эти факторы, характерные для всех российских железных дорог, стали серьезным препятствием формирования культуры, этики железнодорожников. И все же главное зло, как отмечал в 1909 г. один из авторов журнала «Железнодорожное дело», заключалось «...не столько в недостатке образовательного ценза, сколько в недостаточной высоте нравственного уровня служащих...», недостает, утверждал автор, — «не дипломов, но гораздо более важного: *честности, трудолюбия и инициативы*» [9] (курсив автора. — С. В.).

Длительное время, вследствие недостаточной квалификации отечественных служащих, в качестве машинистов трудились иностранцы. Постепенно картина менялась — в России стали готовить подходящий состав машинистов, что получило отражение даже в посвященных им стихотворениях:

Немца в сторону отставив,
За рычаг он смело взялся,
Пробки много раз расплавив,
Сути все-таки добрался [10].

Между тем нехватка надежного, стабильного личного состава была намного более серьезной проблемой. Так же как и во всех остальных категориях служащих, среди машинистов наблюдалась значительная кадровая ротация¹. Вместе с тем в вышеприведенном в 1896 г. исследовании, впервые анализирующем железнодорожную психологию, отмечалось, что именно постоянство кадров железнодорожной службы способствует «зарождению и упрочению традиций, создающих служебную доблесть и народный дух, проявляющихся в той органической связи железнодорожных служащих с данной дорогой, перед которой ступеньвается столь часто подчеркиваемое различие расовое, вероисповедное и т.д.» [11].

По словам И. И. Рихтера, значительный процент увольняемости и небольшие сроки продолжительности службы являлись следствием: а) недостаточной специализации ремесла и б) малой привлекательности самой службы. Благодаря первой причине, характеризующей образовательный уровень и квалификацию служащих, «в состав корпорации допускался приток новых элементов, не способных к ассимиляции» [7, с. 15]. А малая привлекательность службы сводилась, главным образом, к материальным выгодам, приобретаемым от службы.

Вместе с тем приведенные И. И. Рихтером причины не в полной мере давали объяснение сложившемуся положению вещей, поэтому его внимание привлек нравственный уровень служащих и рабочих. И действительно, одной из причин снижения образовательного и нравственного уровня машинистов стал массовый приток в профессию мастеровых слесарей, сдавших соответствующий экзамен после службы в качестве помощников машинистов. Таких слесарей современник, техник Соколов, называл «машинистами по недоразумению». Стремясь получить желаемое звание машиниста, на первых порах они отличались аккуратностью и исполнительностью в деле. Но в итоге «бывшие скромники» начинали

злоупотреблять спиртными напитками, что влекло за собой сбои в движении поездов, несоблюдение расписания [12].

Назревшие проблемы требовали своего разрешения, причем не столько со стороны государственных органов власти², сколько изнутри, силами самих машинистов. И меры не заставили себя ждать. В 1899 г. инженер-техник В. Клочковский высказал свои соображения по этому поводу:

— учреждение при каждом участке особых должностей машинистов-наставников, которые надзирали бы за машинистами, разбирая возникавшие противоречия как между ними, так и с агентами других служб;

— установление особого, лично присвоенного, вознаграждения за долголетнюю службу на одной дороге;

— установление форменной одежды для машинистов и их помощников³;

— допущение исключения машинистами из их среды товарища, замеченного в особо неблагоприятных поступках (курсив автора. — С. В.);

— учреждение читален при дежурных комнатах [13].

Суть предпоследнего пункта программы В. Клочковского очень ясно выразил в 1903 г. А. С. Кенигшац в письме на имя редакции журнала «Железнодорожник». Заметив, что из-за «пестроты» состава служащих среднего звена на железных дорогах, среди них нет солидарности и этичности отношений, он указал на иное положение дел в других учреждениях, «где люди связаны либо известным общим образовательным цензом, либо одним общим уровнем развития, либо общими служебными традициями, которые вырабатывают... этичность отношений. Эта этичность отношений налагает нравственную узду, которая не допускает затронуть или унижить ближнего и, вообще, совершить такой поступок в отношении своего ближнего, который не только не может быть явно инкриминируемым, но даже порицаемым» [14].

В конечном итоге подобные настроения среди машинистов вылились в идею учреждения так называемых «судов чести»⁴. Первенство принадлежало машинистам Юго-Западных железных дорог. В циркуляре по службе подвижного состава и тяги Юго-Западных железных дорог № 5287, от 19 апреля 1904 г., создание судов чести мотивировалось выявлением лиц, вредящих общей репутации машинистов и ронявших «звание машиниста, столь почетное по трудности и ответственности своей службы» [15]. Кроме того, суд чести предоставлял бы возможность «забытым, робким служащим безбоязненно обращаться к своим товарищам в тех случаях, когда они видят несправедливость, злоупотребления... своих товарищей», а начальству — спокойно «заниматься своим делом, будучи уверенным, что, кроме их помощников и непосредственных сотрудников, есть то недремлющее око товарищей, которое всегда подметит всякое болезненное, уродливое явление и примет меры к его устранению» [16].

Соответственно, целью учреждения подобных судов становилось постепенное общее поднятие нравственного уровня паровозных бригад. Причем указывалось, что это невозможно сделать «...без нравственного воздействия на своих товарищей со стороны лучшей части самих машинистов и без участия общества машинистов в воспитании своих помощников» [15]. В соответствии с этим циркуляром, рассмотрению и разрешению товарищеского суда машинистов подлежали все проступки *неслу-*

жебного характера как самих машинистов, так и их помощников в рамках участков тяги. К таким проступкам относилось: нетрезвое поведение, оскорбление словами или действиями товарищей или сослуживцев (кроме случаев нарушения дисциплины), грубое обращение с низшими служащими или рабочими, различные недобросовестные и неблагоприятные действия с целью увеличения своего заработка, нанесение какого-либо ущерба своим сослуживцам и т.п. Товарищеский суд исполнял также роль третейского суда в случаях каких-либо недоразумений между служащими паровозных бригад.

Непосредственная инициатива учреждения товарищеского суда принадлежала начальнику 2-го участка тяги Юго-Западных железных дорог А. Е. Чернявскому, по инициативе которого суд чести машинистов неоднократно применялся в депо Ковно⁵. По его словам, эта мера вызвала сочувствие со стороны самих машинистов, а ее эффективность выражалась большим опасением решений такого суда, чем в случаях единоличного разрешения дел начальниками участков. И не без оснований, так как, во-первых, обвинительные приговоры такого рода уже ни с чьей стороны не вызвали сомнений в действительной виновности подсудимого, во-вторых, во всех случаях приговоры оказывались весьма строги. Сами же обличенные машинисты беспрекословно исполняли приговор товарищей [17].

Однако первоначально высказывались определенные опасения по поводу их организации, сводившиеся к тому, что: 1) вероятны пристрастные приговоры вследствие существующих противоречий между машинистами различных групп (в частности, пассажирских и товарных поездов); 2) сложно собрать кворум, так как большинство машинистов находится либо на службе, либо отдыхают; 3) отсутствие суда для самих судей, могущими ошибаться при вынесении приговора; 4) компетенции суда чести могут подлежать лишь немногие проступки, не имеющие никакого отношения к службе.

Несмотря на это, товарищеский суд был единогласно признан желательным учреждением на Юго-Западных железных дорогах.

То, что суд чести оказался не игрой, а самой серьезной действительностью, стало очевидным с первых дней его функционирования. 23–24 августа 1904 г. на ст. Смела Юго-Западных железных дорог судили машиниста, поведение которого было признано товарищами предосудительным: «незвизрая ни на дружбу, ни на слезные мольбы семьи, товарищи постановили исключить его из своей среды и на два года сместить в помощники» [18].

Опыт Юго-Западных дорог обратил на себя внимание всех железнодорожников России. В докладной записке машинистов Дербентского депо Владикавказской дороги, отправленной на имя начальника депо, первоочередным требованием выступало учреждение судов чести [19].

Не осталась в стороне от происходящих событий и Сибирская железная дорога. Взвизрая на деятельность Юго-Западных железных дорог, один из современников писал, что «мы [сибирские служащие] по-прежнему стремимся держаться во всех затруднительных случаях жизни традиционного «мордобитного кулака», который заменяет у нас в большинстве случаев пресловутый суд чести. Мы предпочитаем писать пасквили, анонимы, доносы, бросать грязью в целую корпорацию...но создать что-либо в своей же среде, поднять ее, облагородить, сделать жизнь осмысленнее, чище, лучше, у нас не хватает ни уме-

нья, ни воли, ни желания» [20]. Автор задается вопросом, чем отличаются киевские машинисты от сибирских? Разница, по его мнению, лишь в обстановке, в жизненных условиях и условиях быта. «Но если там, при высокой окружающей культуре общества нашли необходимым ввести суд чести среди машинистов, насколько же необходим он нам — людям, лишенным общества, развлечений, интеллигентного кружка» [20].

На призыв откликнулся ревизор службы движения 2-го участка Сибирской железной дороги Н. Гостемиллов: «...я с охотой готов взять на себя почин такого гуманного и симпатичного дела, как суд чести, и организовать таковой из агентов движения моего участка» [21].

Благодаря сочувствию начальника дороги инженера В. М. Павловского⁶, просьба Н. Гостемилова была удовлетворена. При этом начальник посчитал долгом указать, что смотрит на это дело «крайне серьезно» и выразил надежду, что «симпатичный почин...послужит примером для организации такого же суда чести и на других участках Сибирской дороги» [22].

Один из агентов дороги так приветствовал суд чести: «Это благое начинание...хотя бы отчасти внесет свежую струю в затхлую атмосферу железнодорожной линейной жизни, и, несмотря на разношерстную семью железнодорожников, сплотит ее членов в тесный круг, даст нравственную поддержку более слабым, улучшит взаимные отношения, сгладит неровности и шероховатости, сильнее разовьет чувство солидарности и будет иметь громадное воспитательное значение...» [22].

Основные положения суда чести на Сибирской магистрали во многом повторяли оные на Юго-Западных железных дорогах, ставших образцом для других линий России [23].

24 июля 1905 года на ст. Курган состоялось общее собрание железнодорожных служащих для выборов судей чести на втором ревизорском участке дороги, после чего суд стал функционировать [24].

К сожалению, примеру Н. Гостемилова на Сибирской железной дороге больше никто не последовал, что дало повод печати упрекнуть начальствующих лиц, от которых зависело решение об учреждении таких судов: «Если вы, власть имущие, не будете прислушиваться к голосу вам подчиненных, не будете идти навстречу даже скромным запросам их жизни, то каким же путем достигнется та дружная работа, которая нам...нужна» [25]. Автор предположил, что камнем преткновения в этом вопросе является взгляд начальников на служащих, как на не готовых к самостоятельной деятельности, чтобы «разбираться в таких корпоративных учреждениях, как суд чести». И добавил в заключение, что «каждый из нас сможет отличить правду от неправды и, следовательно, каждый может вполне сознательно участвовать в суде чести» [25].

Несмотря на это товарищеские суды функционировали на большинстве дорог России, в особенности в европейской ее части. Учреждение судов чести, несомненно, в полной мере может быть причислено к положительным мероприятиям, давшим благодетельные результаты в отношении развития личности рабочего, поднимая его нравственный и культурный уровень. Формирующаяся корпоративная этика позволяла обеспечивать поведение, соответствующее сложившимся нравственным нормам корпорации машинистов, способствовать повышению престижа и уважению к профессии.

Примечания

¹ По данным двух выпусков статистики служащих на казенных железных дорогах — участников пенсионных касс, на 1 января 1898 г. и 1 января 1899 г., убыль паровозной прислуги (в число которых входили машинисты) в процентном отношении ко всем службам на железных дорогах в 1898 г. достигала 18,42. По сравнению с другими по данным показателям служба подвижного состава и тяги занимала промежуточное положение. Рихтер, И. И. Личный состав русских железных дорог... С. 7.

² Распоряжений, затрагивающих внутрислужебные отношения, хватало. Так, пункт 83 «Положения о служащих железных дорог» четко указывал: «При сношениях между собой и с публикой служащие должны быть учтивы и вежливы, но при этом настойчиво требовать исполнения установленных правил». Российский государственный исторический архив. Ф. 273. Оп. 1. Д. 4217. Л. 11.

³ Комментируя этот пункт программы, печать призывала трактовать форму не просто с внешней стороны, а указывать «на нечто более существенное, связанное с понятием о форме...» // Железнодорожная неделя. — 1899. — № 10. — С. 151.

⁴ Суды чести, называемые также товарищескими, существовали давно. Так, подобный институт существовал в армии Наполеона с его молчаливого согласия. Тарле, Е. В. Разгром третьей коалиции 1805 — 1806 гг. [Текст] / Е. В. Тарле // Наполеон [Электронный ресурс]. — URL: <http://tarle-napoleon.narod.ru/index.html> (дата обращения: 11.11.2011).

⁵ Впервые о товарищеском суде в России с участием рабочих и служащих железных дорог упоминается в связи с деятельностью Н. Г. Гарина-Михайловского в 1896 г. По его инициативе был проведен суд над инженером, принявшим за взятку гнилые шпалы. Зензинов, Н. А. Выдающиеся инженеры и ученые железнодорожного транспорта / Н. А. Зензинов, С. А. Рыжак — М.: Транспорт, 1990. — С. 131 — 132.

⁶ Подробнее о деятельности В. М. Павловского: Сердюк, В. А. Вклад первого начальника Западно-Сибирской железной дороги в формирование корпоративной культуры железнодорожников Сибири / В. А. Сердюк // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых : сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Худякова. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. — Вып. 16. — С. 82 — 91.

Библиографический список

1. Корпоративные требования к квалификации работников Компании «Российские железные дороги» с высшим и средним профессиональным образованием (вводятся с момента утверждения) / Открытое акционерное общество «Российские железные дороги». — М.: РЖД, 2009. — С. 7.
2. О наставничестве ОАО «РЖД»: положение; утв. 28.04.2008 г. распоряжением ОАО «РЖД» № 906р [Электронный ресурс]. — URL: http://doc.rzd.ru/isvp/public/doc?STRUCTURE_ID=704&layer_id=5104&refererLayerId=5103&id=3759#6003 (дата обращения: 11.11.2011).
3. Зверев, В. Ю. Корпоративная культура и ее ценностно-мотивационные ориентиры / В. Ю. Зверев, Л. Е. Ларина // Мир транспорта. — 2004. — № 3. — С. 110.
4. Кодекс деловой этики открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (утв. решением совета директоров ОАО «РЖД» 16.11.2006 (протокол № 19) [Электронный ресурс]. — URL: http://doc.rzd.ru/isvp/public/doc?STRUCTURE_ID=704&layer_id=5104&id=3737 (дата обращения: 11.11.2011).
5. Этика делового общения : учеб. пособие / составитель М. С. Узерина. — Ульяновск : УлГТУ, 2004. — 72 с.
6. Дубинина, М. В. Корпоративная этика как инструмент социального менеджмента / М. В. Дубинина // Менеджмент в России и за рубежом. — 2002. — № 4. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.klerk.ru/boss/articles/6083#_ftn11 (дата обращения: 11.11.2011).

7. Рихтер, И. И. Личный состав русских железных дорог (патология, прогностика и терапия) / И. И. Рихтер — СПб. : Типография штаба Отдельного Корпуса Жандармов, 1900. — 236 с.
8. Булатников, И. Е. Воспитательная система как фактор формирования ответственного отношения будущих специалистов к профессиональной деятельности / И. Е. Булатников // Ярославский педагогический вестник. Сер. Гуманитарные науки. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. — № 4 (61). — С. 94.
9. Мельников, Н. Что нужно для улучшения личного состава служащих на железных дорогах? / Н. Мельников // Железнодорожное дело. — 1909. — № 33. — С. 185.
10. N. N. Железнодорожные силуэты / N. N. // Железнодорожная неделя. — 1902. — № 37. — С. 582—583.
11. Рихтер, И. И. Железнодорожная психология (материалы к стратегии и тактике железных дорог) / Рихтер И. И. — СПб. : Типография братьев Пантелеевых, 1896. — С. 84.
12. Обзор печати // Железнодорожник. — 1904. — № 35. — С. 14.
13. А. Искоренение зла на службе тяги / А. // Железнодорожная неделя. — 1899. — № 10. — С. 149.
14. Кенигшац, А. С. Несколько слов о служебной этике и товарищеских отношениях. Письмо в редакцию / А. С. Кенигшац // Железнодорожник. — 1903. — № 21. — С. 22, 24.
15. О введении товарищеского суда среди машинистов // Железнодорожное дело. — 1904. — № 25 — 26. — С. 297.
16. Обзор печати // Железнодорожник. — 1905. — № 91. — С. 13.
17. Суд чести машинистов // Железнодорожник. — 1904. — № 50. — С. 10.
18. Обзор печати // Железнодорожник. — 1904. — № 74. — С. 14.
19. Докладная записка машинистов Дербентского депо // Железнодорожник. — 1905. — № 99. — С. 8.
20. Обзор печати // Железнодорожник. — 1904. — № 80. — С. 13.
21. Обзор печати // Железнодорожник. — 1905. — № 89. — С. 11.
22. Обзор печати // Железнодорожник. — 1905. — № 90. — С. 11.
23. Суд чести на Сибирской железной дороге // Вестник Юго-Западных железных дорог. — 1905. — № 51 — 52. — С. 562.
24. Суд чести в Кургане // Сибирская жизнь. — 1905. — № 162 (9 августа). — С. 3.
25. Обзор печати // Железнодорожник. — 1905. — № 123. — С. 13.

СЕРДЮК Владимир Александрович, аспирант кафедры истории, философии и культурологии.
Адрес для переписки: a.serdyuk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.11.2011 г.

© В. А. Сердюк

Книжная полка

Кириллов, В. В. История России : учебное пособие для бакалавров / В. В. Кириллов. — 5-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2013. — 663 с. — Гриф МО РФ. — ISBN 978-5-9916-2457-2.

Учебное пособие освещает историю нашей страны с древнейших времен до современности. Его содержание соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения по дисциплине «Отечественная история». Текст издания сопровождается большим количеством схем и таблиц, которые дают возможность лучше понять и усвоить обширный фактический материал по истории России. Для абитуриентов и студентов высших учебных заведений.

Пауэлл, Т. Кельты. Воины и маги / Т. Пауэлл. — М. : Центрполиграф, 2012. — 212 с. — ISBN 978-5-9524-5049-3.

В книге собран уникальный материал об истории древних кельтов — первого из заселявших земли к северу от Альп великих народов, чье название нам известно. Обилие археологического материала, свидетельства античных историков, кельтское литературное наследие и результаты современных филологических исследований проливают свет на жизнь удивительных и загадочных предшественников исторических наций Западной и Средней Европы.

Бушуев С. В. История государства Российского : историко-библиографические очерки. В 2 кн. Кн. 2. XVII—XVIII вв. / С. В. Бушуев. — М. : Сибирский хронограф, 2012. — 414 с. — ISBN 978-5-87550-152-4.

Это вторая книга из серии под общим названием «История государства Российского». Первая, освещающая эпоху IX—XVI вв., вышла в 1991 г. Издание одновременно и книга для чтения по русской истории XVII—XVIII вв., и путеводитель по источникам и литературе. Стремясь отразить все лучшие и наиболее ценные книги, автор в то же время делает акцент на те стороны и периоды прошлого Отечества, которые мало или искаженно отражались историками в общих курсах. Это Смута начала XVII в. и Раскол Церкви, неоднородные и по сущности, и по последствиям реформы Петра I, просвещенный абсолютизм Екатерины II, политическая история и общественная мысль. В характеристиках этих сюжетов автор, кроме современных работ, опирается на труды дореволюционных исследователей и историков русской эмиграции, работы российских философов и мыслителей серебряного века.